СОДЕРЖАНИЕ

Задачи журнала «Вопросы истории» 3

СТАТЬИ

Греков Б., акад. — Хозяйственный кризис в Московском государстве в 70—80-х годах XVI в. 6

Тихомиров М., проф. — О купеческих и ремесленных объединениях в древней Руси (XI—XV века) 22

Епифанов П. — К вопросу о военной реформе Петра Великого 34

Косминский Е., проф. — Вопрос о рабочей силе в английской феодальной вотчине XIII века 59

Грацианский Н., проф. — Деятельность Константина и Мефодия в Великоморавском княжестве 84

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

Needлы Зд., проф. — Отклики в Чехии на русскую революцию 1905 года . . . 106

Шаскольский И. — Посольство Александра Невского в Норвегию 112

Альтман В. — Памяти Ф. И. Успенского 116

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

История СССР

Пичета В., проф. — **Державин Н.**, акад. Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского 121

Яцунский В. — **Струмилин С.**, акад. Промышленный переворот в России . . 126

Дмитриев С. — «Из боевого прошлого русской армии. Документы о доблести и героизме русских солдат и офицеров» 135

Воронин Н., проф. — **Лихачёв Д.** Новгород Великий 137

Всеобщая история

Семёнов В., проф. — Buchan John. Oliver Cromwell London. 1942. Бьюкен Дж. Оливер Кромвель 139

Лясковский С. — Childe V. Gordon. Prehistoric communities of the British Isles. London and Edinburgh. Chambers. Reprinted. 1942. Чайлд В. Доисторические общины Британских островов 141

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ 145

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

В. А. — Вопросы истории на юбилейной сессии АН СССР 149

Лось Ф. — Работа Института истории Украины АН УССР за годы Отечественной войны 152

*** О написании истории Якутской АССР с древнейших времён до наших дней . . 154

Шафиро Ш. — Работа государственных архивных органов Казахской ССР в дни войны 155

Недзведский А. — Научная сессия, посвящённая 150-летию Одессы 156

Г. С. Кара-Мурза 158

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

Институт истории Академии наук СССР приступает к изданию нового периодического органа под названием «Вопросы истории» вместо выходившего ранее «Исторического журнала». Центральный Комитет ВКП(б), рассмотрев содержание «Исторического журнала» за последнее время, признал, «что «Исторический журнал» ведётся неудовлетворительно и не отвечает своему назначению». «Редакционная коллегия журнала,— говорится в постановлении ЦК ВКП(б),— не справляется с возложенными на неё задачами и не обеспечивает ведения журнала на надлежащем научном уровне. Журнал не разрабатывает важнейшие проблемы советской исторической науки, зачастую заполняется статьями и материалами, не имеющими отношения к истории или лишёнными научного значения. Редакция «Исторического журнала» слабо связана с научно-исследовательскими учреждениями и недостаточно привлекает к участию в журнале наиболее квалифицированных историков» Центральный Комитет партии постановил реорганизовать «Исторический журнал» в журнал «Вопросы истории» и определил основное направление нового журнала, обязав редакционную коллегию «коренным образом улучшить работу журнала, прекратить публикацию статей, не имеющих отношения к исторической науке, сосредоточив внимание и силы историков на научной разработке вопросов истории СССР и всеобщей истории».

«Вопросы истории» — научный журнал, задача которого состоит в том, чтобы, отражая движение исторической научно-исследовательской мысли в СССР, в то же время воздействовать на направление этого движения.

Наша историческая наука, развивающаяся на основе марксистско-ленинского материалистического понимания истории, является передовым по своей методологии отрядом международной научной мысли. Международные связи нашей науки будут неизбежно расти одновременно с ростом международного авторитета нашей советской социалистической культуры. Журнал «Вопросы истории» должен стать одним из средств научного общения с зарубежными странами, тем самым одним из средств влияния на международную историческую мысль. Журнал будет охотно помещать на своих страницах работы зарубежных историков, разделяющих принципиальные позиции советской исторической науки. Содействовать росту научных связей журнал считает задачей большого научного значения. Расширение научных связей обогатит тематику журнала, даст возможность более широко и всесторонне обсуждать проблемы, волнующие историческую мысль.

Журнал «Вопросы истории» будет отражать на своих страницах исследовательскую работу по всем разделам всемирной истории. Однако наибольшее внимание он будет уделять вопросам истории СССР. Разработка истории СССР, истории русского народа и истории других народов Советского Союза — первоочередная задача советских историков.

Широта охвата исторической проблематики не должна превращать журнал в научно-популярный орган. Статьи, помещаемые в журнале, должны отвечать требованиям, которые предъявляются к подлинно научным работам. Они должны давать научное изложение результатов самостоятельного исследования, основанного на источниках. Задача популяризации науки — задача весьма важная, но для её разрешения существуют и должны существовать специальные органы. «Вопросы истории» — орган исследовательский, а не популяризаторский.

Развитие исторической науки в СССР за годы, протекшие после Великой Октябрьской социалистической революции, характеризуется прежде всего усвоением нашей наукой материалистического понимания истории, её борьбой с пережитками исторического идеализма и разного рода извращениями диалектического материализма. Самым распространённым из таких извращений была так называемая «школа» Покровского. Её влияние успешно преодолено нашими историками, но следы этой «школы» всё же кое-где остались и иногда дают о себе знать в новых формах. В качестве примера можно указать на антимарксистские тенденции, которые сказались в последние годы в ряде работ по истории отдельных народов СССР (казахского, татарского, башкирского). В указанных случаях извращение марксистско-ленинской исторической концепции проявлялось в формах мелкобуржуазного национализма, оно приводило к идеализации истории изучаемого народа, к огульно отрицательной оценке роли Русского государства и его деятелей. Но в нашей исторической науке за последние годы были также извращения противоположного характера — в сторону великодержавного шовинизма, проявлялись тенденции к столь же огульной реабилитации колониальной, захватнической политики царизма, к реставрации буржуазных концепций в изображении роста Русского государства, к отрицанию революционного значения крестьянских движений, к идеализации деятелей самодержавного строя, к отказу от классового анализа исторических явлений.

Журнал «Вопросы истории» должен быть боевым органом марксистско-ленинской исторической науки. Задачей журнала является борьба за принципы диалектического материализма и за их применение к изучению явлений исторической жизни народов. Подлинная историческая наука может жить и развиваться только на основе диалектического материализма. Всякого рода отклонения от этой линии развития нашей науки будут встречать на страницах «Вопросов истории» решительный отпор.

Намеченные нами задачи определяют содержание отдельных книг «Вопросов истории».

Основную часть каждой книги должны составлять статьи научно-исследовательского характера, статьи, посвященные проблемам, стоящим перед исторической наукой и разрабатываемым нашими историками. Для широкого обмена мнениями по спорным вопросам в журнале будут помещаться также статьи дискуссионного характера.

Большое внимание журнал будет уделять вопросам, выдвинутым перед историками Великой отечественной войной. Война заставила на многое смотреть по-новому, пробудила интерес к вопросам, которые раньше недостаточно привлекали к себе исследовательскую мысль. Ввиде примера укажем такие проблемы, как проблема образования славянских народов и их борьбы с германской агрессией, проблемы истории русского военного искусства, проблема своеобразия исторического развития Германии и исторической подготовки германского фашизма и многие другие.

Наряду с отделом статей в журнале должен быть серьёзно, широко поставлен отдел критики и библиографии. Журнал должен критически освещать все значительные явления в исторической литературе, как советской, так и зарубежной. Без этого он не может выполнять своей функции руководящего органа советской исторической науки. Журнал будет стремиться привлекать к участию в этом чрезвычайно ответственном деле научной критики самые широкие круги советских историков и по мере возможности — историков зарубежных.

Появлению книги или статьи предшествует длительный и сложный процесс работы в архиве, в библиотеке, в научном кабинете. Тема работы, основные её этапы, её результаты обычно обсуждаются в научных учреждениях, на заседаниях кафедр высших учебных заведений. Журнал должен отражать текущую работу в области исторической науки на её предварительных стадиях. Таковы задачи четвёртого отдела нашего журнала — отдела хроники. В отделе хроники, как и в отделе библиографии, большое внимание должно уделяться работе научных учреждений отдельных республик Советского Союза, зачастую остающейся мало известной за пределами данной республики.

В процессе роста нашей исторической науки исключительную роль играли постановления ЦК ВКП(б), работы и указания товарища Сталина. Положения, формулированные в таких документах, как письмо товарища Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспектов исторических учебников, письмо товарища Сталина членам Политбюро ЦК от 19 июля 1934 г. «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», имеют для журнала «Вопросы истории» руководящее значение. «Краткий курс истории ВКП(б)» и особенно работа товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме» дают нам высокие образцы исторической работы и неоценимые методологические указания. Следуя этим указаниям, всемерно содействовать дальнейшему развитию советской исторической науки — такова цель, которую ставит перед собой редакция журнала «Вопросы истории». Во имя этой цели журнал стремится объединить вокруг себя всех советских историков.

СТАТЬИ

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КРИЗИС В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В 70—80-х ГОДАХ XVI в.

Акад. Б. Греков

Факт запустения в 70—80-х годах XVI в. Московского государства, ярко отмечаемый многими документами и рядом наблюдателей-современников, не мог не привлечь внимания русских исследователей. Но размеры этого бедствия на Руси, его причины и связанные с ним дальнейшие события понимались по-разному.

Можно отметить два основных направления: представители одного направления рассматривали хозяйственное потрясение страны как следствие органических, в течение длительного времени действовавших причин; они предполагали, что давно начавшийся отлив населения из центра во второй половине XVI в. лишь усилился и продолжался едва ли не до первой четверти XVII века. Представители второго направления считали хозяйственное потрясение страны явлением, порождённым временными причинами, не имеющими общего органического характера и продолжавшимися сравнительно недолго.

По первому пути шли, как правило, старые исследователи, не имевшие на руках писцовых книг или пользовавшиеся ими в ограниченном размере. К ним примкнула и часть исследователей, которые могли пользоваться данными писцовых книг в полном объёме.

По второму пути пошли те, которые сумели освободиться от гипноза старых авторитетов и заново подвергли пересмотру имеющиеся источники.

Немаловажную роль в этих разногласиях играли методологические предпосылки и общие представления о ходе русской жизни, особенно в период XV—XVI веков.

С. М. Соловьёв объяснял запустение XVI в. склонностью русского народа к бродяжничеству, чему способствовал рост и без того обширной русской территории, и беспрерывной колонизацией пустых земель. «Пространство земель, требовавших населения, — писал он, — увеличивалось всё более и более, колонии вытягивались и на юг в степи, и на северо-восток, за Уральские горы, в бесконечную Сибирь». Отсюда и объяснение, почему «к концу XVI века пустынных пространств было уже очень много в Московском государстве» [1].

А. П. Щапов был того же мнения: «Огромное равнинное пространство и обилие земель простором своим невольно вызывало массы к свободному, привольному разгулу по земле, к постоянным переходам с места на место, приучало к полукочевому земледелию, к полукочевой, полуномадной колонизации» [2].

Бродит русский крестьянин и у П. Н. Милюкова: «Служилый класс закрепил под собою крестьянство, давно уже лишённое в процессе колонизации своих племенных связей, продолжавшее ещё бродить по русской

---

[1] Соловьёв С. История России. Т. II, стр. 650—651. Изд. «Общественная польза».

[2] Щапов А. Историко-географическое распределение русского народонаселения. «Русское слово» № 9 за 1864 г., стр. 107.

земле и садившееся на землю, большею частью, на положении временных поселенцев на условиях частного найма»[1].

А. С. Лаппо-Данилевский даже в великокняжеском хозяйстве XII—XIV вв. видел следы «полукочевого быта»: «Древнее великокняжеское хозяйство в XII—XIV вв. ещё отзывалось следами полукочевого быта, ибо основным его элементом были, повидимому, звериная и рыбная ловля, скотоводство и отчасти земледелие»[2].

И. Д. Беляев выдвинул другую причину переселений крестьян — истощение почвы. По его мнению, при первобытном хозяйстве выжигание леса и поднимание новины были более выгодными, чем удобрение истощённой земли. Но И. Д. Беляев в то же время очень далёк от мысли считать русского крестьянина бродячим. Он решительно протестует против объяснения запустения свободным переходом крестьян. «Сами памятники, — пишет он, — везде жалуются и приписывают запустение не свободному переходу, а другим причинам: голоду, повальным болезням, войне, плохому хозяйству землевладельцев и тяжести податей и повинностей». Автор старается убедить читателя в том, что от сносных условий ни один крестьянин уходить не станет, что крестьянин «по самой природе его промысла» не склонен к переменам мест, и упрекает сторонников теории бродяжничества в том, что они «напрасно обвиняют русских крестьян XVI века в бродячести и неусидчивости». Для такого вывода Беляев не видит в источниках никаких оснований.

И. Д. Беляев, писавший накануне освобождения крестьян и горячо сочувствовавший делу освобождения, знал, что крепостники приписывали крестьянам склонность к перемене мест, якобы грозившей помещикам остаться без устойчивых рабочих кадров[3].

Через 20 лет взгляды И. Д. Беляева на прочную оседлость крестьян нашли поддержку у крупного экономиста-историка П. А. Соколовского, врага теории бродяжничества. «Это стремление, — писал Соколовский, — понятно в туристе, но совершенно неестественно в земледельце, принуждённом для обеспечения своего существования соблюдать возможно большую экономию в затрате своих трудовых сил. Не имел он основания приходить на новое место с целью облегчить труд, как полагает г. Соловьёв, потому что гораздо легче изменить систему полеводства, чем снова обзаводиться всем нужным для хозяйства»[4]. Соколовскому кажется неубедительным и мотив «истощения почвы». Причиной бегства крестьян с насиженных мест он считает общественные условия. При этом он ссылается на жалобы крестьян на то, что «многие деревни запустели от прежних... поместников, и от тиунов, и от доводчиков, и от обыскных грамот, и от лихих людей, и от татей, и от разбойников»[5]. Иногда крестьяне объясняют запустение «от государевых податей и от подвод», «от опричного правежу», «от Свейских немец», казаков, татар; иногда ссылаются на мор.

«Очевидно, — заключает автор, — что никакая почва, никакой климат, никакие усовершенствованные системы хозяйства не могли парализовать разрушительного влияния таких общественных условий, и, чтобы

---

[1] Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Т. I, стр. 144, 5-е изд. Непонятно, как прикреплённый крестьянин оказался «временным поселенцем на условиях частного найма». Непонятно, как при условиях, созданных для крестьянина П. Н. Милюковым, крестьянин продолжает бродить.

[2] Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения в Московском государстве, стр. 1. СПБ. 1890.

[3] Беляев И. Законы и акты, устанавливающие в древней Руси крепостное состояние. «Архив исторических и практических сведений». Т. II; его же, Крестьяне на Руси, стр. 92—93. 1879.

[4] Соколовский П. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юговосточных степей перед крепостным правом, стр. 170. 1888.

[5] Акты археографической экспедиции. Т. I, № 234, 344; Акты исторические. Т. I, № 200; Дополн. к актам историческим. Т. I. № 298.

бежать от них, вовсе не нужно было иметь романтической склонности к «брожению».

Не соглашаясь с теорией «бродяжничества», П. А. Соколовский, однако, признаёт самый факт бегства крестьян с земли. Для того чтобы прекратить бегство, правительство пошло по «пути насильственного прикрепления крестьян к земле» [1].

В. О. Ключевский тоже верит в «разброд населения», покидавшего свои родные места и уходившего на окраины государства. «С малолетства Грозного, — пишет он, — приблизительно с 1540-х годов, становится заметен отлив населения из центральных областей государства. Здесь во второй половине XVI в. путешественник на обширных пространствах, даже по бойким торговым дорогам, встречал уже только свежие следы прежней населённости края, обширные, но безлюдные сёла и деревни, жители которых ушли куда-то. Везде народ разбегался, и пустели не только деревни, но и города. Разные случайные обстоятельства, татарские набеги, многолетние неурожаи в 1550-х годах, усиливали этот отлив... Так ход сельского хозяйства в Московской Руси XVI века представлял, можно сказать, геометрическую прогрессию запустения... Кажется, ещё бы по одной сильной волне колонизации из центра к окраинам на юг и на север,—и Москве предстала бы опасность, уже испытанная её предшественником Киевом, опасность превратиться в столицу пустыни, окружённую, по техническому выражению вотчинных книг XVII века, «пометной (брошенной) землёй тяглых жеребьев впусте» [2]. Тут В. О. Ключевский делает ссылку на труды С. Ф. Платонова «Очерки по истории Смуты» и Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси», которые подтверждают его собственные выводы «новыми наблюдениями» [3].

Ссылка на Платонова понятна, потому что Платонов в свою очередь по данному поводу ссылается на Ключевского. Оба историка в объяснении интересующего нас события очень близки друг другу.

С. Ф. Платонов приводит для объяснения запустения новый, но едва ли убедительный аргумент — «переселение». По его мнению, причиной бегства крестьян является увеличение частного землевладения и переход крестьян в частную зависимость. В то самое время, когда крестьянский труд стали полагать в основание имущественного обеспечения вновь образованного служилого класса, крестьянство попыталось возвратить своему труду свободу через переселение... Вот в чём мы видим главную причину усиления во второй половине XVI в. крестьянского выхода из местностей, занятых служилым землевладением» [4].

В одной из своих последних статей С. Ф. Платонов возвращается к старой своей мысли в связи с вопросом о возникновении крепостного права в России. «История крестьянского прикрепления может быть правильно изображена, — пишет он, — только тогда, когда исследователь свяжет её с изображением громадной катастрофы, пережитой московским обществом во второй половине XVI в., с массовым выселением тру-

---

[1] Соколовский П. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юговосточных степей перед крепостным правом, стр. 172—173. Против теории «бродяжничества» решительно возражали В. И. Сергеевич («Древности русского землевладения». Журнал министерства народного просвещения («ЖМНП») №№ 9—10 за 1900 г.) и Н. П. Павлов-Сильванский (Феодализм в древней Руси, стр. 63—67. 1907). Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2-я, стр. 66.

[2] Ключевский В. Боярская дума, стр. 306—307.

[3] Там же, стр 308—309.

[4] Платонов С. Очерки из истории Смуты.

дового народа из московского центра и с гибелью хозяйственной культуры в наиболее культурных областях страны» [1].

В книге «Борис Годунов» автор к указанным причинам разрухи прибавляет политику власти: «Само правительство звало этих «верховых сходцев» для заселения новых городов и пограничной укреплённой черты... Власти одними мерами как бы выталкивали народ из внутренних областей государства, а другими — привлекали его на окраины, обаятельные для поселенцев и безо всяких казённых приглашений» [2].

Естественно, возникает ряд вопросов: почему то же самое обеспечение частных владений крестьянским трудом в течение многих веков не вызывало кризиса, подобного потрясению 70—80-х годов XVI века? Почему Россия в течение более чем 100 лет шла к своему хозяйственному расцвету и при наличии поместного землевладения? Погибла ли на самом деле хозяйственная культура в наиболее культурных областях страны?

На все эти вопросы не дают ответа ни В. О. Ключевский, ни С. Ф. Платонов. С. Ф. Платонов хорошо знает, что писцовые книги и летописи того времени объясняли сильное запустение центральных и южных областей государства главным образом татарским набегом 1571 года, когда хан дошёл до самой Москвы, а отчасти «моровым поветрием» и «хлебным недородом». Но почему-то не хочет принять их, а настаивает на том, что «это были второстепенные и позднейшие причины: главная причина заключалась в потере земли».

Опять у нас возникают недоуменные вопросы: почему причины, выставленные современниками, переживавшими грозные события 70—80-х годов XVI в., С. Ф. Платонов считал «позднейшими» и о какой «потере земли» говорит он? Кто её потерял? Служилый человек, согласно признанию автора, её получил, а крестьянин её покинул, чтобы променять на другую, в другом месте, но крестьянин или помещик, стало быть, без земли не оставались. Тут С. Ф. Платонов ссылается на ту же самую XV главу «Боярской думы» Ключевского, в которой приводилась ссылка на Платонова.

Оба автора твердят о развитии крестьянского выселения, чему способствовали громадные земельные приобретения Москвы и поощрение правительством колонизации. Отсюда-де необходимость для прекращения передвижения крестьян крестьянского прикрепления [3].

Ссылка В. О. Ключевского на Н. А. Рожкова понятна: Рожков подтверждает факт запустения страны в 70—80-х годах XVI в. и вместе с Ключевским готов признать значение колонизации как фактора, действовавшего на протяжении всего XVI века.

Но у Рожкова своя точка зрения на причины запустения Русского государства в 70—80-х годах XVI века. Рожков, как и С. Ф. Платонов, не придаёт значения объяснениям современников, переживавших бедствие. Он критикует мнение датского посланника Ульфельда и иезуита Антония Поссевина. Первый ссылался на опричников, второй — на походы Батория, шведов и крымского хана.

Автор соглашается с замечанием А. Ильинского о том, что ни иноземное нашествие, ни поход Грозного на Новгород не могли «надолго» (разрядка моя.— *Б. Г.*) лишить Новгородскую землю населения.

---

[1] Платонов С. О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси. «Архив истории труда в России». Кн III, стр. 22.

[2] Автор объясняет разруху, происшедшую, по его мнению, вследствие бегства крестьян, террором Грозного, который разбил не только родовую знать, но «и весь вообще общественный строй центральных московских областей... сдвинута была вся народная масса, имевшая связи с землевладельческим классом княжеской и боярской опальной знати» (Платонов С. Борис Годунов, стр. 67—69. 1921).

[3] Платонов С. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., стр. 127—129. 1901.

В доказательство Н. А. Рожков ссылается на Новгородские писцовые книги, где ясно видно, что по миновании опасности бо́льшая часть деревень снова наполнилась населением [1].

Казалось бы, что свидетельства писцовых книг надо признать решающими и кризис в конце XVI в. изживаемым. Но Н. А. Рожков этого не делает. Уже из заголовка отдела его книги — «Отлив населения из Центральной области в последнем тридцатилетии XVI в.» [2] — видно, что он считает, вопреки данным писцовых книг, кризис продолжающимся до конца XVI века.

Создатель своеобразной теории дворянской революции в XVI в., Н. А. Рожков не согласился с объяснениями современников и данными писцовых книг, потому что он был убеждён в том, что причина колонизационного движения, или отлива населения из центра, лежит не во временных и скоропреходящих обстоятельствах, а в целой системе землевладения и хозяйства, действовавшей на протяжении длительного времени.

Н. А. Рожков считал источником всенародного бедствия развитие поместного и монастырского землевладения. Юридическая природа поместья не позволяла помещику распоряжаться землёй и вызывала крайнюю подвижность поместий. Помещик смотрел на поместье, как на временное владение, и поэтому старался извлечь из него возможно больше пользы для себя, «не заботясь о том, как это отразится на дальнейшей производительности почвы... Поместная система приучала служилых людей к кочевому, экстенсивному, хищническому хозяйству, понижала технический уровень сельскохозяйственного производства». А хищничество помещиков заставляло крестьян массами уходить в места, где поместное землевладение было развито ещё сравнительно мало или же его совсем не существовало. Условное владение на монастырских и архиерейских землях приводило к тем же результатам [3].

В эти рассуждения Н. А. Рожкова, в значительной мере соглашаясь с ним, Н. Огановский внёс поправку: в разорении страны, говорит он, повинна не юридическая природа поместья, а количество поместий; хищническое отношение помещика не к земле, а к крестьянам, которые непосредственно служили объектом помещичьей эксплоатации. Главную причину разорения он видит «в размножении непроизводительных классов — служилого дворянства и духовенства» [4].

Мимоходом в 1912 г. высказался о хозяйственном кризисе П. Е. Михайлов. Отказавшись от глубокого изучения этого вопроса, он всё же счёл возможным утверждать, что «со второй половины XV века и через весь XVI век охватывает Московское государство хозяйственный кризис». Первые признаки кризиса стали, по его мнению, сказываться «ещё раньше, как это всегда имеет место в подобных случаях» [5].

Какие «случаи» имеет в виду автор, остаётся неясным. Также ни на чём не основано и его мнение о «случае» в Московском государстве.

В 1915 г. вышла работа Н. Ф. Яницкого «Экономический кризис в Новгородской области XVI века», написанная на основании изучения новгородских писцовых книг. Автор на конкретном материале констатирует бесспорный факт «громадного, ужасного по своим размерам бедствия», разразившегося «над коренными землями Руси во второй половине XVI в.». Это бедствие «разорило целый ряд земледельческих хо-

[1] Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке, стр. 367.
[2] См. там же, стр. 511.
[3] Там же, стр. 456—461.
[4] Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2-я. Очерки по истории земельных отношений в России, стр. 137, 140—141.
[5] Михайлов П. Обычный институт старожительства в процессе образования крепостного права. «ЖМНП» № 1 за 1912 г., отд. 2, стр. 102.

зяйств, согнало население с насиженных мест. Старейшие области русской земли оказались заброшенными, запустевшими, население их исчезло». Это «болезнь, от которой земледельческие хозяйства пострадали сильно и на продолжительный срок»[1]. Причинам упадка хозяйственной деятельности Новгородского края автор посвящает целую главу своего исследования, в которой он подвергает критическому разбору мнения своих предшественников. Отвергая мнение о колонизации, как причине запустения, и соображения Н. А. Рожкова, Н. Огановского и Н. А. Благовещенского о поместной системе, якобы вызвавшей кризис (ведь пришли в запустение не только поместья, а все виды хозяйства), Н. Ф. Яницкий ищет более глубоких и общих причин и в конечном счёте приходит к заключению, что причинами являются «реальное повышение крестьянского оброка землевладельцу, перевод натурального оброка на денежный—и то и другое в связи с общими неблагоприятными условиями жизни Новгородского края — с потерей им торгового транзитного пути в Европу и зарождающейся сменой натурального хозяйства денежным»[2].

Нужно отдать автору справедливость: он действительно дошёл до высокой степени обобщений. Но дело в том, что все указываемые автором причины начали действовать уже со второй половины XV в. (только оживление Беломорской гавани началось в середине XVI века).

В своей книге Н. Ф. Яницкий дал много ценных наблюдений, но не разрешил вопроса о причинах хозяйственного потрясения страны в 70—80-х годах.

Эти попытки различных авторов, с которыми мы познакомились, объяснить хозяйственную разруху 70—80-х годов XVI в. сводятся, таким образом, к общим причинам, действовавшим на протяжении всего века и даже до него и после него, и тем самым ничего не объясняют, так как одни и те же причины, оказывается, вызывали то подъём хозяйственной жизни, то крайний упадок.

В самом деле, почему поместная система или перевод натуральных оброков на деньги до 70-х годов XVI в. не давали пагубных результатов? Почему те же явления общественной жизни в конце века не мешали хозяйственному возрождению?

На эти вопросы в приведённой выше литературе ответа мы не находим.

Иначе и, на мой взгляд, более конкретно и убедительно подошёл к решению вопроса Ю. В. Готье. В истории XVI в. он выделяет 70—80-е годы, как «разгар» хозяйственного упадка. Затем Ю. В. Готье, хотя и осторожно, отмечает, что в «Замосковном крае были некоторые местности, где с 80-х годов замечается довольно значительный экономический подъём. В Коломенских вотчинах Троицкого монастыря, в сёлах Кисматове и Сабурове, где в 1576 году было 593 ¾ чети в поле пашни паханой, в 1593 году её уже было 634. В Старицких Троицких вотчинах в 1586 г. было 363 чети пашни паханой и 769 четей перелога, в 1593 г. — 792 чети пашни и 464 чети перелога». Ю. В. Готье приводит далее факты, на основании которых он пришёл к выводу о сравнительно кратковременном бедственном состоянии Руси. Данные письма Троицких вотчин 1592—1594 гг. позволяют ему говорить о «высшей степени интересном явлении начинавшегося исцеления от кризиса XVI века, резко затем прекращённого позднейшими событиями»[3] (автор имеет в виду Смуту).

Мои наблюдения над жизнью Новгородского края, в частности над

---

[1] Яницкий Н. Экономический кризис в Новгородской области XVI века. стр. 1. Киев. 1915.

[2] Там же, стр 131.

[3] Готье Ю. Замосковный край в XVII веке, стр. 234—236. 1906.

жизнью новгородского Софийского дома, дают все основания признать точку зрения Ю. В. Готье наиболее правильной.

Документы о хозяйственной жизни двора новгородского епископа в Новгороде дали возможность совершенно конкретно показать, что в первой половине XVI в. хозяйство двора находилось в цветущем состоянии. В 80-х годах XVI в. двор переживал очень тяжёлое время: из огромного количества слуг осталось только 26%, расходы свелись к приобретению пищевых продуктов. Дом уже не мог позволить себе прежней роскоши. В 1593 г. процент слуг увеличился до 38; ожило несколько замерших было учреждений. Софийский дом за 12 лет, несомненно, добился значительных успехов в восстановлении разрушенного хозяйства. Конец века решительно непохож на 70—80-е годы [1].

Те же явления наблюдаются и в собственном сельском хозяйстве новгородского владыки. Появившаяся в 30—40-х годах XVI в. собственная софийская запашка в 70—80-х годах сильно сократилась. В 90-х годах она даже переросла свои прежние размеры. Появился проект, поддержанный царём, о дальнейшем развитии собственного владычного сельского хозяйства. Этот проект начал тогда же осуществляться [2].

На основании материалов Волоколамского монастыря И. И. Смирнов тоже пришёл к заключению, «что 90-е годы характеризуются экономическим подъёмом, признаками которого были восстановление хозяйства, увеличение запашки, распашка запустевших земель, рост торговли и т. д.» [3].

М. Н. Тихомиров не согласен с основным утверждением И. И. Смирнова об изживании в 90-х годах хозяйственной разрухи. Он требует проверки этих выводов на более обширном материале [4]. Против этого требования нельзя возражать. Прозерка на более обширном материале всегда полезна, и я постараюсь это сделать.

Попробуем окунуться в фактическую сторону дела с тем, чтобы разобраться в тех значительных противоречиях, которые вскрыл перед нами обзор литературы по данному вопросу. «Писцовые книги Шелонской пятины за 1571 и 1576 гг. походят на громадные кладбища, среди которых кое-где бродят ещё живые люди. Не только отдельные деревни и поместья, — целые погосты стоят пусты. Земля поросла лесом, хоромы развалились» [5]. Такое впечатление произвело на одного из исследователей описание Шелонской пятины, сделанное в 70-х годах XVI века.

Наблюдения автора совершенно точны. Мы можем к этому прибавить, что запустение коснулось не одной Шелонской пятины и не только всех пяти пятин новгородских, а всего Русского государства, за исключением далёких окраин, и что к началу 80-х годов запустение усилилось.

Если Шелонская пятина в 1571 г. запустела на 56,01%, а в 1576 г. — на 66,36%, то, по данным переписи 1582—1583 гг., пустота в той же пятине равна 83,58% (по Водской пятине — 64,72%, по Деревской — 54,73%, по Бежецкой — 79,08%, по Обонежской — 26,30%) [6]. Соотношение живущего и пустого, т. е. признак тяглоспособности населения, ещё

---

[1] Греков Б. Очерки по истории хозяйства новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. Софийский двор в гор. Новгороде. «Летопись занятий археографической комиссии XXXIII», стр. 263—264 и др.

[2] Греков Б. Очерки по истории хозяйства новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. Собственное сельское хозяйство. «Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии XXXIV», стр. 111 и др.

[3] Смирнов И. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XIV в. «Проблемы истории материальной культуры» № 5—6 за 1933 г., стр. 58—69.

[4] См. Тихомиров М. Монастырь-вотчинник в XVI веке. «Исторические записки» № 3, стр. 159—160.

[5] Загорский В. Землевладение Шелонской пятины. «Журнал министерства юстиции», декабрь 1909 г., стр. 194.

[6] См. Яницкий Н. Указ. соч., стр. 52.

более показательно: по Шелонской пятине: пустого — 91,09%, по Водской — 75,92%, по Деревской — 96,66%, по Бежецкой — 87,70% и по Обонежской — 39,02%[1]. Наиболее отсталая в хозяйственном отношении Обонежская пятина разорилась меньше других, более развитых.

Писцовые книги сообщают нам довольно часто и сведения о причинах запустения отдельных дворов, целых деревень и поместий. Книги пестрят следующими указаниями: такой-то крестьянин обнищал и покинул своё хозяйство, такого-то немцы побили и животы его пограбили, такой-то пострадал от опричников, такой-то был вывезен в другое место.

Н. Ф. Яницкий попробовал свести эти показания в таблицы. Из этих таблиц видно, что главными причинами, заставлявшими крестьян покидать свои хозяйства, были тяжесть государственных налогов, а также голод и мор. Многие крестьяне никуда не переселялись, а умирали массами на месте. Крестьяне говорили и о войне, но не так часто, как о тяжести налогов, голоде и море. И мы должны будем сказать, что налоги непомерно увеличились потому, что шла тяжёлая война, что уменьшение запашки вследствие разброда населения вызвало голод, а за ним с последовательной неизбежностью пошли моровое поветрие и смерть.

Бежали от голодной смерти не только крестьяне. Н. Ф. Яницкий в приложении к своей книге приводит очень интересные выдержки из ещё ненапечатанных писцовых книг Бежецкой пятины 1588 г.: «Помещик Фёдор Денисьев, сын Титов... поместье пусто, крестьян нет, а Фёдор Титов постригся в чернецы». Брат Фёдора Иван ещё в худшем положении: «Обнищал, кормитца меж дворы... Помещик Олексей Ильин сын Измайлов... поместье пусто, крестьян нет, а Олексей Ильин сын да Степан Васильев сын Измайловы збежали в московские городы в Переславль». Помещики Данил и Ждан Жуковы, дети Образцовы, «сошли кормитца меж дворы», помещица Офросинья Селянинова, жена Нарбенкова, — поместье пусто. Сама помещица пошла замуж, «а дочери её волочатца промеж дворы».

В выдержках приведены известия о 41 поместье. Все они пусты. Из 41 помещика 18 «бродяг меж дворы»[2].

Не считаю необходимым увеличивать количество источников, говорящих о совершенно бесспорном факте большого потрясения всего Русского государства в 70—80-х годах XVI века. Необходимо только подчеркнуть, что речь может идти лишь о совершенно определённом отрезке времени, когда свирепствовала разруха, что, как мы видели, иногда забывают исследователи.

Хочу взять под защиту показания современников, которым я не имею никаких оснований не доверять, и присоединить к вышеуказанным свидетельствам Поссевина и Ульфельда также и Флетчера.

Флетчер посетил Россию в 1588 г., когда хозяйственное потрясение страны уже изживалось, но ещё существовала громадная разница в сравнении с тем, что было на Руси до разорения. Флетчер приводит ряд ценнейших фактов: «Воска в чужие края отправлялось до 50 тысяч пудов, а теперь вывозят ежегодно только до 10 тысяч... Несколько лет тому назад сала вывозилось ежегодно до 100 тысяч пудов, теперь — не более 30 тысяч и около того... Прежде иностранные купцы вывозили за границу до 100 тысяч кож, теперь количество это уменьшилось до 30 тысяч или около того... Льном и пенькой ежегодно нагружалось в Нарвской пристани до 100 больших и малых судов, теперь не более 5... Несколько лет тому назад, как слышал я от торговцев,— пишет Флетчер,— купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армянские и разные промышленники христианского мира вывезли мехов на 400 или на 500

[1] Яницкий Н. Указ. соч., стр. 53.
[2] Там же, стр. 331—335.

тысяч рублей. Судя по аналогичным сообщениям о других товарах, и меховая торговля значительно упала»[1].

Интересны соображения Флетчера о причинах упадка торговли: «Причиной упадка и уменьшения требований на эти и на другие произведения, которые прежде отправляемы были за границу гораздо в большем количестве, полагают закрытие Нарвской пристани со стороны Финского залива, который находится теперь в руках и во владении шведов; другая причина заключается в пресечении сухопутного сообщения через Смоленск и Полоцк по случаю войн с Польшею, отчего промышленники запасают и приготовляют всех товаров менее и не могут продавать их столько, сколько продавали прежде. Такой упадок в торговле отчасти зависит и от того, что купцы и мужики (так называется простой народ) с недавнего времени (разрядка моя.— *Б. Г.*) обременены большими и невыносимыми налогами. Не будучи обеспечены в собственности, они поэтому мало заботятся о бережливости и ничем не запасаются, зная, что нередко подвержены опасности лишиться не только имущества, но и жизни»[2].

Флетчер не скупится на краски при изображении упадка хозяйственной жизни Руси. Но он далёк от мысли считать положение русского народа безнадёжным.

Как показал Р. Ю. Виппер, Флетчер писал в эпоху зарождения политического либерализма, представленного в XVI в. талантливой школой «монархомахов». «Их красивые, звучные и смелые фразы о вреде неограниченной монархии, о защите прав народа... закрывают часто бессодержательность их собственной программы, аристократическую узость и своекорыстие того класса, к которому принадлежали ораторы и писатели, прославляющие свободу»[3].

Флетчер верит в неизбежность и спасительность для Руси политического переворота. «Если правление,— пишет он,— вследствие такого переворота сделается хотя несколько умереннее и благодушнее, то это послужит к благоденствию несчастного народа, удручённого теперь невыносимым рабством»[4].

Итак, факт большого разорения страны в 70—80-е годы XVI в. очевиден. Причины его, мне кажется, уже вскрыты материалами писцовых книг, летописей, замечаниями современников, в том числе иностранных. Это прежде всего — длительные и дорогостоящие войны Ивана Грозного. Казанский поход и связанное с его успехом продвижение по Волге (Астрахань) и на Северный Кавказ; нашествие крымских татар, дошедших до Москвы и опустошивших всё, лежащее на их пути; наконец, тяжёлая Ливонская война 1558—1581 гг., крупнейшая из всех войн, какие вела Россия в XVI веке. Если к этому прибавить внутренние затруднения, выливавшиеся часто в события, разорявшие народное хозяйство не меньше, чем война (борьба опричнины с земщиной), то станет понятно, в каких условиях истощалась «великая и страшная мощь московита»[5].

С. Б. Веселовский в своей работе «Село и деревня в Северовосточной Руси XIV—XVI вв.» касается этого вопроса, но он не склонен трактовать разруху, как следствие каких-либо внутренних длительно действующих органических причин[6]. Это действительно была серьёзная болезнь, но, как показало ближайшее будущее, она скоро была преодолена. Право считаться великим имеет не тот народ, который не знает

[1] Флетчер Д. О государстве Русском, стр. 12—14. СПБ 1905.
[2] Там же, стр. 14.
[3] Виппер Р. Иван Грозный, стр. 182. 1942.
[4] Флетчер Д. О государстве Русском, стр. 21.
[5] Донесение представителя Ливонии германскому императору Карлу V 1551 года. Виппер Р. Указ соч., стр. 51.
[6] См. Веселовский С. Село и деревня в Северовосточной Руси XIV—XVI вв, стр. 133—135.

в своей истории несчастий, а тот, который находит в себе творческие силы для преодоления самых тяжёлых ударов.

Государственная машина, несмотря на тяжесть длительной войны и перемену военного счастья, несмотря на внутренние тяжёлые потрясения, работала исправно и энергично. Народ при всех тяжёлых испытаниях продолжал проявлять удивительную волю к жизни. Ещё не замолк гром пушек, ещё не произнесено слово «мир», враг лишь отошёл к своим границам, не оставляя мысли снова залить кровью русскую землю, а крестьянин уже спешит на своё старое пепелище, начинает пахать затоптанную неприятелем ниву, заново строит себе жилище [1].

Правительство принимало энергичные меры. Уже во время войны, для того чтобы обеспечить армию хлебом, правительство ввело так называемую десятинную пашню. Эта мера заключалась в том, что каждый крестьянин дворцовых государевых волостей обязывался вспахивать для государя по 4 десятины земли. Это — обязательная для государевых дворцовых крестьян барщина. Удивлять она нас не должна, так как мы можем видеть в это время рост барщины и в частновладельческих землях. Государство пошло по пути, проложенному частной инициативой. Мероприятие дало удовлетворительные результаты. Как только закончились военные действия, правительство пожелало узнать правду об экономическом состоянии государства. Начиная с 1580 г. предпринимается систематическое описание всей земли. В 1581—1582 гг. составляется описание города Новгорода. В этой траурной книге, где запечатлены все ужасы разорения цветущего большого города, потерявшего 80% своего прежнего населения, уже звучат бодрые нотки: кипит созидательная работа как по устроению жизни обывателя, так и по приведению города в боевую годность: возобновление войны не казалось делом невозможным [2].

В то же время производилось и описание Новгородской земли [3]. Описания продолжались и при преемнике Грозного. В 1592—1593 гг. было произведено общее описание земель Московского государства.

Для приведения в известность материальных и людских ресурсов страны эта работа была первоочередной. Нельзя, однако, забывать, что описание земель — это не просто статистическая экспедиция. Ведь писцовая книга по своему назначению—не статистический сборник, а очень ответственный документ, на несколько лет вперёд определяющий права землевладельцев на землю и людей, сидящих на ней, и размеры тягла. Писцы 80-х годов XVI в. выполняли именно эти функции и, стараясь поймать наибольшее количество плательщиков, в то же время вынуждены были считаться с тяглоспособностью населения. Непосильное обложение грозило углублением хозяйственного кризиса. Здесь требовалось много такта, осторожности и бдительности.

Очень показательны в этом отношении заметки в «Отрывках из расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря», изданные Н. П. Лихачёвым. «Был в монастыре Климент подьячей сам четверт, — читаем здесь, — описывал сельцо Кузминское по цареве в. кн. грамоте; жил два дни. Куплено на него рыбы и колачей и икры на полполтины, да ему же ударено челом и с людьми 40 алт., чтоб пожаловал описал прямо» [4].

---

[1] Актовая книга новгородского Софийского дома № 37. Писцовая книга старца Левкея.

[2] Писцовая книга по гор. Новгороду 1581—1582 гг. «Летопись занятий Археографической комиссии», в. 24.

[3] Сампсон Дмитриев описывал Водскую пятину в 1582 г., Андрей Плещеев — Обонежскую пятину в 1583 г., он же в 1583 г. описывал Тихвинский уезд, Фёдор Ласкирев — Бежецкую пятину в 1583 г., Игнатий Зубов описывал Пусторжевские земли в 1583 г., Тимофей Хлопов — Московский уезд в 1586 г. Неволин К. Об успехах государственного межевания в России до императрицы Екатерины II. Полное собрание сочинений. Т. VI, стр. 459—461 и др. 1859

[4] Лихачёв Н. Отрывок из расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря (около 1553 г.). Сборник Археологического института. Т. VI, стр. 11. 1895.

Но писцы иногда сбавляли тягло не потому, что их угощали заинтересованные люди, а по совершенно объективным признакам: опытный писец видел, что крестьянин не может платить того, что платил до недавнего времени.

Возьмём для примера писцовую книгу 1583 г. по Обонежской пятине, погост Михайловский Тервинский. Деревня Максимово у часовни платила до разорения с 1 обжи, сейчас платит с 1/8 обжи. Деревня Ондриевская Полозова до разорения платила с 1/4 обжи, сейчас платит 1/12. Большинство деревень в пустоши и не платит ничего [1].

Одновременно правительство принимало меры для поднятия хозяйства всей земли и для восстановления материального положения военных кадров.

Многое из деятельности органов государственной власти от нас скрыто вследствие гибели источников. Приходится дорожить косвенными их указаниями. Одним из таких косвенных, но весьма важных источников для истории крестьянства и разорения государства в 70—80-х годах является сообщение соборного приговора 1580 г. о том, что в связи с хозяйственным потрясением страны царь Иван Васильевич Грозный «со всем своим синклитом сотвори, якоже довлеет его царской власти» [2]. Тут не сказано, что́ именно предпринял царь, но об этом можно догадаться. Прежде всего ясно, что мероприятие царя касалось тех же вопросов, обсудить которые призван был и церковный собор. Это был вопрос о служилых людях, которые оскудели не только от военных расходов (службу ведь они несли на свой счёт), но главным образом от того, что из их поместий и вотчин разошлись крестьяне, соблазненные льготами, которые могли им предоставить монастыри и другие церковные учреждения.

В актах Археографической экспедиции, где тоже напечатан этот приговор церковного собора, имеется небольшое небезынтересное для нас предисловие: «Лета 7089 генваря в 15 день государь царь и в. к. Иван Васильевич... и со всеми бояры приговорили о землях, которые за монастыри вотчины куплены и вклады даваны и грамоты по тому приговору написаны и по той грамоте и по уложению в Поместной избе дьяком и делати» [3].

Стало быть, было составлено Боярской думой и утверждено какое-то уложение и дано соответственное распоряжение Поместному приказу. Повидимому, на это уложение ссылался в 1584 г. Тимофей Шиловский в своей тяжбе с дьяком Андреем Шерефединовым. Истец Тимофей Шиловский на суде, между прочим, заявлял: «Тот Андрей нашей вотчиной селом Шиловым владеет и землю пашет и прикащики его живут... и крестьян насильством твоих государевых дворцовых сёл и из-за детей боярских возит мимо отца твоего, а нашего государя, уложенья в то село Шилово возит» [4]. Уложение это до нас не дошло, хотя, возможно, оно будет разыскано в архиве древних актов. Пока только можно сказать с уверенностью, что это уложение было и что оно касалось крестьянского вопроса и запрещало крестьянские выходы. Навсегда или на время, всех ли крестьян оно касалось или не всех, на эти вопросы приведённые документы ответа не дают. Но для наших целей достаточно и вышесказанного. Правительство шло навстречу желаниям разорившихся служилых людей и гарантировало им постоянные рабочие руки.

---

[1] Архив Института истории АН СССР, № 48. Писцовая книга Обонежской пятины, 1091 г., л. 3 и др.

[2] Собрание государственных грамот и договоров (СГГ. и Д.), № 200, стр. 584.

[3] Акты Археографической экспедиции. Т I, № 308

[4] Акты Юшкова, стр. 206; Лихачёв Н. Собрание актов I, стр. 249.

Очень показательна в том же направлении и другая мера власти. По инициативе Ивана Грозного 15 января 1580 г. был созван церковный собор, который должен был выполнить ту часть намеченной царём программы, которую он без церковного собора разрешать не хотел. Царь помнил постановление вселенских соборов о неприкосновенности церковных имуществ и не считал возможным его нарушать.

Церковный собор собрался после первого похода Стефана Батория, когда ему удалось взять Полоцк, и до осады Пскова, стало быть, в завершающий период войны, в момент, когда Иван Грозный и Баторий обменивались послами и начинали переговоры о мире, которого явно не желал Баторий.

Собор заседал в трудное время, когда враждебная России Западная Европа, Турция, ногайские татары и крымский хан, мечтавший о завоевании Московской державы, объединились против Москвы. В постановлении собора об этой международной обстановке названы турки, крымцы, ногаи, Литва, Польша, угры, немцы лифляндские и свейские, «совокупившиеся» для борьбы с Московским царством.

Главный вопрос, подлежавший решению собора, не потерял своей остроты и после смерти Ивана Грозного. Его преемник и сын Фёдор Иванович собрал новый собор 20 июля 1584 г., который подтвердил постановление собора 1580 г., дополнив его несколькими ценными для нас деталями. И этот последний собор в своих решениях исходил из факта огромного хозяйственного потрясения всей русской земли, для ликвидации которого требовались энергичные меры. Крестьянский вопрос, неизбежно переплетающийся с проблемой поддержки оскудевшего воинского чина, не мог не быть в центре внимания собора.

Духовенство под нажимом обстоятельств и царя принуждено было «уложить» то, чего требовали от них царь и текущий момент: для того чтобы «воинский чин на брань против врагов креста Христова» мог ополчиться крепко, собор счёл необходимым с 15 января 1580 г. отказаться от приёма земель в пользу церкви. Собор 1584 г. разъяснил, что церковные земли находятся в «тарханех», а потому с них не идут никакие царские дани и земские разметы, «а воинство, служилые люди, те их земли оплачивают; и сего ради многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и в поместьях, платячи за тарханы, а крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханы во льготе, и от того великая тощета воинским людем прииде»[1].

Таким образом, церковь должна была принести материальные жертвы в пользу государства. Дело было поставлено так, что церковный собор не мог отказаться выполнить царскую волю.

С 1 сентября 1584 г. тарханы отменялись на неопределённое время, «до государева... указу», «покамест земля поустроится и помочь во всём учинитца царским осмотрением». С этого момента церковь обязывалась платить всякие царские подати и земские разметы «со всеми людьми ровно». Все земли, принадлежавшие монастырям и другим церковным учреждениям, отбирались в пользу государя. Таким образом казна получила значительный фонд земель, которые могли быть розданы в поместья служилым людям. Совершенно ясно, что власть удовлетворяла интересы служилого человека — помещика. Да и могло ли быть иначе, если помещик уже давно стал опорой растущего самодержавия? В сущности, и постановление церковного собора о тарханах не представляло собой чего-либо нового. Это один из этапов в истории ограничения церковных привилегий в пользу служилых людей.

Ведь уже Судебник 1550 г. вёл борьбу с привилегиями знати и мона-

[1] СГГ и Д. Т. I, № 202, стр. 594.

стырей. Он не только постановил, что «тарханных грамот впредь не давати никому», но и дал закону обратную силу: «старые поимати у всех» [1].

В. Н. Татищев по этому поводу сделал интересное примечание: Грозный «сие яко весьма вредное отставил» [2]. «Весьма вредное», конечно, для нового строя, за утверждение которого энергично боролись Грозный и нарождавшееся новое дворянство.

На Стоглавом соборе были отменены церковные несудные тарханные грамоты [3]. Перед нами процесс борьбы со старыми, феодальными привилегиями и укрепления центральной власти, что означало одновременно и усиление позиций служилых людей, т. е. командного состава царской армии. Тарханы стали «вредными» именно тогда, когда власть стала переходить от бояр к другой группе феодалов, являвшейся не оппозицией новому политическому строю, а его опорой и защитой.

Судьба сельского населения может быть правильно понята только в связи с этими крупнейшими в нашей истории изменениями.

В 90-х годах страна стала оправляться от разорения.

Для иллюстрации этого положения приведу примеры. Вот несколько деревень из владения Новгородского епископа в Воскресенском Важенском погосте в Каковичах и Шаменичах.

Названия деревень	Количество дворов в них				
	1566 г.	после 1566 г.	1582—1583 гг.	до 1614 г.	1620 г.
Онаньинская	3	4	1	4	2
Алжоевская	1	5	2	5	2
Павловская	1	6	1	6	1
Сысоева	4	2	0	1	0
На волоке	4	4	1	4	1
Мельгачевская	2	4	1	4	0
Кухоревская	2	11	2	6	1
Печевская	3	8	2	2	0
Есиповская	1	4	1	4	1
Итого	21	48	11	36	8

Деревни взяты в том порядке, в каком они помещены в писцовых книгах. Бросается в глаза рост количества дворов в первой половине XVI века. После 1566 г. и приблизительно до начала 70-х годов рост идёт бурно. Количество дворов увеличилось больше чем вдвое. С 70-х годов происходит резкое падение. К 1581 г. количество дворов в Каковичах и Шаменичах сократилось почти в пять раз по сравнению с периодом наибольшего подъёма. После прекращения Ливонской войны, на рубеже XVI и XVII вв., происходит новый подъём, который был прерван событиями Смуты.

Изменения размеров крестьянской пашни производят то же самое впечатление. Беру всю Софийскую волость в данном погосте:

Количество	1566 г.	После 1566 г.	1582—1583 гг.	до 1613—1614 гг.	1620 г.
Деревень и починков	61	62[4]	24	61	6
Дворов в них	93	126	39	93	7
Частей паханой пашни	$86^1/_4$	332	$52^{13}/_{48}$	$302^5/_{24}$	$4^5/_{64}$

[1] Судебник 1550 г., ст. 43.
[2] Татищев В. Судебник, стр. 26 2-е изд.
[3] Стоглав, гл 67.
[4] В том числе одно сельцо.

Количество населённых мест с 1566 до 70-х годов остаётся то же, но значительно увеличивается количество дворов в них, что свидетельствует о росте населения. Размеры пашни сильно вырастают. С 70-х годов происходит заметный упадок хозяйства страны, успешно ликвидируемый к концу XVI и началу XVII века. События Смуты наносят ему удар, ещё более сильный, чем разорение 70-х годов [1].

Указанная территория расположена к югу от реки Свирь. Военных действий на ней не было. Перемены в хозяйственном состоянии края объясняются исключительно общими процессами, происходившими во всей стране. Что эти таблицы говорят не о случайном и единичном, а для данного момента об общем и закономерном, можно убедиться на фактах любого из новгородских погостов.

В Михайловском погосте на Волхове, например, мы можем видеть такую же точно картину:

Названия деревень	1582—1583 гг.				1592 г.	
	Обжи		Пашня в четвертях		Обжи	Пашня в четв.
	живущих	пустых	паханая	перелог	живущих	паханая
Мыслино	1/2	1	5	10	1/2	5
Бор	1/2	1	5	10	1/2	6
Средняя Верховина	1	2	10	20	3	12
Другая Верховина	1/2	1	5	10	1/2	6

Эти несколько деревень взяты из писцовых книг навыдержку [2].

Возьмём другой пример, из жизни деревни Черницы, Софийской волости, Андреевского Грузинского погоста.

Количество	1582—1583 гг.		1592 г.	
	всего	пустых	всего	пустых
Населённых мест	5	2	7	2
Дворов	99	79	109	3
Людей	19		119	
Обож	20 1/2	17 1/2	18 9/16	1 1/3

И здесь мы видим то же положение.

Приведённых примеров достаточно. Отмечу только, что в изученном мною 21 погосте, где находились владения новгородского Софийского дома, картина повторяется с неизменной точностью. До 70-х годов хозяйственный подъём идёт быстрыми темпами, середина 70-х годов и до 1582—1583 гг. — время разорения, — после чего хозяйство оправляется снова. Смута наносит ему новый удар.

Наблюдения Н. Огановского те же, хотя он и мало ими пользуется для основных своих выводов. До первой половины XVI в. он отмечает быстрый прирост населения, затем население начинает разбегаться. Замосковье пустеет. Запустение сразу усиливается во время Смуты и в ближайший момент после Смуты. 1610-й год — точка максимального запустения. Однако это последнее было недолговечным [3]. Тут автор ссылает-

---

[1] Все подсчёты сделаны мною по данным Новгородских писцовых книг 1565, 1582—1583, 1620 гг. При подсчётах приходилось преодолевать некоторые затруднения. Книга 1566 г. исчисляет размеры пашни коробьями, книга 1582—1583 гг. — четвертями. При переводе коробей в четверть на четверть пашни приходилось ½ коробьи ржи, согласно расчётам, приведённым у Н. А. Рожкова («Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.», стр. 497. Заметки о мерах в Московской Руси XVI века)

[2] Писцовая книга А. Плещеева 1582—1583 гг. и софийского старца Левкея 1592 г.

[3] Огановский Н. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 112.

ся на Ю. В. Готье, который замечает, что кризис Смутного времени не столько уничтожил, сколько распугал население.

Через несколько страниц в книге Н. Огановского мы узнаём, что и первый «кризис» был тоже недолговечным. Но вот нагрянула Смута. Незадолго до Смуты, после смерти Ивана Грозного, появились легкие признаки улучшения. Так, в Московском и Старицком уездах в одних и тех же вотчинах было:

Годы	Пашни	Перелога
1584—88	9,9	90,1
1593	34,8	65,2[1]

Однако после этих, как будто совершенно ясных и убедительных соображений автор, не замечая противоречий с самим собой, заявляет, что глубокий сельскохозяйственный кризис тянулся около 60 лет — с 60-х годов XVI в. по 610-е годы [2].

Мы имеем возможность убедиться, что это не так. Исаак Масса, итальянец, выселившийся в Голландию и по торговым делам в 1600 г. посланный в Россию, где он пробыл 8 лет, не мог ошибиться, когда, наблюдая изживание хозяйственного потрясения, писал: «Состояние Московского государства улучшилось, и народонаселение увеличилось. Московия, совершенно опустошённая и разорённая, вследствие страшной тирании покойного великого князя Ивана и чиновников, теперь, благодаря преимущественной доброте и кротости князя Фёдора, а также благодаря необыкновенным способностям Годунова, снова начала оправляться и богатеть» [3].

То же отмечает и летопись: «Всё православное христианство начаша от скорби бывшие утешаться и бесмятежно жить».

Итак, всё, что мы до сих пор видели, не оставляет у нас сомнений, что большое хозяйственное потрясение приходится на 70—80-е годы XVI в. и что оно к концу века начинает изживаться. Это так ясно, что если бы в литературе по этому вопросу не было разногласий, то на этом предмете можно бы долго и не останавливаться.

Выводы, которые можно сделать из привлечённых материалов, значительно расходятся с большинством мнений, высказанных ранее.

1. Ни о какой бродячести сельского населения на Руси говорить не приходится. Не отрицая факта широкой колонизации, мы должны признать, что масса сельского тяглого населения прочно сидела на своих местах и наклонности к бродяжничеству не обнаруживала. Уходили те, которые потеряли связь со своим хозяйством или не сумели его приобрести. Это те, которые шли в кабалу, в изорники, новопорядчики, работали «добровольно» и т. д.

2. Хозяйственная разруха—явление чисто временное, вызванное причинами не общего, а частного характера. С устранением этих причин изжита была и разруха. Сельское население, вынужденное временно покидать свои старые гнёзда, вернулось на свои насиженные места и не соблазнилось в ущерб старым, насиженным местам ни казанским черноземом, ни причерноморскими степями, ни Сибирью. Этим я не хочу отрицать того, что русские люди действительно уходили на новые места. Моя мысль заключается в том, что этот естественный отлив населения на окраины не отразился пагубно на состоянии страны, он не является причиной разорения 70—80-х годов.

3. Хозяйственное потрясение не изменило ни техники, ни системы сельского хозяйства, как думал Н. А. Рожков. Оно лишь на некоторое время сократило крестьянскую и частновладельческую запашку, потому

[1] Огановский Н. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 117.
[2] Там же, стр. 121.
[3] Исаак Масса. Сказания. 1874.

что сократилось количество рабочих рук, способных её обрабатывать. Иногда вынужден был и сам помещик бросать своё поместье. Но это был только ураган, пронесшийся над русской землёй, причинивший ей много бед, но не изменивший лица земли. И как только появилась к тому возможность, сельское хозяйство стало развиваться по намеченному уже с конца XV в. руслу.

4. Потрясение 70—80-х годов поистине было огромным. Этого отрицать нельзя.

Возникает вопрос, как оно отразилось на эволюции общественных отношений на Руси вообще и, в частности, на судьбе сельского населения.

Несомненно, перенапряжение народных сил и разорение значительной части страны неприятелем поставили перед властью неотложную задачу — ликвидировать хозяйственную разруху и прежде всего поддерживать в боевой годности армию. В этом плане с особой остротой ставился вопрос о рабочих руках, способных обеспечить помещику его служебную годность. Вопрос о рабочих руках в обстановке разорения страны решался наспех, неуверенно; принимались решения временного характера, «покамест земля поустроится». Правительство делало то, что подсказывали ему нужды текущего дня. Но эти нужды всплывали с закономерной последовательностью. Если абсолютная монархия могла возникнуть, впротивовес феодальной раздробленности, как форма государства, удовлетворяющая интересы помещиков и купцов, то вполне естественно, что нужды этих классов и удовлетворялись в первую очередь. А помещику прежде всего нужна была уверенность в прочности его дохода с земли. В этом была заинтересована и власть, поскольку помещик — это та военная сила, без которой не могла существовать государственная власть. Положение обострилось в связи с хозяйственным потрясением, угрожавшим лишить служилого человека его материальной базы.

Если боярин или крупный церковный собственник земли могли своими средствами разрешить для себя проблему рабочих рук, то помещик, чаще всего мелкий землевладелец, не имел никаких возможностей для этого и рассчитывал лишь на содействие государственной власти.

Временные меры власти оказались именно теми, какие были на данном этапе истории России необходимы укреплявшемуся в своих позициях дворянству.

О КУПЕЧЕСКИХ И РЕМЕСЛЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ В ДРЕВНЕЙ РУСИ (XI—XV ВЕКА)

Проф. М. Тихомиров

Средневековый город на Руси трудно представить себе без существования купеческих и ремесленных организаций, так как развитие торговли и ремесла в эпоху феодальной раздробленности властно требовало от ремесленников и купцов объединения. Вопрос о существовании купеческих организаций разрешается положительно, поскольку сохранился устав купеческого объединения церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде. Значительно сложнее выяснить вопрос о ремесленных объединениях. Прямых указаний на существование этих объединений мы в наших источниках не имеем. Поэтому прежде всего рассмотрим купеческие корпорации, после чего вернёмся к ремесленным.

Древнейшим купеческим объединением было «Иванское сто», возникшее в начале XII в. при церкви Ивана Предтечи на Опоках. О нём немало говорилось в нашей исторической литературе. Наиболее ценной по выводам и собранному материалу является статья А. И. Никитского [1]. Тем не менее начальная история Иванского ста далеко ещё не изучена.

Иванское сто носило характер замкнутой купеческой корпорации. «А кто хочет в купечество вложиться в Иванское, даст купьцем пошлым вкладу пятдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипьское, ино купцам положить в святый Иван полътретьядцать гривен серебра; а не вложится кто в купечество, не даст пятдесят гривен серебра, ино то не пошлый купець, а пошлым купцем ити им отчиною и вкладом». Это место устава вызывает вопрос: куда же шли 25 (полътретьядцать) гривен серебра, которые не оставались в доме св. Ивана? Повидимому, они составляли особый фонд купеческого объединения, шедший на содержание патрональной церкви и на прочие расходы. Высокая сумма вклада объясняется тем, что вкладчик делался наследственным—«пошлым купцом», т. е. получал привилегии не только для себя, но и для потомства [2].

В руках Иванского ста находился так называемый иванский вес, т. е. монопольное право вешать воск и собирать соответствующую пошлину с местных и приезжих купцов, торговавших этим товаром. Размер и значение торговли воском определялись тем, что в числе «гостей-вощников названы купцы полоцкие, смоленские, новоторжские и низовские,

---

[1] «Журнал министерства народного просвещения» («ЖМНП») № 8 за 1870 г. (Св. вел. Иван на Опоках).

[2] В. И. Сергеевич замечает по этому поводу: «Пошлина есть то, что пошло из старины. Это заставляет думать, что «Ивановское купечество» есть только отдельный случай применения к потребностям церкви св. Иоанна порядков, давно уже сложившихся, а потому пошлых... Можно думать, что купцы в Новгороде в глубокой уже древности приставлялись к сбору торговых пошлин и делали за это некоторый вклад в княжескую казну. Они-то, надо думать, и назывались «пошлыми купцами». Князь Всеволод берёт из их ведомства часть торгового сбора в пользу церкви св. Иоанна, предоставляет взимание его специально ивановскому купечеству и требует, чтобы и это купечество тоже было «пошлое», т. е. делало некоторый вклад за право сбора. «Пошлому» купечеству в грамоте противополагается «непошлое»; оно не участвует в сборе пошлин» (Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. I, стр. 281. СПБ. 1890). В этих словах намечено довольно точное объяснение «пошлого» купечества Иванского ста, которое, таким образом, получило привилегированный характер.

т. е. суздальские. Но компетенция Иванского ста с самого начала приняла более широкие размеры, чем собирание пошлин за взвешивание воска.

Из устава Всеволода о церковных судах можно заключить, что Иванское сто, совместно с новгородским епископом, имело в своём ведении «мерила торговаа скалвы вощаныи, пуд медовой, и гривенку рублевую, и локоть еваньскый»[1]. Устав всюду говорит о том, что владыка и иванские старосты совместно заведывали торговыми мерилами. Это, судя по всему, являлось новшеством XII в., так как понадобилась ссылка на церковный устав Владимира: «Торговыя вся весы, мерила и скалвы вощаныя, и пуд медовый, и гривенка рублёваа и всякая известь иже на торгу промежи людьми, от бога тако исконе уставлено есть, епископу блюсти без пакости, ни умаливати, ни умноживати, а на всякий год извешивати».

Во главе Иванского ста стояли старосты В дошедших до нас списках устава церкви Ивана Предтечи на Опоках имеется неясная фраза: «Три старосты от житьих людей и от чёрных тысяцкого, а от купцев два старосты», не дающая возможности точно судить о количестве старост. Обычно этот текст в исторической литературе разъясняется так, что во главе Иванского ста находились шесть старост: три старосты от житьих людей, тысяцкий от чёрных людей и два старосты от купцов. Но В. О. Ключевский понимал этот текст по-иному. Он считал, что во главе Иванского ста стояли только трое старост, из которых тысяцкий представлял чёрных и житьих людей, а двое старост являлись выборными от купцов[2]. Возможно, такой порядок и не был первоначальным, поскольку в уставе Всеволода о мерилах торговых упомянут только один староста иванский — Васята, тогда как в том же уставе, несколько выше, назван без всякого определения староста Болеслав, далее же говорится о десяти сотских и старостах, без указания на тысяцкого. Во всяком случае, можно сделать один вывод во главе Иванского ста стояли выборные старосты, имевшие крупное значение в новгородской политической жизни.

Иванское сто помещалось при церкви Ивана Предтечи на Опоках. В доме св. Ивана запрещалось держать какие-либо предметы, кроме свечей и фимиама; подцерковье было складочным местом, а взвешивание воска производилось в притворе. Богатство купеческого объединения вощников подчёркивается устройством в церкви Ивана Предтечи вседенной, т. е. повседневной, службы, что было редким явлением в средневековом русском городе и придавало храму Ивана на Опоках значение собора. Кроме того особо отмечался день рождества Ивана Предтечи (24 июня), праздновавшийся в течение трёх дней. Торжественная служба совершалась в церкви в первый день владыкой, во второй—юрьевским архимандритом, в третий — игуменом Антоньева монастыря. Надо предполагать, что торжество престольного праздника сопровождалось «братчиной», т. е. большими пирами, память о которых сохранилась в народных былинах.

Купцы-вощники выполняли и некоторые общественные функции. Так, они мостили за свой счёт часть улиц, прилегавших ко двору Ивана Предтечи («тысячкому до вощник, от вощник посаднику до Великого ряду»). В целом перед нами очень яркая картина типичного средневекового купеческого объединения, чрезвычайно напоминающего по типу немецкие и фландрские гильдии.

Нельзя не отметить, что устав купеческого объединения при церкви

---

[1] Сборник памятников по истории церковного права. Вып I. Составил В. Н. Бенешевич, стр. 91—95. Птгр. 1919.

[2] Ключевский В. Боярская дума, стр. 540—541. СПБ. 1919. 6-е изд.

Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде является одним из древнейших уставов средневековых гильдий на севере Европы. В своей работе о времени возникновения купеческих гильдий в средние века Дорен приводит сведения о городах Северной Франции и Фландрии (С.-Омер, Валансьен, Париж, Руан) и Германии (Кёльн, Дортмунд, Гослар, Штендаль, Геттинген, Кессель)[1]. Статуты купеческих гильдий в этих городах в основном возникли в XI—XII вв., причём большинство в последнем столетии. Наиболее раннее развитие гильдий встречаем во Фландрии. Так, в С.-Омере гильдейский статут возник между 1082—1097 гг., а в Валансьене — в 1067 году. Что касается некоторых из перечисленных выше немецких городов, то в них гильдейские статуты возникли значительно позже, например в Госларе только в 1200 году. Таким образом, первый русский гильдейский статут появился не позже статутов соседних немецких городов. Этот факт является довольно яркой иллюстрацией к мысли, что крупные русские города Киевской Руси не уступали своим немецким соседям в политическом и культурном развитии, а порой даже их превосходили.

Возникнув в начале XII столетия, Иванское сто было объединением купцов-вощников в течение нескольких столетий. Этим объясняется появление второй редакции устава, в которой упоминаются наместники великого князя, появившиеся в Новгороде после его присоединения к Московскому великому княжеству (после 1478 г.), так как ранее в Новгороде сидел один наместник. В новой редакции отсутствует указание на торговый суд при церкви Ивана Предтечи на Опоках. Это свидетельствует о том, что торговый суд под главенством тысяцкого в Новгороде был тогда ликвидирован.

Иванское сто было самым мощным объединением среди новгородских купцов, но уместно поставить вопрос: существовали ли какие-либо иные купеческие объединения в том же Новгороде? Летописи дают прямые указания на существование подобных же объединений.

В 1156 г. «заморские купцы» построили церковь Пятницы на торгу; вторично о создании этой же церкви заморскими купцами говорится в 1207 году[2]. В сильно испорченном виде эта церковь после нескольких реставраций сохранилась в Новгороде до последнего времени. В заморских купцах естественно видеть объединение новгородских купцов, торговавших за морем; предполагать же в заморских купцах немцев или других иноземцев совершенно невозможно, так как церковь Пятницы стоит на торгу рядом с Николо-Дворищенским собором, поблизости от вечевой площади, — иными словами, в центре административной и политической жизни Великого Новгорода. Нет никаких указаний, что она была латинской ропатой.

Более прямое указание на объединение купцов, торговавших с определённым городом, находим в летописном известии 1165 г: «Поставиша церковь святыя Троица Щетициниди» (Щетиницы)[3]. Уже Гедеонов видел в «щетиницах» купцов, торговавших со славянским Щетином (теперь Штеттин). Правда, составители указателей к изданиям новгородских летописей отожествляют щетиницев с жителями Щитной улицы, но надо тогда было бы предполагать не щетиницев, а щитников («щитници»)[4]. К тому же на Щитной улице находилась церковь Андрея, а не Троицы[5]. Нет никаких оснований отрицать возможность торговли Нов-

[1] Doren A. Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters. Leipzig, 1893.

[2] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, стр. 141, 189. СПБ 1879. Надо думать, что постройка 1156 г была непрочной и рухнула в 1191 г. (Новгородская летопись, стр. 164); церковь Пятницы, судя по тексту летописи, была вначале деревянной, так как она упоминается после церквей, о которых говорится как о деревянных («срубиша»).

[3] Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, стр. 145.

[4] Там же и Новгородские летописи, указатель, стр. 54 (Щитная улица). СПБ. 1879.

[5] Там же, стр. 404.

города со славянским Щетином, крупным городом на балтийском поморье.

Уже Н. И. Костомаров предполагал, что иванское объединение купцов не было исключительным фактом в новгородской жизни, так как «всеобщность этого способа торговли (Костомаров называет такие объединения артелями.—*М. Т.)* была слишком развита в те времена и истекала не из прихоти каково-нибудь князя, а из духа времени» [1].

Новгородские купцы, торговавшие заграницей, естественно, нуждались в объединениях, и, действительно, существование объединений новгородских купцов, торговавших с другими русскими княжествами и чужеземными странами, доказывается известиями о церквах, принадлежавших новгородцам в некоторых русских и иностранных городах. Подобная церковь была не столько богомольем приезжавших купцов, нуждавшихся в таком особом богомолье лишь в католических, а не в русских землях, сколько складочным местом, своего рода гостиным двором. Поэтому-то должность «сторожа», скромная по современным понятиям, имела настолько крупное значение в Иванском сте, что упоминалась в его уставе. Всеволод предлагал иванским сторожам заботиться («призирати») о сторожах при церкви Ивана Предтечи на Опоках наравне с церковным причтом. Иванский сторож получал «русской порочицы пятно да десять конюхов соли».

Мы вправе говорить о новгородских гостиных дворах в других городах, аналогичных Готскому и Немецкому дворам в самом Новгороде. В этом отношении особенно ценно известие о новгородской церкви в Киеве, сохранившееся в двух редакциях. Рассказав об убийстве Игоря Ольговича во время киевского восстания 1147 г., Лаврентьевская летопись говорит, что киевский тысяцкий Лазарь велел «взяти тело Игоря и донести и в церковь святаго Михаила в Новгородьскую божницу и ту положивша и в гроб, ехаста на Гору; и лежа нощь ту» [2]. В Ипатьевской летописи после слов о распоряжении тысяцкого положить тело убитого в церкви св. Михаила замечено: «На ту ночь бог прояви над ним знамение велико: зажгошась свече вси над ним в церкви той; наутрея же шедше новгородци поведаша митрополиту» [3].

Из этих известий становится ясным, что церковь Михаила была Новгородской божницей, находившейся на Подоле, поблизости от торговища, на котором был убит Игорь. Новгородцы жили при церкви, иначе бы они не могли говорить о знамении, случившемся ночью. Значит, мы вправе говорить о существовании новгородского двора при церкви Михаила в Киеве. Подобные дворы существовали также в крупных иноземных центрах, с которыми торговали русские купцы. Для позднейшего времени с достоверностью можно говорить о русских дворах в Юрьеве (Дерпт) и Колывани (Ревель). При обоих дворах находились русские церкви, являвшиеся в то же время складами для товаров. Фридрих II предоставил в 1187 г. русским купцам право беспошлинной торговли в Любике. Это предполагает постоянную русскую колонию в Любике [4]. В городе Висби, на Готланде, русские купцы имели двор и при нём церковь.

Постоянная заинтересованность новгородских купцов в создании гостиных дворов в чужеземных городах рельефно отражена в сказании о варяжской божнице в Новгороде. Сказание говорит, что немцы «от всех седмидесяти городов» (т. е. от Ганзейского союза) просили дать им место посреди города, где можно было бы поставить божницу. Получив отказ от новгородцев, немецкие послы подкупили посадника Добрыню, который «повеле немцам говорити старостам купецким и купцом: толь-

[1] Костомаров Н. Соч. Книга 3-я, стр. 352. СПБ. 1904.
[2] Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 302. СПБ. 1872.
[3] Летопись по Ипатьевскому списку, стр. 249. СПБ. 1871.
[4] Аристов Н. Промышленность древней Руси, стр. 19. СПБ. 1866.

ко нашей божницы, храму святых апостол Петра и Павла не быти в Новеграде, ино вашим церквам у нас по нашим городом не быти же». Тогда старосты и «все гости новгородские» выхлопотали немцам право поставить «ропату» [1].

Это предание дошло до нас в обработке, едва ли более ранней, чем XVI в., но основа его древняя и зиждется она не только на устной легенде, но и на письменном источнике. В Новгороде были известны два посадника с именем Добрыни: первый, дядя Владимира Святославича, явно не подходит к нашему рассказу; другой Добрыня умер в 1117 году [2]. Следовательно, сказание может иметь в виду только второго Добрыню и говорит об эпизоде начала XII века. Самое, пожалуй, характерное во всём рассказе — это боязнь новгородцев потерять свои церкви-дворы в чужеземных городах.

О существовании купеческих объединений в других русских городах, помимо Новгорода, говорить значительно труднее, хотя в крупных городах, подобных Киеву и Полоцку, их существование почти обязательно.

Некоторые намёки на существование купеческих объединений в Киеве находим в известиях о купцах-«гречниках». Летописные сообщения о гречниках не оставляют сомнения, что речь идёт о купцах, шедших из Греции с товарами на Русь [3]. Остаётся неясным, кого называли гречниками, русских или греческих купцов, хотя князь Мстислав называет гречников нашими («гречнику нашему») [4]; самый же термин «гречник» составлен наподобие таких слов, как «мучник», «хлебник», «вощник», в значении торговца определённым товаром.

По подобному образцу создавались прозвища купцов, торговавших с определёнными землями, заграницей. В. Васильевский справедливо сравнивает термин «гречник» с «рузариями» в Регенсбурге, т. е. купцами, торговавшими с Русью [5].

К сожалению, в употреблении слова «гречники» в летописи имеются разногласия. «В се же лето (1092 год) Давыд зая грькы в Олешью и зая у них именье», — читаем в Лаврентьевской летописи. В Ипатьевском, Радзивилловском и Троицком списках на месте греков читаем «гречников». Так как слово «гречники» встречается в летописях гораздо реже, чем термин «греки», то вероятнее предполагать, что греки заменили собой первоначальных гречников, тем более что «гречников» находим и в Воскресенской летописи, пользовавшейся более древним источником, чем Ипатьевская летопись [6].

Русские купцы действительно торговали в Константинополе и даже имели там постоянную колонию. Так как история русской колонии в Константинополе фактически не освещена в нашей литературе, то остановимся несколько подробнее на этой теме, разъясняющей вопрос о характере торговли русских купцов заграницей.

По договорам Руси с греками, первоначальное местопребывание русских купцов было у церкви св. Мамы. По исследованиям Паргуара, в Константинополе было две церкви св. Мамы: одна в городе, другая вне городских стен, на европейском берегу Босфора, у современного Бешик-Таша. Здесь остановилась княгиня Ольга, когда прибыла в Царьград. Впоследствии она была недовольна долгим стоянием вне города [7].

---

[1] Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевым-Безбородко. Т. I.

[2] Синодальная Новгородская летопись, стр. 122.

[3] «Се же уведавши половци, оже князи не в любви живуть, шедше в порогы начаша пакостити гречником; и посла Ростислав Володислава Ляха с вои, и възведоша гречникы» (Летопись по Ипатьевскому списку, стр. 360).

[4] Там же, стр. 370.

[5] «В этой грамоте обращает на себя внимание слово «рузария» Оно употребляется в качестве термина, напоминая гречников русской летописи» («ЖМНП»), июль 1888 года. «Древняя торговля Киева с Регенсбургом».

[6] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I, стр. 88. Т. VIII, стр. 3.

[7] Pargoire. Les Saint-Mamas de Constantinople («Известия Русского археологического института в Константинополе». Т. III. Вып. 1—2, стр. 261—316. София. 1904).

Отсутствие упоминаний о церкви св. Мамы у русских паломников в Константинополь Паргуар объясняет тем, что они останавливались в самом городе. Это замечание представляется вполне обоснованным, но с тем небольшим дополнением, что самая резиденция русских в Константинополе XI — XIII вв. переместилась из неукреплённых окрестностей внутрь города. Когда произошла эта перемена, точно неизвестно, но что она произошла, в этом нет никаких сомнений. Вероятно, утверждение русской колонии за городскими стенами было связано с крещением Руси и договором Владимира с византийскими императорами, когда русские из враждебного народа сделались союзниками Византии.

О местоположении русского квартала в Константинополе можно судить по рассказу новгородского архиепископа Антония, видевшего этот город около 1200 г., до взятия его крестоносцами. В списке Антониева хождения, изданном Савваитовым, читаем: «А отголе на уболе святого Георгия святый Леонтей поп русин лежит в теле, велик человек; той бо Леонтий 3-жды во Иеросалим пешь ходил; страньже того церковь есть святаго Платона, и ту мощи его, и святый Иоан Милостивый, ту же дом святаго исповедника Павла и ту под трапезою мощи его, и омъфор его и петрахиль его целуют; конец же рускаго убола церковь 40 мученик»[1]. В другом списке после слов о церкви св. Платона добавлено: «Церковь есть святаго Платона, и ту мощи его, и святый Иоанн Милостивый и Борис ту в теле лежит».

Слово «убол» является испорченным греческим embolos. Антоний не случайно оставил это слово без перевода, так как «убол» обозначал не просто русскую улицу, а особый тип городской улицы в Константинополе. Исследователь левантской торговли следующим образом характеризует византийские кварталы: «В Константинополе византийского времени многие улицы, особенно в наиболее оживлённых частях города, были снабжены аркадами, так что по обеим их сторонам прохожие имели кров для защиты от дождя и солнечных лучей. Непосредственно к аркадам примыкали дома. Такие улицы с аркадами назывались embolos. Так как они особенно годились для торговых помещений, то императоры имели обыкновение отдавать подобный embolos или даже пару их одному торгующему народу, так что лавки и дома купцов частью примыкали к ним непосредственно, частью вокруг них группировались. Весь квартал получал от этого также имя embolos (лат. embolum), если он обладал большим комплексом домов»[2].

Таким образом, название «русский обол» у Антония обозначает не просто русскую колонию, жившую на определённой улице, но целый квартал, населённый русскими купцами. Русский квартал был расположен в районе церкви Георгия, почитание которого было распространено на Руси. Упоминание о двух местночтимых святых — Леонтии и Борисе — показывает, что русские осели в Константинополе прочно и стали обзаводиться своими святыми. О Леонтии известно, что он был русским. Борис — имя русское и болгарское. Возможно, что Борис, лежавший «в теле», т. е. мощи которого сохранялись, был болгарином: среди болгар имя Борис было распространённым. Антоний, во всяком случае, знал, о каком Борисе идёт речь, и оставил текст без пояснений.

Никаких подробностей о жизни «русского обола» в Константинополе нет, но характер этого «обола» остаётся вне сомнений, и вместе с тем более вероятным становится существование в Киеве корпорации русских купцов-гречников, торговавших с Византией.

---

[1] Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград, стр. 43—44. СПБ. 1872; поправка по списку А. И. Яцимирского («Известия отделения русского языка и словесности Императорской академии наук». Т. IV. Кн. 1-я).

[2] Heyd W. Geschichte des Levantehandels im Mittelater. Bd. I, S. 274. Stuttgart. 1879.

Существование купеческих организаций в других городах Киевской Руси проследить ещё труднее. Намёком на какое-то купеческое объединение в Полоцке можно считать известие о братчине («братьщина»), собиравшейся у старой церкви Богородицы в Полоцке на Петров день [1]. Впрочем, отсутствие указаний на купеческие объединения в других городах ровно ничего не значит, поскольку даже Новгородская летопись не даёт материала об Иванском сте, устав которого, однако, нам известен. Скудость летописных известий о городской жизни в XII — XIII вв. общеизвестна. Во всяком случае, наличие Иванского ста является бесспорным доказательством существования в Киевской Руси купеческих объединений, которым соответствуют немецкие гильдии.

Купеческие объединения, несомненно, существовали и в городах Суздальской Руси XIV — XV веков. Самым известным из них было объединение гостей-сурожан в Москве. Интересную монографию о них написал покойный В. Е. Сыроечковский [2], что избавляет нас от необходимости приводить лишние подробности. Эта купеческая организация была настолько мощной, что с ней весьма считались московские великие князья. Десять «мужей изрочитых, московских гостей сурожан» взял с собой Дмитрий Донской, отправляясь на Куликово поле: «аще что бог ему случить, и они имуть поведати в далних землях» [3]. Сурожане торговали с итальянскими колониями в Крыму и с Константинополем, являясь посредниками между русским Севером и Средиземноморьем. Русские колонии находились в Каффе и Суроже (Судак), где имелась русская церковь. Что такие колонии были прочными объединениями, видно опять-таки из примера русских поселений в Константинополе. «Русь живущая тамо», например, торжественно встречала митрополита Пимена в 1389 году. Центром русской колонии была церковь Ивана Предтечи (Продром), где путешественников радостно встретили и угостили: «И упокоиша нас добре тамо живущая Русь» [4].

Существовали ли какие-либо уставы объединений сурожан или суконников, неизвестно, но зато известно, что в некоторых случаях купцы сурожане или суконники выступали в качестве коллектива, ссужавшего деньгами великих князей. Так, Юрий Дмитриевич Галицкий занял «у гостей и у суконников шестьсот рублей», чтобы заплатить долги, сделанные в Орде при хлопотах о получении ярлыка на великое княжение. [5]. Действительная ценность названной суммы станет понятной, если принять во внимание, что в конце XIV в. дань с Коломны и волостей крупнейшего московского удела оценивалась в 342 рубля, а с Звенигорода с волостями — в 272 рубля [6].

Объединения сурожан и суконников в Москве, вероятно, группировались вокруг патрональных церквей. О церкви московских «гостей», как обычно называли сурожан в XIV — XV вв., читаем под 1479 годом: «Заложил церковь Иоанна Златоустого великий князь Иван Васильевич камену, а преже бывшую деревяную разобрав; бе же та изначала церковь гостей московских строение, да уже и оскудевати начят монастырь той». В другом известии эта церковь названа «бывшей гостиной древягой», что, может быть, указывает на существование другой, каменной, «гостиной» церкви [7]. Существование купеческих объединений не только в Новгороде, но и в Москве — факт, совершенно доказанный.

Обратимся теперь к вопросу о ремесленных организациях. Конечно, ставить вопрос о существовании на Руси XI — XV вв. развитых цехов, с

[1] Летопись по Ипатьевскому списку, стр. 340.
[2] Сыроечковский В. Гости-сурожане. Огиз. 1935.
[3] Шамбинаго С. Повести о Мамаевом побоище. Приложение, стр. 51. СПБ. 1906.
[4] ПСРЛ. Т. XI, стр. 99.
[5] Собрание государственных грамот и договоров. Т. I, стр. 102.
[6] Там же, стр. 60.
[7] ПСРЛ. Т. XVIII, стр. 201; т. XXII, стр. 193.

уставами и законченной системой взаимоотношений между мастерами, подмастерьями и учениками, едва ли возможно, но о зачатках ремесленных объединений в русских городах можно говорить с большим основанием. При этом нас не должно смущать отсутствие прямых указаний в источниках на подобные объединения. Сведения, полученные нами из летописей и других памятников, отрывочны и неполны; только счастливый случай сохранил нам устав купеческого объединения церкви Ивана Предтечи на Опоках. Многие представители науки стали бы решительно отрицать существование в Новгороде какого-либо купеческого объединения в XII в., если бы не оказалось этого устава. Конечно, купеческие организации зародились раньше ремесленных и имели более мощное развитие, но возникновение тех и других не зависело от случайных причин, а коренилось в самой структуре феодального общества.

Маркс и Энгельс указывают ряд общих причин возникновения средневековых ремесленных организаций, связанных с феодальной структурой всей страны. Они отмечают, что «феодальной структуре земельной собственности соответствовала в г о р о д а х корпоративная собственность, феодальная организация ремесла... В городах, которые не перешли в средневековье в готовом виде из прошлой истории, а образовались заново освободившимися крепостными, единственной собственностью каждого индивида — за исключением приносимого им с собой небольшого капитала, который весь почти заключался в самых необходимых инструментах,— была его особая специальность. Конкуренция постоянно прибывавших в город беглых крепостных, непрерывная война деревни с городом и связанная с ней необходимость организации городской военной силы, узы общей собственности на некоторую определённую специальность, необходимость общих зданий для продажи своих товаров (тогда ремесленники были в то же время и купцами) и связанное с этим недопущение в эти здания посторонних, противоположность интересов отдельных ремёсл между собой, необходимость охраны с трудом изученного ремесла и феодальная организация всей страны—таковы были причины объединения рабочих каждого отдельного ремесла в цехи» [1]. Как видим, феодальная организация ремесла в городе вытекает из природы феодализма.

Нет никакого сомнения, что Киевская Русь была уже знакома с концентрацией ремесленников в определённых городских кварталах, получающих соответственные названия: «урочища», «гончары», «кожемяки» и «кузнецы» — встречаем в ряде древнерусских городов. Гончарский конец составлял значительную часть Новгорода и получил своё название, несомненно, от постоянно населявших его гончаров. Подобное же урочище существовало в Киеве и было расположено под горой в районе Подола. Во Владимире известно старинное урочище «ременники», находившееся за пределами городского вала при подошве так называемой Студёной горы. Большая часть торговой стороны в Новгороде называлась «в Плотникех», откуда позже получилось название Плотницкого конца. В Новгороде точно так же известны были щитники как ремесленники и Щитная улица, в Пскове—Кузнечная улица, где действительно в XV в. жили кузнецы, и пр.

Что мастера одной специальности жили и работали в определённых местах, видно из рассказа Киево-Печорского патерика. Каменная доска для престола в соборной церкви Печорского монастыря была прислана неизвестным жертвователем, которого монахи искали, чтобы узнать, «идеже делаются таковые вещи» [2]. Концентрация ремесленников в одном или нескольких соседних кварталах была предпосылкой к созданию ремесленных объединений.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 14, 41.
[2] Печорский патерик. Изд. Археографической комиссии, стр. 10. СПБ. 1911.

Приведём более прямые доказательства наличия зачатков ремесленных объединений в Киевской Руси. Начнём с вопроса о существовании организаций среди ремесленников, занятых в строительном деле, так как постройка деревянных и каменных зданий везде требовала строительных объединений (по-древнерусски — «дружин»).

Имеются известия о существовании подобных объединений в Новгороде, под Киевом. Здесь жили «древоделн», которые уже при Ярославе Мудром и его сыне Изяславе объединялись в дружину во главе со «старейшиной», т. е. старостой. Ярослав Мудрый «повеле древоделям приготовит древо на сограждение церькви, бе бо уже время зимою. Они же повеленое им от христолюбца приготоваша древо. И наставши лету возградивше церковь во имя святою блаженую страстотерпцы Бориса и Глеба, о клетце, в ней же стояста раци святою. Христолюбивый же князь украси церковь 5 верх и всякими красотами, иконами и иными писмены»[1].

В том же Вышгороде существовало объединение городников («огородников»), «бяше человек Вышегороде старей огородником, зовемь бяше Жьдан по мирскому, а в крещении Никола»[2]. В сказании о Борисе и Глебе по древнейшему, Сильвестровскому сборнику XIV в. находим следующие строки: «Бяше же мужь именьм Миронег, иже бе градьник Вышегороде». В других, более поздних списках вместо слова «градник» читаем «огородник». Нас не должно смущать слово «огородник», так как оно обозначало не только огородника в современном смысле этого слова. Слово «огородня» соответствовало «городни», т. е. части городской деревянной стены, от слова «городить» — окружить забором или стеною. В свою очередь слово «градник» совершенно соответствует русскому полногласному «городник». Особое положение вышгородских городников и древоделей этого княжеского городка объясняет нам, почему в сказании Нестора тот же Миронег назван старейшиной («иже бе властелин граду тому»)[3].

Дружины, или артели, плотников и городников, как мы видим, представляли объединения во главе со старостами. Было бы недопустимой модернизацией, если бы мы думали, что объединения ремесленников в XII—XIII вв. напоминали по своему строению позднейшие артели капиталистического времени. Дружины имели крупное общественно-политическое значение. На прочность объединения вышгородских городников и на политическое его значение указывает то обстоятельство, что упомянутый староста Ждан-Микула, повидимому, был участником съезда Ярославичей в Вышгороде в 1072 г., когда вырабатывалась Правда Ярославичей. Местонахождение плотников и городников в княжеской резиденции (Вышгороде) представляется также явлением не случайным. Объединения плотников и городников работали по крупным, преимущественно княжеским, заказам. Деревянное строительство было сильно развито в XI—XIII вв. и достигло высокого мастерства. Современники с похвалой отзываются о дубовой церкви Софии Новгородской, имевшей 13 верхов; о деревянном соборе в Ростове современники говорят как о здании, подобного которому не было раньше и никогда впредь не будет. Создание подобных построек требовало больших затрат, художественного вкуса и мастерства. Поэтому на первых порах объединения строителей должны были находиться под особым княжеским покровительством.

Действительно, историки западноевропейских цехов указывают, что возникновение их было теснейшим образом связано с пожалованиями цеховых привилегий императором, князьями и другими феодальными владе-

---

[1] Абрамович Л. Жития святых мучеников Бориса и Глеба, стр. 17, 54—57. Пгрг. 1916.

[2] Успенский сборник XII в., сказание о Борисе и Глебе.

[3] Срезневский И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II, стр. 607. СПБ. 1902.

телями. Начало объединений ремесленников в Киевской Руси тесно связано с пожалованиями им привилегий. На первых порах мы встречаемся с такими же объединениями в других городах, подобных Вышгороду, где жили ремесленники, работавшие по княжеским заказам и в недавнее время ещё находившиеся в зависимости от князя.

Наряду с плотниками и городниками должны были существовать такие же объединения среди каменщиков. Недаром владимирцев в конце XII в. дразнили словом «каменьщики», как за полтора века до этого новгородцев называли «плотниками». Дружины каменщиков с самого начала должны были находиться под княжеским покровительством, ибо постройка каменных зданий, преимущественно церквей, была делом дорогостоящим и в первое время производилась почти исключительно на княжеские средства. Действительно, знаки на кирпичах церквей, построенных в Киеве, Чернигове, Остерском городце, в Смоленске (Смядынь), во Владимире на Клязьме и в Боголюбове, восходят к родовым знакам Рюриковичей, как это блестяще доказал Б. А. Рыбаков. По его словам, кирпичи для церквей «изготовлялись, вероятно, княжескими холопами, метившими их княжеским знаком».

Надо предполагать существование дружин каменщиков, строивших в таких городах, как Новгород, по заказу частных лиц, подобных Антонию, который в XII в. воздвиг в Новгороде величественный храм в своём монастыре. Ремесленники Киевской Руси проделали тот же путь, что и в Западной Европе, от зависимого человека к свободному ремесленнику.

Ремесленные объединения в городах существовали ввиде сотен, изучение которых даёт нам возможность до некоторой степени ответить на вопрос о существовании особых купеческих и ремесленных организаций. Обычно в сотнях исследователи видят военно-административную единицу, возникшую уже в княжеское время. Вопросу о времени возникновения сотен и о их значении большое место отведено в исследованиях А. Е. Преснякова и Б. Д. Грекова [1], но в данном случае нам важен не вопрос о происхождении сотен, а то значение, какое они получили в больших городах примерно с XII века. Более полно можно о них судить только на основании новгородских известий.

Сотни прежде всего перечислены в так называемом уставе Ярослава о мостех. В этом памятнике первые сотни получили свои названия от личных имён сотских: Давыжа ста, Слепцова, Быкова (или Бовыкова), Олексина, Ратиборова, Кондратова, Романова, Сидорова, Гаврилова. Однако 10-я и 11-я сотни названы княжими, а остальные шесть получили прозвания от местностей: Ржевская, Бежицкая, Вотская, Обонежская, Луцкая, Поволховская или Волховская, Яжолбицкая [2].

Известный нам текст устава читается таким образом: «А владыче сквозе городняя ворота с изгои и с другыми изгои до Острой городне: I Давыжья ста... 19 Яжолвичкая, двои рили до софьян, софьяном до тысяцкого». Первоначальный же текст должен был читаться: «А владыче сквозе городня ворота со изгои и с другыми изгои до Острой городне до софьян, софьяном до тысячкого». Иными словами, владыка вместе с изгоями должен был устраивать уличные мосты до софьян, а софьяне мостили до тысяцкого, что соответствует действительности, потому что владыка жил в детинце внутри городских ворот, а софьяне, хотя и подчинённые владыке, жили за детинцем, в так называемом «околотке», тысяц-

[1] Пресняков А. Княжое право в древней Руси. 1902; Греков Б. Киевская Русь, стр 187 и далее 1944

[2] Синодальная Новгородская летопись, стр. 487—488; другая редакция устава. Русские достопамятности. Ч. 2 я, стр 241—243 М. 1843 Б А. Рыбаков высказал любопытное предположение о происхождении этих сотен, но, к сожалению, не обратил внимания на то, что перечисление сотен является явно позднейшей вставкой в устав о мостех.

кий ведал мостами по другой стороне Волхова, о которой идёт речь дал в уставе («тысячкому до вощник», т. е. до Иванского ста).

Замечательно, что рядом с сотнями, подведомственная территория которых совершенно не ясна по уставу, перечисляются михайловцы и инцы и витьковцы, т. е. уличане Михайловской, Ильинской и Ви ской улиц. В документе явно смешивается территориальный приз с признаком административным.

Непонятно, какая, собственно, часть города замащивалась перечисленными сотнями. Судя по месту вставки текста о сотнях, они должны были строить великий мост через Волхов. Возникает вопрос, почему первые девять сотен названы по личным именам, а 12—19 сотни — по географическим названиям. Это можно объяснить тем, что первые сотни были городскими, а вторые — внегородскими единицами, привлечёнными позже к строительству великого моста через Волхов.

Сотские помянуты также в уставе Всеволода «о церковных судах и о людях и о мерилах торговых». Самое название этого устава, упоминающее о «людях», под которыми так часто понимается городское население, очень показательно. В уставе читаем также слова: «Съзвал есмь 10 сочких и старосту Болеслава, и бириця Мирошку, и старосту Иваньского Васяту, и погадал есмь с владыкою и с своею княгынею и с своими боляры, и с десятью сочьскыми и с старостами». Всеволод даёт «святей Софии и епископу и старосте Иваньскому всему Новгороду, мерила торговаа».

Из дальнейшего текста оказывается, что торговые старосты и сотские имеют разную компетенцию, «а дом святей Софии владыкам строити с сочьскыми, а старостам и торговьцам докладываа владыкы или кто будеть нашего рода князей Новгорода строить дом святаго Ивана». Здесь явно различаются два центра хозяйственной жизни Новгорода. Один — дом св. Софии, который «строят» владыка с сотскими, другой — дом св. Ивана на Опоках, там действуют с доклада архиепископу старосты и торговцы. Но мерила торговые касаются не только торговцев: отношение к ним имеют и сотские; повидимому, они являются представителями ремесленников. Поэтому дальше штраф за искажение торговых мерил делится на три части: одна идёт св. Софии, т. е. епископу, вторая — св. Ивану, третья — сотским и Новгороду [1].

Вместе с тем устав обнаруживает перед нами ещё одно любопытное явление — строгий присмотр за рынком и мерами обмена, в котором принимают участие сотские как представители торгового и ремесленного населения. При таком понимании новгородских сотен мы найдём объяснение, почему в уставе о мостах первые сотни названы по имени и отделены от улиц. В данном случае сотни обозначали названия торговых рядов, где группировались ремесленники определённой специальности. Это и было первоначальным ремесленным объединением, без которого нельзя понять структуру городского рынка с его строгими и устойчивыми местами торговли для отдельных видов товаров, поставляемых ремесленниками. Видеть же в сотнях великого Новгорода территориальные организации совершенно невозможно, так как они упоминаются рядом с концами и улицами. «А от конца или от улицы и от ста и от ряду итти ятцом двема человеком, а иным по пособье не итти к суду ни к росказу» [2],—говорится в Новгородской Судной грамоте. В договоре Новгорода с великими князьями читаем фразу: «Кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потягнеть в свой погост» [3]. В духовной Климента городца второй половины XIII в упоминается «купецкое сто» [4]. Следовательно, могли существовать и не

[1] Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, стр. 43—46. Составил Г. Е. Кочин. 1935.
[2] Акты Археографической экспедиции. Т. I, № 92.
[3] Собрание государственных грамот и договоров. Т. I, № 3.
[4] Срезневский И. Сведения и заметки, стр. 39. СПБ. 1867.

купеческие сотни. Действительно, летописец, рассказывая о новгородском восстании 1230 г., упоминает, что имущество разграбленных бояр «по стам разделиша». В данном случае сотня уже не является только купеческой организацией; нельзя настаивать и на её территориальных знаках.

Выше мы видели, что, кроме сотни, в конце XV в. в Новгороде упоминаются ряды. Словом «ряд» в XVI в. обозначали торговый ряд, отсюда мнение, что словом «рядович» в Новгороде обозначался купец. Но известно, что древние русские лавки были очень далеки от настоящих торговых предприятий. В средние века торговля обычно соединялась с ремеслом, поэтому организация рядовичей была в то же время и организацией ремесленников. Слово «рядьник» обозначает в древнерусских памятниках простолюдина: «Не точию рядьници и ненарочитии, но благородьни и словущеи» [1].

Приведённое выше понимание новгородских сотен как объединения ремесленников позволяет по-новому поставить некоторые вопросы внутренней истории Новгорода. Известно, что ремесленники средневековой Германии принимали участие в войнах и защите городов. По словам Г. Белова, исследователя истории немецких городов в средние века, там, «где патрициям удавалось утвердить своё господство, там военное ополчение делилось применительно к топографическим группам, к городским кварталам. Где одержали верх цехи, там они свои корпорации превращали в военные отряды; если цеховая организация была не вполне проведена, то оба деления уживались вместе» [2].

Аристократический характер правления в Великом Новгороде и в Пскове объясняет нам существование здесь военных организаций по кварталам, т. е. по концам и улицам. Это деление окончательно восторжествовало в Новгороде в XIV—XV веках.

Понятие о торговых рядах в Новгороде 1583 г. дают замечательные лавочные книги Великого Новгорода, опубликованные С. В. Бахрушиным [3]. Они показывают концентрацию торговли определёнными товарами в рядах с соответствующими названиями. Но спрашивается: что это за котельники, серебряники, сапожники и т. д., торгующие в Котельном, Серебряном, Сапожном и других рядах? Конечно, это не только купцы в нашем смысле слова, но и ремесленники, имеющие свои лавки на рынке, что типично для средневекового ремесла и торговли. Перед нами совершенно явные объединения, во главе которых стоят старосты, представители рядов.

Когда же возникла такая организация торговли и ремесла в Новгороде — только в XVI в. или в более раннее время? На этот вопрос отвечает известие Псковской летописи 1485 г.: «Тоя же осени псковичи поставиша новый мост через Псковy, а даша мастером 60 рублей; а платиша то серебро мясника» [4]. Здесь мясники явно выступают как определённая корпорация, обладающая общей кассой. Заметим, что в средневековых городах Западной Европы мясники обычно составляли мощную корпорацию. Сотни и ряды XIV — XV вв. и позднейшего времени заслуживают всяческого изучения. Более подробное изучение источников, несомненно, откроет новые материалы для суждения о характере и организации ремесла и торговли в древней Руси.

---

[1] Срезневский И. Материалы... Т. III, стр. 235.

[2] Белов Г. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии, стр. 77. М. 1912.

[3] См. Бахрушин С. Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М. 1930.

[4] ПСРЛ Т. V, стр. 43.

К ВОПРОСУ О ВОЕННОЙ РЕФОРМЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

П. Епифанов

Военные преобразования Петра I занимают большое место в истории русской армии и военного искусства. Пётр создал постоянную, регулярную армию, всячески способствовал развитию военной промышленности и полному перевооружению армии современными образцами пехотного и артиллерийского оружия. Он упорно добивался овладения новой военной техникой в «трёхвременной» школе Северной войны и произвёл глубокий переворот в тактике армии. Он ввёл оригинальные военные уставы, издавал на русском языке книги по артиллерии и фортификации, создал военные школы и положил начало специального военного образования в России и широкой армейской подготовки русских офицерских кадров, воспитывал армию — от рядового фузилера до «командующего генерала» — в духе новой, более высокой, «регулярной» дисциплины. Таковы важнейшие стороны военной реформы Петра I.

Изучение предпосылок и хода реформы особенно ярко подтверждает правильность и глубину сталинской оценки преобразований Петра как «своеобразной попытки» «выскочить из рамок отсталости» [1]. При Петре русская армия и военная культура в широком смысле слова шагнули далеко вперёд. Однако военные преобразования Петра с логической неизбежностью вытекали из предшествующего развития русской армии и явились закономерной ступенью её эволюции на рубеже XVII—XVIII столетий.

Это была переломная эпоха в истории русской армии.

Нетрудно заметить, что военные преобразования Петра I явились гранью между периодом неудач русской армии в борьбе с относительно слабым противником во второй половине XVII столетия (чигиринские, крымские походы) и периодом её выдающихся успехов в XVIII столетии, причём она имела теперь дело не с татарской конницей, а с лучшими армиями Запада. Пройдя при Петре трудный и славный путь от нарвского поражения 19 ноября 1700 г. до Полтавской победы 27 июня 1709 г., молодая регулярная армия «подымающейся нации» завоевала мировую славу и получила всеобщее признание как армия-победительница «непобедимых» полков Карла XII, как грозная для противника военная сила, как важный фактор международных политических отношений, с которым отныне не могли не считаться в столицах Европы.

Непосредственные итоги реформы подвёл сам Пётр, сказав в предисловии к Воинскому уставу 1716 г. о «великих прогрессах», достигнутых русской армией в борьбе со «славным и регулярным» неприятелем. Однако историческое значение военных преобразований Петра не исчерпывается ближайшими результатами реформы. При Петре был заложен фундамент регулярной организации вооружённых сил России, заложены основы русской национальной военной школы, живые ростки которой не удалось заглушить «прусскими преобразованиями» некоторых преемников Петра. Полководческое искусство и прогрессивные военные идеи Петра и его военных сподвижников послужили источником славных боевых традиций

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 359, 9-е изд.

русской армии, воспринятых и развитых П. Румянцевым, А. Суворовым, М. Кутузовым и их учениками.

Историческая наука давно опровергла взгляд на преобразования Петра как на «реформу без реформатора». Пётр был действительным руководителем военной реформы, вникавшим во все её детали и направлявшим общий ход перестройки армии, многое предвидевшим, умевшим извлекать уроки из ошибок и закреплять новое на прочном основании. Военные идеи Петра формировались на основе боевой практики армии. Эта практика определила окончательную структуру регулярной армии, развитие её тактических навыков и усовершенствование её технических средств. Направляя ход реформы, Пётр заботился прежде всего о перевооружении армии новейшей военной техникой, о строевом и тактическом обучении войск и воспитании их в духе патриотизма и защиты «интереса государственного». Стремясь преодолеть военную отсталость страны, Пётр широко использовал передовые достижения западной военной культуры, применяя их к особенностям русской армии и потребностям её прогрессивного развития. Пётр воспитал целую плеяду выдающихся русских военачальников и военных специалистов: Б. Шереметева, А. Меншикова, М. Голицына, А. Вейде, Я. Брюса, В. Корчмина, Г. Скорнякова-Писарева, В. Суворова и многих других.

Рассматривая условия возникновения регулярной армии в России, военные историки обычно самыми чёрными красками рисовали состояние армии перед реформой. Отсюда выводилась необходимость преобразования армии. Упадок дисциплины, отсталость вооружения и низкие боевые качества поместно-дворянского войска отмечались современниками и подтверждаются фактами военной истории. «Дай бог великому государю служить, а саблю б из ножен не вынимать»,— говорили дворяне при Посошкове. Однако предки служилых людей XVII столетия — «воинники» Ив. Пересветова, составлявшие главную боевую силу русского войска XVI столетия,— в своё время охотно «играли смертною игрою». Массовое уклонение дворян от службы, рост числа «нетчиков» — явление, характерное для второй половины XVII столетия.

Оформление поместно-служилой системы, создание стрелецкой «огнестрельной пехоты» и сильной артиллерии в XV—XVI вв. представляли собой прогрессивную ступень в развитии русской армии и военного дела в стране. В войнах этой эпохи войска Московской Руси проявили высокие боевые качества. В своей основе тактика русской армии этого периода напоминает тактику западных армий (активно действующая кавалерия, опирающаяся на пехоту), однако она выработала целый ряд своеобразных черт, выгодно отличающих её от некоторых армий Европы.

Выгодно отличалась русская армия своим национальным составом, своей тактической организацией. Армии делились на «полки»: Большой, Правой и Левой руки, Сторожевой, Засадный, выделялся авангард «Эртоул». Русская артиллерия применяла оригинальные тактические приёмы, при осадах и в полевых сражениях она вела сильный артиллерийский огонь (передвижная ружейно-пушечная крепость Гуляй-город). Особенно искусно была организована оборона южных границ государства — с широким использованием естественных преград и искусственных оборонительных сооружений. В 1572 г. князь М. Воротынский, по поручению Ивана Грозного, составил «Устав о сторожевой, станичной и полевой службе».

Военная организация Московской Руси создалась в условиях, которые «требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия» [1]. Это была ещё, в сущ-

[1] И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 73. М. 1934.

ности, феодальная военная организация с армией, состоявшей на девять десятых из помещиков-дворян и их челяди. Ленин указывал на то, что в XVI в. отдельные земли и княжества Московской Руси имели ещё «свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками)»[1]. Известно, что дворяне являлись на службу «конны, людны и оружны», а после похода их распускали по домам. По своей организации главная боевая сила московского войска — дворянская конница — представляла собой временное ополчение, созываемое лишь на время военных действий.

В XVII в. начинается кризис военно-поместной системы. Социально-экономические сдвиги в Московской Руси XVI—XVII вв. привели к постепенному отмиранию формы условного землевладения и к укреплению помещичьей собственности на землю и на крепостных крестьян. Чем больше втягивались помещики в круг «хозяйственных» интересов, тем настойчивее уклонялись они от выполнения тяжёлой военной повинности. С другой стороны, прогрессирующее «измельчание» дворянских фамилий, «оскудение чина воинского» лишали многочисленную группу «мелкопоместных, пустопоместных и беспоместных» детей боярских возможности служить в армии на старых основаниях. В условиях почти непрерывных войн и походов XVII в. мелкие помещики не были в состоянии служить исправно, как подобало служилому человеку. Отсюда рост числа «нетчиков», отсюда и попытки правительства организовать снабжение дворянского войска оружием, снаряжением и боеприпасами из «царской оружейной казны». В XVII в. детей боярских, «за которыми прожиточных поместий и вотчин нет», всё чаще записывали в пехотную службу, «для того, что им в копейщиках и рейтарах ныне быть не мочно за скудостью». «Клячи (у них) худые, сабли тупые, сами нужны и безодежны, ружьём владеть никаким неумелые», — так описывает Посошков русского служилого человека конца XVII столетия.

Поместно-дворянская система организации войска постепенно подтачивалась и с другой стороны. Как указывает Энгельс, усовершенствование ручного огнестрельного оружия и артиллерии в XVII в. привело к тому, что главным родом войск в этот период становится пехота, к которой переходит решающая роль в сражениях. Конница, получая на вооружение огнестрельное оружие, также перестраивалась на регулярной основе и изменяла свою тактику[2]. С чисто военной точки зрения, «нестройная», необученная, вооружённая отсталым и разношерстным оружием дворянская конница теряла своё боевое значение, и несмотря на военно-техническую отсталость России в XVII в. её с поразительной быстротой вытесняли пехотные полки.

Поместно-дворянское войско по самому характеру своему не могло развиться в правильно организованное, регулярное войско.

Нельзя назвать хотя бы зародышем регулярной армии и стрелецкую пехоту. Это была своеобразная форма организации «огнестрельной пехоты». Служба стрельцов, как и некоторых других категорий русского войска XVI—XVII вв.—пушкарей, воротников, кузнецов, затинщиков, городовых казаков и др.,— обеспечивалась денежным и земельным жалованием и была наследственной.

В стрелецкое войско вербовали главным образом «от отцов детей и от братьи братью, и от дядь племянников». Другой своеобразной чертой стрельцов было совмещение ими военной службы с гражданскими профессиями. Отсутствие систематического строевого обучения мешало стрельцам развивать своё ратное искусство. Всё это привело к тому, что Пётр вынужден был начать преобразование русской армии с полной ликвидации, «скасования», стрелецкой пехоты, а затем и поместно-дворянской конницы.

[1] Ленин. Соч. Т. I. стр. 73.

[2] См. Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Том первый, стр. 132—135, 65—166. Военгиз. М. 1940.

Необходимость военной реформы назревала также в связи с глубокими сдвигами в военном деле и военном строе Московской Руси XVII в., в связи с возросшей ролью России в международных отношениях.

Рост отечественного производства артиллерии и ручного огнестрельного оружия, особенно заметный с середины XVII в., и увеличивавшийся импорт оружия из стран Западной Европы постепенно насыщали армию огнестрельным оружием и поднимали значение пехоты. В 1668 г. в русской армии числилось 40 тыс. кавалерии и 24 тыс. пехоты, в 1681 г.— 45 тыс. кавалерии и 81 тыс. пехоты; во втором Крымском походе участвовали 28 полков конницы (37 тыс.) и 46 полков пехоты (58 тыс.) [1].

Изменение состава армии по родам оружия приводило к коренному изменению её социального состава, поскольку подавляющая масса пехоты и часть кавалерии вербовались теперь из крестьян и посадского населения. Дворянство должно было сохранить своё руководящее положение в армии при крестьянском ее составе. Но для этого необходимо было преодолеть традиционное отвращение дворянства к пехотной службе и заставить дворян пройти школу новой военной выучки в рамках регулярной армии.

Другая характерная черта в развитии русской армии XVII в. заключалась в вытеснении поместно-дворянской конницы и стрелецкой пехоты полками «иноземного строя». К концу XVII в. поместная конница составляла лишь четвёртую часть кавалерии, а стрельцы — десятую часть пехоты.

В последнее время некоторые историки стали рассматривать создание полков «иноземного строя» как вредное «отступление» от «национального принципа» старорусской военной организации и тактики. «Практика найма иноземных полков,— пишет проф. Коробков,— начавшаяся со времён Ивана Грозного [2] и получившая наибольшее развитие при Алексее Михайловиче, означала отступление от вышеозначенного принципа» [3]. Это утверждение основано на досадном недоразумении, так как русское правительство никогда не применяло «практики найма» целых полков [4], а в состав полков «иноземного строя» входили русские люди (дети боярские, вольница, даточные).

Русское правительство нанимало заграницей офицеров, приток которых в русскую армию особенно усилился после Тридцатилетней войны. Однако и среди офицеров в полках «иноземного строя» преобладали русские. Во втором Чигиринском походе в составе полковых офицеров (до майора) было 42 иноземца и 24 русских, зато среди ротных офицеров (капитаны, ротмистры, прапорщики) русских было 268, а иноземцев всего 58 человек [5]. Элементы наемничества в русской армии XVII в. являлись результатом военно-технической и культурной отсталости России; они не сразу были изжиты и при Петре I.

Так же необоснованно проф. Коробков называет полки «иноземного строя» «регулярными частями» русского войска XVII века. Рейтарские полки «иноземного строя» представляли собой не что иное, как модернизированную поместно-дворянскую конницу. Полки эти после

---

[1] Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в., стр. 38. СПБ 1905, Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. I, прим. 89, прил. XI. Цифры округлены.

[2] На самом деле первые полки «иноземного строя», как известно, созданы при Михаиле Фёдоровиче (прим. автора).

[3] Коробков Н. Национальные черты русского военного искусства. «Под знаменем марксизма» № 7—8 за 1943 г., стр. 30.

[4] В XVII в. было всего два случая найма целых полков на весьма короткое время. См. Бородин А. Иноземцы — ратные люди на службе Московского государства, 1916.

[5] Чарыков Н. Посольство в Рим и служба в Москве П. Менезия, прил. 156. Список начальных людей. СПБ. 1906.

похода распускали по домам так же, как и солдатские полки. Пётр не мог строить свою армию «по образцу» этих полков, в частности, и потому, что он вооружил свою армию новой военной техникой (ударно-кремнёвым ружьём со штыком), потребовавшей иной организации и тактики.

Нельзя согласиться с отрицательной оценкой, которую дают некоторые историки полкам «иноземного строя». Стремление России пойти «по общеевропейским путям развития вооружённых сил», пишет проф. Коробков, «к счастью (!), не затемнило собой основного национального принципа военной организации, а в дальнейшем было вовсе оставлено» [1]. Создание полков «иноземного строя» было, безусловно, шагом вперёд в истории русской армии, количество их возрастало и после Алексея Михайловича, и не случайно В. В. Голицын пытался перестроить по иноземному образцу стрелецкую пехоту и поместно-дворянскую конницу. Стремление русских военных деятелей к усвоению «иноземного строя», к укреплению военно-культурных связей с Европой, приглашение иноземных офицеров, оружейных и пушечных мастеров, импорт оружия, перевод специальной военной литературы и уставов — всё это сыграло большую роль в подготовке военной реформы Петра.

Если реакционные круги протестовали против реорганизации армии и объясняли неудачу крымских походов «наказанием божьим» за то, что Голицын допустил в армию на командные посты «безбожных» иноземцев, то Пётр резко повернул русскую армию лицом к Западу. Пётр нашёл в методах организации и деятельности лучших русских полков «иноземного строя» (так называемых «выборных») те прогрессивные элементы, которые он мог использовать, приступив к преобразованию армии.

В самом развитии русской армии XVII в. произошли значительные сдвиги, которые непосредственно подготовили военные преобразования Петра Великого. С середины XVII столетия были введены периодические обязательные наборы в армию «даточных людей». Нельзя проводить полную аналогию между «даточными людьми» XVII в. и рекрутами XVIII—XIX вв., как это делали С. Ф. Платонов и В. О. Ключевский. «Даточных» призывали не на постоянную (пожизненную), а на временную службу. Однако наборы «даточных» подготовили переход к рекрутской системе. Достаточно указать, что регулярные пехотные полки первого набора 1699—1700 гг. наполовину были укомплектованы «даточными людьми».

Не меньшее значение имели начатки строевого обучения конницы и пехоты во второй половине XVII века. Известно, что полки «иноземного строя» обычно в течение одного месяца в году обучались перестроениям и элементарным тактическим приёмам. По свидетельству П. Гордона, «выборные» солдатские полки в Москве обучались перед царскими смотрами ежедневно. Первых инструкторов для своих «потешных» Пётр получил из выборного солдатского полка, которым командовал генерал-лейтенант П. Гордон.

Правда, строевая подготовка войск до преобразований Петра не была систематической и производилась не по единому строевому уставу, а на основе «ратного обычая», т. е. фактически по произволу иноземных инструкторов.

Пётр в самом начале реформы использовал организационный и военно-административный опыт полков иноземного строя творчески и умело. Отдельные элементы этого опыта Пётр постепенно свёл в стройную систему на основе регулярной организации армии.

То обстоятельство, что основной состав офицеров-иноземцев сохранялся в XVII в. в кадрах армии, было использовано Петром в интересах

[1] Коробков Н. Пётр I — основатель русской армии и её военного искусства. «Военная мысль» № 2—3 за 1944 год.

реорганизации русской армии. Многие из этих иноземных офицеров настолько обрусели, что Пётр не мог не относиться к ним с полным доверием, которое они, кстати сказать, вполне оправдали (П. Менезий, П. Гордон, Ф. Лефорт, И. Чамберс, А. Вейде и др.).

Важнейшим элементом «регулярности» русской армии в XVII в. явилось снабжение полков «иноземного строя» оружием, снаряжением, а части конных полков и лошадьми, за счёт государства, из «царской оружейной казны». Принцип государственного обеспечения армии оружием, снаряжением и пр. является одним из главных признаков регулярной армии, и первые шаги в этом направлении были сделаны до Петра. Однако только в результате военных преобразований Петра I этот принцип восторжествовал окончательно и был осуществлён в полной мере, так что петровский солдат получал от государства и ружьё, и мундир, и сапоги, и лядунку с готовыми патронами.

Практика привлечения «беспоместных и малопоместных» дворян и детей боярских в пехотную службу, а некоторой части «даточных людей» для кавалерийской службы нанесла первый удар по дворянской привилегии — служить только в коннице. Это помогло Петру сделать службу в пехоте «заобычной» для дворян и заменить их в рядовом составе кавалерии рекрутами из крестьян. Однако привилегия эта была настолько традиционной, что Петру в первые годы реформы приходилось сурово наказывать дворян, которые «отбивались от пехотного строя», т. е. не желали служить в пехоте [1].

Разрабатывая в течение многих лет свой Воинский устав 1716 г., Пётр Великий использовал опыт русского уставного творчества XVII века. Ещё «Устав ратных дел» 1621 г., «изысканный» Онисимом Михайловым «от многих мудрых и искусных людей», требовал «смыслом разума, а не силой телеси своего ко врагом приходить» [2].

Идеи устава 1647 г. нашли своё отражение в статьях петровского устава о караульной службе и походных порядках [3].

Следует заметить, что устав 1647 г. к концу XVII в. совершенно устарел и строевая его часть не применялась на практике.

Таким образом, несмотря на военно-техническую отсталость страны в XVII в. русская армия обнаружила несомненную способность к прогрессивному развитию. Чем сильнее сознавалась эта отсталость, чем горше были военные неудачи конца XVII в., тем решительнее и шире ставилась проблема реорганизации вооружённых сил. Мероприятия комиссии В. Голицына по преобразованию армии (отмена местничества, перестройка поместной конницы и стрелецкой пехоты) оказались недостаточными, хотя и расчистили путь для преобразований Петра. Русская армия накануне петровских преобразований медленно, но неуклонно двигалась вперёд. Накопленные этим историческим движением элементы позволили Петру в короткий срок осуществить полную реорганизацию военных сил государства.

Для истории военной реформы Петра I существенное значение имело то обстоятельство, что её творец и руководитель в детстве и юности прошёл «полный курс военной науки» [4], включающий изучение всех видов современного огнестрельного и холодного оружия, военного «иноземного строя» пехоты и кавалерии, артиллерийского дела, начатков военно-инженерного искусства.

---

[1] Записки А. Желябужского, стр. 144, 167.

[2] Устав ратных, пушечных и других дел, составленный Онисимом Михайловым. Ч. 1-я, стр. 1—4. Изд. Рубана. 1777.

[3] Несколько экземпляров устава Алексея Михайловича хранятся в отделе редких книг Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина.

[4] Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI—XVII вв., стр. 205. М. 1915.

Большое значение в военном воспитании Петра имела практическая школа его «потешных». Не случайно Пётр много лет спустя удостоил высокого звания «первого российского солдата» С. Бухвостова, который «при начале военно-потешной службы первым в оную самохотно предстал». С «потешными», которыми командовал «полковник, что у потешных конюхов Иван Чамберс», с батареей потешной артиллерии, с гарнизоном «регулярной фортеции Пресбург», основанными в 1683—1685 гг., Пётр, по словам Б. Куракина, «делал непрестанно экзерцицию», а, по свидетельству А. Матвеева, «в оном корпусе... начав от барабанщичья чина, солдатские чины прямыми заслугами своими прошёл». Это сообщение вполне подтверждается тем, что Пётр только в 1691 г. присвоил себе чин сержанта и надел «сержантовый кафтан».

Но для потешных занятий Петра характерно не только это увлечение «экзерцицией», но также живой интерес к технической стороне военного дела и к военной науке. С 1684 г. Пётр изучал столярное, токарное и оружейное ремёсла. В 1685 г. он впервые посетил Оружейную палату и с этого времени бывал в ней по два—три раза в год, забирая отсюда главным образом оружие, особенно «диковинное», необычное (с винтованными стволами, с замками разных систем, с двумя стволами и т. д.). В 1686 г. Пётр принял непосредственное участие в грандиозной пристрелке десятков тысяч «завесных пищалей», предпринятой в связи с подготовкой Крымского похода. В этом же году Пётр посетил Пушечный двор и щедро наградил пушечных мастеров, отливших в его присутствии две медные пушки.

В 1685 г. Пётр прочитал, вероятно, первую в своей жизни «гражданскую» книгу,— то была «Книга огнестрельная» из библиотеки Алексея Михайловича [1]. Пётр в годы учёбы познакомился и с другими военными книгами, в частности с уставом 1647 г.— «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Голиков рассказывает, как юный Пётр удивил бояр разумной критикой строевых правил этого устава. С 1687 г. Пётр изучал начала баллистики и фортификации под руководством Ф. Тиммермана, а с 1689 г. его наставником в военных науках был П. Гордон. В военном воспитании Петра принимал участие талантливый и образованный шотландский офицер Павел Менезий [2].

Жадное и настойчивое стремление к военному просвещению и изучению военной истории, к военному эксперименту, при гениальных задатках юного Петра, не прошли бесследно для реформы и дали свои плоды. Неудача двух крымских походов В. В. Голицына произвела глубокое впечатление на Петра и усилила его интерес к военному делу, его критическое отношение к старой военной организации и тактике. С приходом к власти Пётр не забросил своих «потешных» и «экзерциций», а, наоборот, придал «Марсовым и Нептуновым потехам» широкий, государственный размах.

В 1690—1694 гг. развернулась большая организационная работа по укомплектованию, вооружению и обучению четырёх «выборных солдатских полков». Эта работа проводилась под руководством П. Гордона и Ф. Лефорта в двух старых полках (б. Бутырский и А. Шепелева). Наряду с ними были созданы два новых полка: Преображенский и Семёновский,— которые стали впоследствии ядром регулярной армии. Преображенскую «съезжую избу», своего рода «штаб» «потешных», возглавил «генералиссим» Ф. Ромодановский с генеральным писарем И. Инеховым. Для этих полков подбирался офицерский состав, «прибирались» и получали строевую и тактическую выучку русские офицеры — капитаны, поручики, сержанты; были созданы две бомбардирские роты. В 1692 г. приглашён на постоянную службу шведский военный инженер Хр. Ролль.

[1] Есипов. Сборник выписок о Петре Великом. Т. I, стр. 279. М. 1872.

[2] См. Чарыков Н. Посольство в Рим и служба в Москве П. Менезия. СПБ. 1906.

В эти годы Пётр не раз устраивал грандиозные артиллерийские стрельбы «по мишени» и бывал «на Пушечном дворе у пушечного литья», щедро награждал и пушкарей, которые «убивали по мишене в яблоко», и мастеров, удачно отливших новые пушки «против голанского образца».

Первые регулярные полки Петра получили «боевое крещение» в «потешных походах» 1691—1694 годов. Собственные, так часто цитируемые слова Петра «шутили под Кожуховом» и элементы маскарадности не должны скрывать от нас огромного значения «потешных походов» в истории русской армии. У Петра были серьёзные основания к тому, чтобы Кожуховский поход представить «шуткой», а походы к Азову—продолжением «игры». Давно известно, что в шутках и маскарадах Петра была своя система. В действительности «потешные походы» явились первой попыткой практического применения и проверки (пока ещё в условной обстановке маневров) новых идей о значении в современном бою военной науки и искусства, новых форм военной организации, новых тактических приёмов и средств. «Потешные походы» явились первым шагом к перестройке армии на регулярной основе. Они внесли в её жизнь принцип систематического строевого и полевого обучения войск. Они явились, наконец, непосредственной подготовкой к азовским походам.

«Потешные походы» характерны прежде всего постоянным и далеко не случайным противопоставлением «нашей» армии, солдатских полков, армии «неприятельской» — стрелецким полкам. В маневрах участвовали десятки тысяч воинов и все роды и виды войск. Известно, что обстановка маневров была близка к «настоящим» сражениям, а ожесточение с обеих сторон достигало крайнего предела. В этих условиях не случайны, повидимому, были постоянные «победы» «нашего» войска над «неприятелем». Современные описания походов и показания очевидцев (например Б. Куракина) свидетельствуют о том, что «наши» полки строились перед сражением в боевой порядок, общепринятый в то время на Западе: пехота в центре, кавалерия на флангах. Они сохраняли известную дисциплину боя, поддерживали главные силы резервом и пр., т. е. проявили некоторые навыки «регулярного» боя, в то время как стрельцы действовали нестройно и беспорядочно, «с великим шумом и криком». «Известное описание» Кожуховского похода резко критикует нестройные действия «неприятеля» и прямо указывает на его тактические ошибки [1].

Наоборот, в действиях «нашей» армии сказались не только результаты усвоения опыта лучших полков «иноземного строя» XVII в., но также поиски новых военно-организационных и тактических средств. Первые военные советы генералитета «нашей» армии, участие в маневрах бомбардирской роты, роты «матрозов», использование речного транспорта и «нововымышленных стругов» с бойницами для преображенцев, вооружение хотя бы одной роты в полку Лефорта «багинетами», попытки применения современной, пусть ещё весьма несовершенной, фортификации и методов осады «по инженерской науке»,— всё это ясно доказывает, что Пётр даже в то время не шёл по пути механической перестройки своих полков по образцу полков «иноземного строя» Алексея Михайловича.

Любопытно, что, вручив командование «нашей» армией «генералиссиму» Ф. Ромодановскому, а армией «неприятельской» И. И. Бутурлину, сам Пётр неизменно сражался на стороне «наших» войск, действуя в роли то сержанта Преображенского полка, то рядового бомбардира, то ротмистра рейтарского полка, то командира роты «матрозов», то, наконец, брал на себя обязанности «минёра» и «подкопщика». В действительности не только идея первых в истории современных армий крупных полевых маневров, но также и руководство ходом учений принадлежали Петру.

---

[1] «Известное описание» Кожуховского похода. «Военный сборник» за 1860 год. Т. XI, стр. 72, 83.

«Потешные походы» «были великой магнификации», писал участник походов Б. Куракин,— «нечто являлося от того великого»; что же касается Кожуховских маневров, то, заявляет петровский дипломат, «могу сказать, что едва которой монарх в Европе может учинить лутче того» [1].

Открывая в 1695 г. военные действия, Пётр возложил на свои молодые полки главную задачу кампании — овладение Азовом. Однако лишь боевой опыт азовских походов послужил толчком к дальнейшей реорганизации армии. Сам Пётр впервые проявил здесь качества выдающегося полководца и военного организатора.

Уже в первом походе к Азову можно отметить ряд новых элементов и в организации армии и в её тактических приёмах.

Поход 1695 г. осуществлялся по заранее обдуманному стратегическому плану: главный удар — на Азов, вспомогательный, для отвлечения крымцев,— в низовья Днепра. Этот план, как и все самые детальные вопросы организации походов, Пётр обсуждал не по старому обычаю — с дьяками Разряда и с Боярской думой,— а в «консилии господ генералов». «Господин большой бомбардир,— писали Петру 16 февраля 1695 г. Гордон, Лефорт и А. Гольвинг,— письмо твоё дошло до нас в первом часу ночи. И мы высмотря, приговорили те пушки 8 взять... а те другие, полковые пушки, кажетца нам, что оне чижалы, а сверх как ты изволишь» [2].

В состав главной армии в качестве её ядра вошли первые регулярные полки, бомбардирская рота, группа военных инженеров (Хр. Ролль, А. Вейде, Ф. Тиммерман).

Пётр решительно отказался от укоренившегося в XVII в. неуклюжего способа вождения войск («полкохождение»). Он уже в первом походе создал мощную речную флотилию, которая перебросила водным путём две трети армии и большую часть припасов; Пётр по-новому решил одну из самых сложных проблем войны — транспортную,— умело использовал выгодное направление речных систем страны с севера на юг. Создание речного транспорта во много раз усилило мобильность войск.

Провал первого похода под Азов явился крупной неудачей русской армии. Однако неудача под Азовом не повергла Петра в отчаяние.

Пётр правильно определил причины неудачи и наметил новые средства овладения Азовом.

Находясь ещё под стенами Азова осенью 1695 г., Пётр отдаёт первые распоряжения о подготовке к новому походу, о вызове опытных инженеров из Цесарской земли, «шхиптиммерманов» (корабельных мастеров) из Архангельска для строительства галерного флота. Возвратясь в Москву, по его собственным словам, «от невзятия Азова», Пётр Великий, «с консилии господ генералов» берёт на себя самую трудную задачу подготовки к новому походу — строительство военно-морского флота. «Указано мне делать к будущей войне галеи» [3],— писал он 30 ноября 1695 г. Ф. М. Апраксину.

Во втором походе (1696) Пётр усилил осадный корпус, устранил «пагубное многоначалие», назначив главнокомандующим армии А. С. Шеина, и применением военно-инженерных методов осады крепости с суши с одновременной блокадой её с моря добился блестящего успеха: «Азовцы, видя конечную тесноту, сдались» [4].

Но Пётр не успокоился на достигнутом: ему хорошо была известна цена этой победы. Война открыла перед ним органические недостатки

[1] Архив кн. Куракина. Т. I, стр. 66.
[2] Письма и бумаги Петра Великого. Т. I, стр 506.
[3] Письма и бумаги Петра Великого. Т. I, стр. 53—54, 543—544; Памятники дипломатических сношений. Т. VIII, стр. 988.
[4] Письма и бумаги Петра Великого. Т. I, № 112, письмо от 20 июля 1696 г. Ф. Ромодановскому.

старой военной организации, обнаружила вопиющую недисциплинированность стрельцов и поместной конницы (в поход не явилось 22% дворян «московского чина»!), недостаток военных знаний, отсутствие своих военных специалистов. В ходе азовских походов и после них у Петра созрел первоначальный план преобразования вооружённых сил государства, к осуществлению которого он приступил в 1696—1697 гг. с присущими ему энергией и целеустремлённостью [1].

★

Большая часть стрелецких полков после взятия Азова была оставлена на юге в качестве гарнизонных войск. Тем самым было положено начало «скасования» стрелецкой пехоты. Последний стрелецкий бунт, в 1698 г., был вызван стремлением стрельцов восстановить своё привилегированное положение московской «гвардии».

Подготовляя создание пехоты регулярного типа, Пётр в 1697—1698 гг. значительно расширил кадровый состав «выборных солдатских полков». Оставленные им перед отъездом заграницу А. М. Головину «Статьи, кои надлежат генералу к управлению полком», требовали «чинить» «смотры и учения начальных людей и солдат», пополнять непрестанно «полковые припасы», «вновь в полки выбирать» урядников и рядовых солдат [2]. К моменту возвращения Петра офицерский состав Преображенского и Семёновского полков в два—три раза превышал штатные «нормы», и многие офицеры числились «за ротами» (в запасе).

Вторая группа подготовительных мероприятий связана с посылкой «волонтёров» и личной поездкой Петра заграницу. Решительно порывая с вековыми традициями быта московских царей, Пётр вместе с тем дал новую установку в отношении к западной культуре, отнеся себя первого к «чину учимых». Как ни глубоко проникали западные влияния в Россию XVII в., всё же до Петра усвоение иноземной культуры имело пассивный характер. Посланные в 1697 г. заграницу «волонтёры» (стольники, офицеры, солдаты) должны были, по инструкции, составленной лично Петром, изучать морское дело и «военную науку». В январе 1697 г. был послан заграницу «для присматривания новых воинских дел и поведений» майор «Преображенского солдатского выборного полку» А. А. Вейде. Сам Пётр и сопровождавшие его заграницу «волонтёры» А. Меншиков, В. Корчмин, Я. Брюс, А. Кикин, Д. Овцын, С. Буженинов, Александр Арчилович и др. внимательно и с успехом изучали организацию и тактику западных армий и отдельных родов войск, артиллерийскую и оружейную технику и теорию, военно-инженерное дело и т. д.

Пётр изучал и сравнивал военную культуру всех западноевропейских государств, усваивая то, что казалось ему полезным, и отбрасывая всё «непотребное» (принцип наёмных войск, бесполезная муштровка солдат, отчуждённость офицерского и рядового состава, принципы «классической» линейной тактики и т. д.). Стремясь с самого начала реформы обеспечить свою армию кадрами русских специалистов, Пётр вместе с тем нанимал заграницей сотни строевых офицеров, оружейных и пушечных мастеров, военных инженеров, бомбардиров, минёров, подкопщиков и т. д. По свидетельству А. Желябужского, в Москву в течение лета 1698 г. прибыло до 700 иноземных офицеров и военных специалистов [3].

Готовилась и техническая база предстоящей реформы: «Великое посольство» приобрело заграницей десятки тысяч ударно-кремнёвых ружей с багинетами, большое количество пушек, мортир и гаубиц.

По поручению Петра, заграницей заготовлялись чертежи орудий «по

---

[1] Нельзя согласиться с утверждением проф. Коробкова о том, что Пётр только из заграничной поездки 1697—1698 гг. «вернулся с планом решительной перестройки русских вооружённых сил» и, таким образом, толчком реформы послужили заграничные впечатления Петра. «Военная мысль» № 2—3 за 1944 г., стр. 72.

[2] ЦГАДА. Кабинет Петра Великого, отд. II, д. 53, л. 595 (далее — Кабинет)

[3] Записки А. Желябужского, стр. 123. 1845.

калибрам», рецепты артиллерийских смесей и изучалась военно-административная и тактическая организация западных армий в целом и отдельных родов войск[1] и т. д. Подготовка коснулась, таким образом, всех сторон военного дела.

Реформу армии Пётр начал с преобразования главного рода войск— пехоты. Новые публикации и архивные материалы показывают, насколько продуманно и основательно подошёл Пётр к решению этой задачи. В 1698—1699 гг. Пётр, А. Вейде и А. Головин разработали на основе русских обычных правил и так называемого «устава Вейде»[2] первое строевое положение регулярной пехоты. Таким образом, в армии были введены единые, уставные строевые правила. Это был важный шаг на пути образования регулярной пехоты[3].

Отбросив сложные приёмы и перестроения западной пехоты, описанные в «уставе Вейде», Пётр принял для русской пехоты только те строевые правила, которые были необходимы для подготовки солдата и гренадера к бою: простое сдваивание рядов и шеренг, приёмы с ружьём и «с багинетом», приёмы с гранатой. Все приёмы, перестроения и команды русского строевого устава просты и ясны. Они предусматривают две ступени обучения солдата — рекрута и старослужащего. Так например заряжание производилось в 12 приёмов, но для обученных предусмотрен «скорый заряд» — всего в три приёма: «Заряжай», «Прикладывайся», «Стреляй».

Строевое положение 1699 г. раз и навсегда опровергает легенду о том, что русская пехота при Петре до 1721 г. была вооружена пиками Оно не только предусматривало действие штыком, но и вносило коренное изменение в существовавшие на Западе правила пассивного, только для обороны от кавалерии, использования штыка, требуя активного применения штыка в рукопашном бою. Это, на первый взгляд, маловажное обстоятельство в действительности отражало доверие Петра к солдату, к его боевой энергии и инициативе.

Пётр принял новейшие методы боевой стрельбы пехоты, только что вводившиеся в лучших армиях Европы, при линейном построении в шесть шеренг. Устарелый способ стрельбы «стрешным ходом», при глубоком построении пехоты в 12 и более шеренг, был отменён.

Набору регулярной пехоты в конце 1699 г. предшествовала широкая подготовка строевых пехотных офицеров из русских дворян. По крайней мере половина офицеров-иноземцев оказалась непригодной к службе. «Трудов на них много положено, а иные и ныне не умеют за мушкет приняться»[4],—жаловался Петру генерал А. Головин, руководивший обучением офицеров по новому строевому «артикулу». В связи с этим Головин «выкинул из них человек с полтораста, а в остатке в учении человек с полтораста же».

Весной 1699 г. «в ученье пехотному строю» записано до 300 русских дворян, которые, пройдя курс обучения «по артикулу», распределены по-

[1] Так например «волонтёр» В. Корчмин по поручению Петра составил в Берлине список всех чинов армии — от фельдмаршала до фендриха (прапорщика), сколько кто получает жалования и «какое обмундирование и довольствие солдатам». Я. Брюс прислал Петру из Англии «Описание чинам.. у английского короля у артиллерии на войне и во время миру, такожды о их жалованьи подённом». Письма и бумаги Петра В Т. I, стр. 716—717; Устрялов Н. История царствования Петра В. Т. III, прил. VII.

[2] Устав Вейде 1698 г. никогда не применялся для обучения армии и представляет собой обширный доклад Вейде Петру о воинских обычаях различных государств Европы с критическими замечаниями автора. Уставом документ назван издателями в 1841 году Материалы Вейде использованы при составлении первых уставных положений русской армии.

[3] Строевой устав петровской армии был окончательно отработан и дважды напечатан в Москве в 1700 году. Полный текст его, включающий личные поправки Петра I, сохранился в рукописной книге капитан-армуса Ф. Петрова. 1714 Отдел рукописей библиотеки имени Ленина. Румянцевское собрание, № 366, стр. 82—91.

[4] Письма и бумаги. Т. I, стр. 806, 814.

ровну между начальниками трёх пехотных дивизий («генеральств»): А Головиным, Н. Репниным и А. Вейде [1]. Одновременно для фундаментальной подготовки офицеров были созданы первые группы «сержантов в малых летах», «малолетних драгунов» при двух первых драгунских полках, а для подготовки артиллеристов — бомбардирская школа Преображенского полка. Пётр лично присутствовал на учениях офицеров и обучал бомбардиров теории и практике. Младший офицерский состав: урядники — сержанты, ефрейторы, подпрапорщики, капралы, каптенармусы и т. д. — выделялись из рядовых солдат [2].

Сформированные в 1699—1700 гг. полки регулярной пехоты состояли из 12 рот каждый, они были снаряжены и вооружены полностью за счёт государства фузеями с багинетами, лядунками, сумами, перевязьми и багинетными «пясмами» [3].

Вопреки утверждению военных историков, рекрутская система ещё не была установлена в 1699 году. В «прямое регулярное войско» 1699 г. Пётр набрал 10 727 даточных людей и 11 787 человек вольницы «всякого чина». При этом владельцам разрешалось взамен даточных вносить денежный налог по 11 руб. за человека. Это дало Петру 50 055 рублей. Конница вербовалась на старых основаниях, и дворянам в этот переходный период, как это практиковалось и на Западе, разрешено заменять личную повинность денежным взносом. Однако централизованный набор пехоты в 1699—1700 гг. на постоянную службу в армию подготовлял переход к рекрутской системе, осуществлённый в 1705 году.

Пётр понимал, что для создания новой армии недостаточно ещё обучить и вооружить солдат· надо было и воспитать их в духе «регулярной» дисциплины. С этой целью он и ввёл в 1700 г. уставные положения, чётко определявшие права и обязанности солдат и офицеров: это «Ротные пехотные чины» и «Статьи воинские, как надлежит солдату в житии себя держать и в строю и во учении как обходиться» [4].

«Ротные чины» требуют от офицеров обучать солдат «шереножному строю» и стрельбе, «о солдатах иметь немалое попечение», изучать военное дело и быть образцом для подчинённых — «рассудок меж солдат иметь доброй», быть «доброго жития и смелого сердца». В бою офицер должен скорее «себя при знамени дать в части разрубить, нежели знамя оставить, потому что вся рота по нём поступает». «Ротные чины» воспитывают чувство ответственности «начальных людей» за своё подразделение. Устанавливая новый принцип служебного соподчинения по старшинству чина, «Ротные чины» наносили удар по вековым традициям военно-феодальной иерархии. Высший чин «урядника» — чин сержанта — можно было получить, лишь пройдя все ступеньки солдатской службы; сержанту «подобает знать солдатское обхождение и капральское, чтоб он в тех чинах искусен был и сам бы в тех служил». Позднее Пётр запретил производить в офицеры тех дворян, которые «с фундамента солдатского дела не знают» и «не служили солдатами в гвардии» [5].

«Статьи воинские» в семи пунктах ясно и просто определяют обязанности солдат в строю, в карауле и вне службы. «Статьи» требуют от солдата не механически, а сознательно усвоить ружейные приёмы и перестроения, учиться и служить «с прилежанием». Приписка к документу, возможно, продиктованная Петром, гласит: «А сии статьи каждому сол-

---

[1] Записки А. Желябужского, стр. 144.

[2] Описание Архива министерства юстиции. Т. V. Дела Преображенского генерального двора.

[3] Указание военных историков Масловского Гудим-Левковича и др. на то, что полки 1699 г. были сформированы в 10-ротном составе, не отвечает действительности.

[4] Кабинет, отд. I, д № 37, лл. 573, 574.

[5] Доклады и приговоры Сената. Т. IV, № 200.

дату должно на память иметь. И на каждую неделю по дважды читать им». «Наказания за вины», предусмотренные «Статьями», включают не только физические, но и моральные кары — перевод из солдатского оклада в «племяничий», исключение из полка.

Введение первых уставных положений способствовало укреплению регулярного порядка в армии, при котором «каждый чин», по словам Петра, «должен знать свою должность».

Дальнейший ход реформ связан с непосредственной боевой практикой русской армии в Северной войне.

★

Война явилась не только величайшим испытанием всех сил русского государства, но и боевой школой его молодой регулярной армии.

В Северной войне русская армия столкнулась с армией регулярной, искусной и испытанной в боях, имевшей за собой прочные традиции «регулярности» и славу «непобедимой», возглавляемой талантливым полководцем и опытным генералитетом. В то же время русская армия переживала время реорганизации и ещё не сложилась как армия регулярная.

Сам Пётр считал основной причиной нарвского поражения 19 ноября 1700 г. «неискусство» своих полков, которые до Нарвы «полевых боёв, а наипаче с регулярными войски, никогда не видали»[1]. «Когда сие несчастие (или лучше сказать великое счастье) получили, тогда неволя леность отогнала и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила»,— писал Пётр в своём «Журнале».

Поставив задачу овладения искусством «регулярного» боя, Пётр в ближайшие годы после Нарвы решил ряд крупных военно-организационных задач, изо дня в день совершенствуя организационную структуру, техническое оснащение и тактику армии. Пётр максимально использовал при этом благоприятную международную и военную обстановку[2].

Вскоре после Нарвы была ликвидирована поместно-дворянская конница, ещё раз обнаружившая свою небоеспособность в Нарвском сражении, а вместо неё создана регулярная кавалерия драгунского типа. В течение зимы 1700—1701 г. «Золотая палата», возглавляемая Б. А. Голицыным, произвела в 88 городах государства перепись копейщиков, рейтар и недорослей, призвала 11 147 человек на службу и к весне 1701 г. сформировала 9 драгунских полков по 10 рот в каждом. Драгуны были снабжены лошадьми и снаряжением за счёт государства и вооружены фузеями с багинетами, парами пистолей в ольстрах и саблями[3].

С 1702 г. драгунские полки пополнялись даточными людьми, а с 1705 г.—и рекрутами. Это привело к коренному изменению социального состава рядовой массы кавалерии. Командный состав драгунских полков был почти исключительно русским: в 1702 г. среди 10 драгунских полковников было только 2 иноземца, из 10 майоров — один иноземец, все ротные офицеры (329 чел.) и урядники (901 чел.) были русские[4].

Драгунская кавалерия лишь постепенно овладевала искусством линейного боя: ещё в 1704 г. «несчастный случай» у Мур-мызы, по словам Петра, «учинился от недоброго обучения драгун». Пётр запрещал до победы у Калиша в 1706 г. конную атаку с холодным оружием, применяя в первое время ружейную стрельбу в конном строю, и приучал своих дра-

---

[1] Журнал Петра Великого. Т. I, стр 25—26.

[2] Летом 1702 г. Пётр писал Б. П Шереметеву. «Воина у голанцев и прочих с французом зачалась. Изволь, ваша милость, рассудить нонешний случай как увяз швед в Польше, что ему не только сего лета, но чаю ни будущего возвратиться не можно». Письма и бумаги. Т. II, № 442.

[3] Письма и бумаги. Т. II, № 408, Кабинет, отд. II, д. № 2, л 226. Ольстра — футляр для пистолета (кобура).

[4] Кабинет, отд. I, д. № 2, л. 962.

гун к действиям «фрунт на фрунт», требуя «отнюдь не скакать за неприятелем, хотя оной бежать будет, но шагом, или по нужде малой грудью»[1].

При первой же боевой проверке драгуны обнаружили более высокие качества, чем старопоместная, «нестройная» конница. Систематическое наращивание боевого опыта в борьбе с регулярной конницей противника привело к резкому изменению тактики русских драгун после 1706 года. Драгуны сочетали пистольно-ружейный огонь с решительной атакой холодным оружием. В 1701—1702 гг. при драгунских полках была создана впервые в истории военного искусства лёгкая конная артиллерия, а в 1704 г.— по одной гренадерской роте.

Таким образом, по способам комплектования и содержания, по характеру вооружения и тактики русская кавалерия стала при Петре регулярной кавалерией.

Под Нарвой все русские пушки достались шведам. Большая часть этих орудий была отлита в середине XVII в., а некоторые — даже при Иване IV. Военная обстановка требовала немедленного восстановления артиллерии. «Как возможно, для бога, поспешайте артиллериею»[2], — писал Пётр А. Виниусу 8 апреля 1701 года. Благодаря подготовительным мероприятиям 1697—1700 гг. задача снабжения армии артиллерийскими орудиями и боеприпасами была решена сравнительно быстро, причём это было не простое возобновление, а полная реконструкция артиллерии на новых технических и организационных основаниях.

Пётр придавал большое значение артиллерии. Известно, что ещё в 1697 г. он прошёл в Кенигсберге теоретический и практический курс артиллерии и получил официальный диплом «огнестрельного мастера и художника».

Артиллерийские инженеры, работавшие на Пушечном дворе, обращались к Петру за специально техническими указаниями. Так, Я. Гошке в одном из писем Петру сообщал, что он сделал две модели: одну к такой мортире, какую Пётр перед тем «лить милостивейше изволил», «другая же моделя по моему образцу сделана». «Высокопремудро рассудить можете, которой из сих обоих обрасцов потребнейше есть»[3],—заканчивает письмо Гошке. Устраивая новую артиллерию, Пётр использовал технический опыт русского артиллерийского производства. Характерна заметка в его записной книжке 1701 г.: «Сыскать руской вес из свинцовых ядер»[4]. Новые пушки, мортиры и гаубицы были изготовлены главным образом русскими пушечными мастерами (Яков Дубина, Карп Осипович, Иван Маторин, Семён Леонтьев, Логин Жихарев и др.)[5].

Во главе артиллерийского производства Пётр поставил технически образованных лиц, знатоков артиллерии — А. Виниуса и Я. Брюса. Были привлечены и иноземные инженеры. В мае 1701 г. Пётр отдал распоряжение Виниусу: «Инженерам вели быть при артиллерии»[6]. В том же году в Москве была основана первая в России артиллерийская школа, в которой было 180 учащихся, а затем и артиллерийская лаборатория в селе Преображенском, где работали Я. Гошке, В. Корчмин и др.[7].

В результате этих мероприятий были установлены технические данные

---

[1] Письма и бумаги. Т. III, № 870. Инструкция Петра войскам. 1704.
[2] Письма и бумаги. Т. I, № 369.
[3] Кабинет, отд. I, д. № 1, л. 662.
[4] Письма и бумаги. Т. II, № 613.
[5] Бранденбург Н. Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. Ч. 2-я Вып. I, стр. 12.
[6] Письма и бумаги. Т I, № 374: об участии иноземных инженеров в производстве артиллерийских орудий в 1700—1701 гг. сообщает И Посошков. См. «Записка о ратном поведении».
[7] Бранденбург Н. Материалы по истории артиллерийского управления в России, стр. 241—242

и начато производство трёх типов орудий — пушек, мортир и гаубиц, с определёнными калибрами для всех типов орудий. К концу 1701 г. отлито 243 пушки, 12 мортир, 13 гаубиц, а всего 268 орудий [1].

В 1702 г. уже отливали лёгкие полевые гаубицы для драгунских полков. На представление Б. П. Шереметева 6 февраля 1702 г.: «Во все полки драгунские надобно по гоубице», — Пётр наложил выразительную резолюцию: «Делают» [2]. В следующем году на вооружении 9 драгунских полков числились 24 гаубицы и некоторое количество вьючных «малых мортирцев». В это же время русская артиллерия начинает применять картечь. С 1702 г. полковая и полевая артиллерия снабжается «скорострельными» зарядными ящиками. Всё это во много раз повысило огневую мощь и подвижность русской артиллерии и поставило её к концу реформы выше артиллерии любой европейской державы.

Усвоив достижения передовой западной артиллерийской техники, Пётр не строил, однако, свою артиллерию по готовым «западноевропейским образцам», а творчески решал задачу технической реконструкции, реорганизации и повышения тактического искусства артиллерии. В записных книжках Петра за 1701—1702 гг. то и дело встречаются лаконические записи, отражающие зарождение новых идей в области тактического применения артиллерии: «О учении пушкарей в цель и о скорой стрельбе», «Кошке (Гошке.— *П. Е.*) о вожении пушек для скорой стрельбы», «О отведывании гоубицы новым маниром», «О вожении наперёд полковых пушек» и т. п. [3]. Стрелять прицельно, быстро, применять пушки маневренно, во взаимодействии с пехотой и конницей и для этого ускорить их подвижность,— всё это собственные идеи Петра-артиллериста, осуществлённые им в ходе реформы.

Дальнейшие успехи русской артиллерии связаны с быстрым ростом железоделательной промышленности. Военная историография обошла молчанием этот вопрос. Между тем промышленное освоение уральских, липецких и олонецких месторождений высокачественного железа, пригодного для производства оружия, произвело целый переворот в артиллерийском и оружейном производстве России и предопределило успех петровской военной реформы. При Петре исчезли зависимость артиллерийского производства от наличия запасов меди и зависимость от импорта оружия из стран Западной Европы.

Осенью 1702 г. была отлита первая пушка из уральского железа. «Чаю, не плоше, если не лучше медной будет» [4],— писал Петру Виниус. Началось массовое производство «сибирских» железных пушек, мортир и гаубиц, которые уже в 1703 г. получили всеобщее признание. «Англичане зело сибирские пушки возлюбили,— писал Виниус Петру,— и железо хвалят: лутче де гишпанского, и просят одной пушечки для образца» [5]. На олонецких заводах в 1703 г. было изготовлено 100 пушек с тысячью ядер к каждой. В эти годы напряжённой борьбы в Ингерманландии Пётр записывал в своей книжке: «О образцах в Сибирь пушкам, также и на Пушечный двор», «Бутенанту о пушках, ядрах, бомбах и проч.», «Сделать образец картечи 24—12 фунтовым» и т. п. [6].

В первые же годы Северной войны определилось чёткое разделение артиллерии на лёгкую полковую, полевую, осадную и гарнизонную. В 1701 г. был создан первый артиллерийский полк с ротами пушкарской, бомбардирской, «пеонирской» (инженерно-сапёрной), с группами пушечных, лафетных и других мастеров. Наконец, в 1705 г. прислуга артил-

[1] Кабинет, отд. I, д. № 37, л. 382. Ведомость Я. Брюса.
[2] Письма и бумаги. Т. II, № 409.
[3] Там же, №№ 612, 701.
[4] Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. 2-я, прил. II. стр. 155.
[5] Письма и бумаги. Т. II, № 469.
[6] Там же, №№ 612, 614.

лерийского обоза из обывателей, по указу Петра, была заменена солдатами из рекрут. Аналогичное мероприятие на Западе было осуществлено лишь в середине XVIII века.

Новая артиллерия обнаружила свои прекрасные качества в первых же полевых сражениях со шведами. При осаде Нотебурга артиллерия, по словам Петра, «зело чудесно своё дело исправила». В 1705 г. Ч. Витворт сообщал английскому правительству, что артиллерия в России «в настоящее время замечательно хорошо устроена..., под Нарзой русские обращались с пушками и мортирами с таким умением, какого он (фельдмаршал Огильви.— *П. Е.*) не встречал ни у одного народа» [1].

★

В первый период реформы (1700—1705 гг.) было положено начало оформлению «генерального штаба» русской армии. После победы при Эристфере Б. П. Шереметев произведён в фельдмаршалы. В 1702 г. в армию назначены генерал-квартирмейстер князь А. Шаховской, генерал-аудитор С. М. Хрущов, генерал-гевальдигер К. С. Титов, генеральный писарь и три генерал-адъютанта. В армии вводится новая система поощрений — награждение орденами и медалями, повышение в чине за боевые заслуги. В 1704 г. пехотные полки были переформированы в 9-ротный состав (8 рот фузилерных и одна гренадерская). Сокращение количества рот и соединение их в батальоны повышали маневренность, а создание гренадерских рот усиливало огневую силу пехоты.

В эти же годы Пётр систематически прививал армии начатки правильной, «регулярной» тактики: боевое линейное построение пехоты и кавалерии, выделение резерва и т. д. Особенно укреплялась дисциплина боя и развивалось тактическое взаимодействие родов войск. Исходя из мысли о необходимости «искать неприятеля скорыми способами, налехке», Пётр уже в эти годы осуществлял идею «корволанта» [2]. Он организовал в 1702—1704 гг. рейды отрядов, позднее—бригад драгунской кавалерии, усиленной конной пехотой и лёгкой артиллерией. В осадных операциях 1701—1705 гг. под Нотебургом, Ниеншанцем, Дерптом, Нарвой русская армия овладевала военно-инженерным искусством, сочетая инженерные методы осады с мощной артиллерийской подготовкой и решительным штурмом осаждённой крепости.

Так, шаг за шагом совершенствовались организация, вооружение и тактика регулярной армии. Все эти реальные достижения послужили основой для завершения реформы армии.

★

В 1705—1706 гг. война вступила в новую фазу развития. Если до этого главные усилия русской армии сосредоточивались на осадных операциях, а действия полевых войск ограничивались задачами прикрытия или обеспечения этих операций, то отныне главную задачу войны должно было решить тактическое искусство полевой армии. Изменились, таким образом, тактические условия войны. Этот перелом окончательно определился в связи с коренным изменением стратегической обстановки: с заключением Альтранштадского мира между Карлом XII и Августом II «сия война над однеми нами осталась» [3].

Новая обстановка не застала русскую армию врасплох. Победа А. Меншикова под Калишем показала Карлу XII силу русской армии.

[1] Сборник Русского исторического общества. Т. XXXIX, стр. 57.

[2] По уставу 1716 г., «корволант» — сиречь лёгкий корпус создавался в составе драгунских полков, конной пехоты и лёгкой артиллерии. Классический образец организации и действий корволанта в армии Петра—операция по разгрому шведов под Лесной в сентябре 1708 года.

[3] Письма и бумаги. Т. V, № 1490. Письмо Петра I Ф. Апраксину.

«Радошно было смотреть, как с обоих сторон регулярно бились»[1],— писал об этом сражении Петру А. Меншиков.

За пять лет, истекших с начала войны, регулярная организация армии укрепилась; были достигнуты первые успехи в перевооружении армии современной артиллерией и огнестрельным оружием. Все три рода войск получили некоторый опыт боевого взаимодействия. В военных действиях 1700—1705 гг. армия приобрела боевую закалку и овладела тактикой линейного боя — «фрунт на фрунт»; выросли мобильность армии и её оснащение техническими и транспортными средствами (понтонный парк, речной флот, инженерно-сапёрные средства); укрепились дисциплина и моральное состояние армии. В целом армия обнаружила способность к быстрому развитию и усвоению нового военного искусства.

Опасность вторжения Карла XII в Россию поставила на очередь дня задачу увеличения армии и ускорила решение вопроса о методах комплектования войск.

Чрезвычайные методы пополнения армии, применявшиеся в 1700—1704 гг. (призывы пеших и конных даточных, вольницы, поголовных), отражались на состоянии армии и вызывали дополнительную нагрузку военного аппарата. В 1704 г. правительство пыталось провести генеральную перепись дворов и крестьян, но в условиях военного времени это крупное мероприятие осуществить не удалось. В 1705 г. новая военная обстановка потребовала немедленного перехода к системе периодических обязательных наборов в армию для подготовки обученных резервов. По указу 20 февраля 1705 г., был произведён первый набор рекрутов со всех городов и уездов по одному человеку с 20 дворов.

Переход к рекрутским наборам дал резкое повышение количества призываемых. В среднем по окладу на каждый набор приходилось 30—35 тыс. человек, а всего за 1705—1709 гг. наборы дали 167 895 человек и полностью удовлетворили потребность армии в рядовом составе[2].

Набор рекрутов представлял собой качественно новое явление сравнительно с призывами даточных людей в XVII веке. В отличие от последних рекрутская система явилась методом периодического пополнения регулярной армии для постоянной (пожизненной) службы. Рекрутов обучали на станциях «солдатскому строю по артикулу», выдвигая из их состава ефрейторов и капралов Таким образом, уже в ходе набора, до поступления в армию, рекруты получали первоначальную военную организацию (капральство) и элементарную. строевую подготовку.

Переход к рекрутской системе имел огромное значение для укрепления русской армии и явился одним из важнейших факторов, определивших её успехи в XVIII веке. Ни одно государство Европы до наполеоновских войн не сумело столь радикально и успешно решить задачу пополнения армии по принципу национальной воинской повинности, как это удалось сделать Петру.

Более сложной оказалась задача обеспечения армии офицерским составом. После Нарвы Пётр манифестом 1702 г. о призыве иностранцев широко открыл двери в русскую армию для иноземных офицеров. Расходы по этой статье в 1703—1704 гг. составили около 60 тыс. рублей. Однако этот призыв был вызван обстоятельствами военного времени и оказался, в сущности, последним в истории русской армии. Подготовка офицеров в военных школах и в полках гвардии, рост числа кадровых офицеров в действующей армии позволили уже в 1705—1706 гг. фактически отказаться от системы найма иностранных офицеров.

В феврале 1705 г. Пётр издал указ, резко повышающий требования к иноземцам и ограничивающий наём иноземных офицеров. Когда генерал Гюнтер предложил России свои услуги, Пётр потребовал, чтобы он в

[1] Письма и бумаги. Т V, № 1196—1199.
[2] Кабинет, отд. I, д. № 37, лл 441—443. Выписка канцелярии рекрутского счёта.

случае поступления на службу в русскую армию безусловно подчинялся русскому главнокомандующему и не поступал так, как в своё время Огильви, который «ничьих советов принимать не хотел, но желал как учитель студентами, так он со всеми поступать»[1]. Пётр отменил особую юрисдикцию для иноземных офицеров и наказывал провинившихся по общему для всей армии Артикулу. За годы войны выросли русские генералы и военачальники: фельдмаршал Б. П. Шереметев, командующий конной драгунской армией А Меньшиков, начальники дивизий и бригад Н. Репнин, М. Голицын, С. Кропотов, А. Головин, П. Апраксин, Игнатьев и др. В 1706 г., кроме Аларта, в русской армии не оставалось ни одного наёмного генерала. Петру и русскому генералитету принадлежали стратегические и тактические планы ведения войны в связи с вторжением Карла XII и блестящее осуществление этих планов, приведшее к разгрому шведов. Как свидетельствуют табели дивизий, в 1708 г. армия была полностью укомплектована офицерским составом, несмотря на то что к этому времени её численность значительно возросла.

Указами Петра 1707 и 1714 гг. был установлен определённый порядок производства офицеров — «чин за чином» — по свидетельствам старших начальников. Основанием для повышения в чине могли быть долговременная исправная служба, военное образование и боевые заслуги. Дворяне для получения офицерского чина должны были служить в солдатах гвардии. «Сей указ,— пояснял Пётр Сенату,— не на тех служит, которые солдаты ис простых людей и долго служа свою ваканцию получили прямою службою, которым быть по их достоинству ныне учинённым и впредь учиняемым»[2].

Обычай «в некоторых многих государствах» повышать офицеров в чине не по способностям, а по старшинству службы Пётр считал «недобрым порядком», «вредным государственному интересу, а случаетца и самим тем, которые повышены бывают», «ибо всяк может лехко рассудить, что бог не равное дарование людям дал»[3]. По Воинскому уставу 1716 г., офицеры, получившие военное образование, «от других, которые в таковых науках неискусны, отменяются и скорее чин получат». В одном из собственноручных указов Пётр требовал от офицеров изучать военно-инженерную науку; к этому указу была приложена составленная им программа «нужнейшей части инженерства», включающая и устройство полевых «транжементов»[4]. Пётр в ряде личных указов требовал от старших начальников проверять знания и опытность офицеров «на поле», «якобы самому делу», не останавливаясь перед тем, чтобы «верхнего сводить на низ, а нижнего на верх», ибо неискусный офицер «во время может своею головой заплатить»[5]. Указы Петра определяли места офицеров в бою и требовали от них проявления инициативы и сообразительности: «Чтобы офицеры каждый своей ротой командовали, а не на маеора во всём смотрели»[6].

Наконец, Пётр требовал от офицеров иметь «недреманное попечение» о солдатах, «не изгонить их лишними церемониями, караулами и протчим, а особливо во время кампаней», повседневно заботиться «о целости солдат», «ибо всё воинское дело в том состоит»[7].

---

[1] Письма и бумаги. Т. V, № 1562.

[2] Собственноручные указы Петра 1707 г. Письма и бумаги. Т. VI, № 2062; 1714 г. Кабинет, отд. I, д. № 37, л. 375; Доклады и приговоры Сената. Т. IV, № 200.

[3] Кабинет, отд. I, д № 37, лл. 379—380 Собственноручный указ Петра I.

[4] Там же, д. № 55, лл. 40—41. Указы эти, к сожалению, до сих пор не напечатаны.

[5] «Учреждение к бою», собственноручная инструкция Петра I от 16 марта 1708 года. Её полный текст не опубликован, воспроизведён в книге поручика И. Кожевникова. Отдел рукописей библиотеки имени Ленина. Румянцевское собрание, № 13.

[6] Кабинет, отд. I, д. № 37, л. 409.

[7] Там же, лл. 23—28; Доклады и приговоры сената. Т. I, №№ 88, 161, 415 и др.

Ни в одной армии Европы не подчёркивалось так настойчиво и решительно новое отношение к солдату как носителю боевой силы и традиций армии, как это сделано в указах Петра и его Воинском уставе. «Имя солдат просто содержит в себе всех людей, которые в войске суть»,— говорится в Воинском уставе. В сражении «кто знамя своё или штандарт до последнего часа своея жизни не оборонит, оный не достоин есть, что бы он имя солдат имел». Воинская честь солдата возбраняет ему «обижать обывателя», ибо «через сие чести получить не можно».

Петру принадлежит идея о том, что обучение рекрут должно отличаться от обучения старых солдат, ибо «оные того грандусу уже миновали». Замечательна мысль Петра о необходимости полевого обучения войск, о том, что солдат и офицеров «надлежит непрестанно тому обучать, как в бою поступать». Пётр дал и программу этого обучения, которая осуществлялась даже в трудных условиях 1707—1708 гг., когда он устраивал смотры и учения целых дивизий[1].

В 1706—1709 гг. было завершено перевооружение армии ударно-кремнёвым ружьём, причём, по инициативе Петра, багинет заменялся штыком. В эти годы отечественное производство ружей со штыками в Туле, Устюжне, Павлове, Олонце составляло 15—20 тыс. в год, в 1710—1711 гг. производство их увеличилось до 40 тыс. в год[2]. Крупной реформой в оружейном деле явился переход к производству калиброванного оружия по «аппробированным образцам». В «Выписке о ружье», составленной при Петре, говорится: «Ружьё прежде хотя и делано было на Москве и на тульских заводах, однако зело было плохо, на старую маниру, и своих добрых мастеров не имели; и для сей новой войны как ружьё, так и амуницию подряжали из Голландии через купцов, которое ружьё також было плохо, ибо калибр был неравен и многое разрывало. К тому же неприятель искал всеми мерами дабы пресечь в Россию вывоз ружья и протчей амуниции. Того для... зачато ружьё делать лучшим мастерством на Олонецких петровских заводах, а потом и на тульских»[3]. Таким образом шведская блокада только ускорила рост отечественного оружейного производства на новых технических основах.

К 1708 г. армия была полностью снабжена ружьями с багинетами и штыками. В 20 полках армии Шереметева осенью 1708 г. имелись 21 801 фузея с 17 359 багинетами и штыками, причём некоторые полки (Преображенский, Шлиссельбургский, Московский, Белгородский и др.) были полностью вооружены штыками[4]. Прежде чем принять на вооружение трёхгранный штык, Пётр испробовал по крайней мере три—четыре типа разных штыков, посылая новые образцы на заводы для массового изготовления.

В эти же годы была завершена реформа артиллерии: созданы новые образцы полковых и полевых орудий по чертежам Петра и В. Корчмина, значительно облегчён вес орудий (трёхфунтовые пушки до 9 пудов, шестифунтовые — с 46 до 36 пудов и т. д.), наконец, введена единая шкала калибров. В делах Кабинета сохранилось большое количество собственноручных чертежей, расчётов и других материалов Петра I, отражающих его непосредственное участие в разработке шкалы калибров и в реконструкции артиллерии перед Полтавской битвой[5].

---

[1] Эта программа сформулирована в «Учреждении к бою» и других указах Петра Великого.

[2] Кабинет, отд. I, д. № 37, лл. 23—28; Доклады и приговоры Сената. Т. I, №№ 88, 161, 415 и др.

[3] Кабинет, отд. I, д. № 37, л. 21.

[4] Там же, отд. II, д. № 8, лл. 1139—1165. Сводные «табели» армии за 1707—1708 гг. полностью опровергают ходячее утверждение о том, что Пётр лишь после Полтавы приступил к перевооружению армии штыком. Багинет — предшественник штыка. В отличие от последнего он вставлялся перед атакой в дуло ружья.

[5] Письма и бумаги. Т. V, №№ 1662, 1862 и др.

Картина военно-технических преобразовании при Петре I была бы неполна, если не указать на попытки осуществления многочисленных «инвенций», в том числе «винтованных» (нарезных) орудий, орудий, заряжаемых с казны, орудий с коническими снарядами, ряда систем скорострельных пушек (одну из них изобрёл сам Пётр), пушки с двумя мортирцами на лафете, зажигательных и светящихся ядер, ручных мортирок и фузейных картечек, нарезных штуцеров и т. д., и т. п.[1].

Русские военные инженеры и техники при Петре I добились самостоятельного и оригинального решения ряда крупных проблем военной техники. Развитие военной промышленности, рост военно-технической культуры в целом явились решающими факторами, определившими успешную реорганизацию армии.

На протяжении 1706—1709 гг., до Полтавского сражения, регулярная армия получила законченную административную и тактическую организацию, закреплённую в Воинском уставе 1716 г., и полностью овладела современным военным искусством. В 1706—1707 гг., с выделением гренадерских рот в отдельные гренадерские батальоны, в составе солдатских полков оставалось по 8 фузилерных рот. Драгунские полки получили разделение на эскадроны (5 эскадронов по 200 человек). Гренадерские роты драгунских полков сведены в 3 отдельных гренадерских конных полка. В 1708 г. из отдельных пехотных гренадерских батальонов создано 3 полка гренадер (по одному в каждой дивизии). По указанию Петра, гренадеры выбирались из «гораздо добрых» рекрутов. Новый для русской армии вид пехоты был организован, вооружён и обучен в течение двух—трёх лет. По своей огневой и ударной силе гренадеры представляли в боевых порядках мощную поддержку для пехоты и ставились Петром во время сражений на самые ответственные участки. Каждый гренадер был вооружён фузеей со штыком, ручными гранатами, а некоторые и ручными мортирками. Гренадерские полки имели также лёгкую полковую артиллерию (например гренадерский полк дивизии Репнина имел 12 «винтованных пищалей»).

Начиная с 1705—1706 гг. пехотные и драгунские полки сводятся в бригады, а бригады — в дивизии Пехота переходит от шестишереножного строя, принятого в начале реформы, к более гибкому и эффективному в смысле усиления ружейного огня четырёхшереножному строю. Этот переход был совершён по личному указу Петра, на который имеется прямая ссылка в черновой рукописи Устава воинского, хранящегося в делах Кабинета. Драгунские полки были сведены в отдельную конную армию, командование которой Пётр поручил А. Меншикову. Доказывая А. Меншикову целесообразность обособления конницы, Пётр писал, что «сие кажетца лучше: понеже, как говорят, пеший конному не товарищ, и есть разница меж конными и пешими, к тому же сам ты известен, что нам не для чего искать бою генерального, но паче удалятца от оного, а неприятеля искать скорыми способами налехке»[2]. Выделение конницы было обусловлено, таким образом, стратегическими и тактическими соображениями, учитывающими подвижность этого рода войск. В авангардных боях при отступлении армии в глубь страны, в победах под Добрым, Лесной и Полтавой конная армия и её соединения сыграли огромную роль.

Руководство армией осуществлялось по принципу единоначалия. В 1706 г. Пётр вручил главное командование фельдмаршалу Б. П Шереметеву. Огильви приказано быть «под командою первого фельдмаршала российского». Нежелание Огильви «принять пароль», т. е. подчиняться русскому фельдмаршалу, явилось одной из причин удаления его из армии после гродненской операции. Такие же требования Пётр предъявлял

[1] Кабинет, отд. I. д. № 55.
[2] Письма и бумаги. Т. III, № 789.

начальникам бригад. Так, в июле 1707 г. он писал Боуру: «Хотя вы и особливый корпус имеете, однакож во всём с совету г. генерала Репнина чините, и о чём он будет писать, не описываясь к нам, по оному исполняйте» [1].

Укрепляя единоначалие, требуя безусловного подчинения младших начальников старшим, Пётр считал необходимым для разработки планов войны и отдельных операций собирать воинские консилии. Решения консилий в Жолкиеве (конец 1706 г) и в Чашниках (весна 1708 г.) показали во всём блеске рост военного искусства русского генералитета. Консилии являлись постоянным совещательным органом при командующем и не связывали инициативы генералов и офицеров в решении боевой задачи. Пётр не раз указывал генералитету, что «дела воинские не в едином равном порядке обретаютца», а поэтому в боевой практике следует руководствоваться «случаем и временем», «дабы отечеству прибыль, а неприятелю убыток сыскать» [2]. Советуя генералам предпринять те или иные боевые действия, Пётр обычно заканчивал свои указы словами: «В протчем полагаю на ваш добрый труд и рассмотрение», «В протчем полагаюсь на ваше рассуждение...»

В обстановке укрепления армии резко повысились требования к её командному составу. За неудачные действия у Головчино начальник дивизии Н. Репнин был предан военному суду и приговорён к смертной казни, заменённой ввиду заслуг обвиняемого разжалованием в рядовые. Как видно из оправдательного письма Репнина Петру от 1 августа 1708 г Репнин обвинялся прежде всего в том, что у него в дивизии «не было диспозиции перед потребою в полках», что и явилось причиной «конфузии» и беспорядочного отступления дивизии [3]. Репнин оказался недостаточно предусмотрительным и понёс суровое наказание [4].

Дело Репнина имело огромное воспитательное значение и сыграло большую роль в укреплении дисциплины и в повышении чувства ответственности генералов и офицеров за проводимые военные операции.

Регулярный порядок постепенно пронизывал всю внутреннюю жизнь армии. В 1708 г. перед Лесной и Полтавой русская армия представляла собой стройный и дисциплинированный организм с правильно функционирующим генеральным штабом, законченной административной и тактической организацией, увязывающей воедино все роды и виды войск. Впервые в истории русской армии была введена система ежедневных приказов [5].

Приказами назначались смотры и учения частей, заседания военного суда (кригсрехт), объявлялось о производстве офицеров в следующий чин, о переводе из одной части в другую, определялся состав и назначались командиры отдельных соединений для выполнения операций, устанавливался общий распорядок жизни армии. В приказах давались также указания тактического характера, например: «У дела (т. е. в бою) у офицеров бы и у солдат синего платья не было», «У дела меж всякого батальона было бы место, чтоб можно свободно поставить две пушки» — и т. д. [6].

Через приказы до сведения армии доводились важнейшие тактические и другие указания и директивы Петра. Объявляемые по всей армии

---

[1] Письма и бумаги. Т. VI, № 1924.
[2] Там же, Т. V, №№ 2035, 2062.
[3] Кабинет, отд. II, д. № 8, л. 931.
[4] Показательны и другие пункты обвинения Н. Репнина. «Не учредил» стрельбы шеренгами и плутонгами, а стрелял «неисправно, по-казацки», не командировал «пикет» (сторожевое охранение), не сделал «транжемента», т. е. не укрепил позиции, занятые дивизией, наконец, «пост свой покинул». «Труды Русского военно-исторического общества». Т. I, № 174—177.
[5] Кабинет, отд. II, д. № 2, л. 783.
[6] Там же.

при ежедневном пароле приказы оказывали огромное воспитательное и дисциплинирующее влияние как на офицерский, так и на рядовой состав армии. Кроме приказов, исходивших сверху, были введены и ежедневные рапорты командиров частей высшим начальникам о состоянии роты, батальона, полка и т. д.[1]. Эти рапорты и сводные табели за 1708 г., день за днём отражая состояние всех звеньев армии, показывают, что в период вторжения Карла XII в Россию молодая русская регулярная армия, отступая в глубь страны, сохраняла порядок и дисциплину.

В ходе тяжёлой борьбы с сильным и искусным противником армия закалялась и непрестанно совершенствовала своё мастерство. Пётр говорил, что «победу (в войне. — *П. Е.*) решит военное искусство и храбрость полководцев и неустрашимость солдат. Грудь их — защита отечеству». Он требовал от военачальников воспитывать армию в духе «подвигов воинских», «чему есть мать безконфузство», подчёркивая, что «сие едино войско возвышает». Одной из характерных черт полководческой практики Петра являлось постоянное внимание к моральному состоянию войск. После неудачи Шереметева в сражении у Мур-мызы Пётр писал фельдмаршалу: «Не извольте печальны быть... понеже всегдашняя удача многих людей ввела в пагубу». Пётр просил Шереметева сохранять хладнокровие и «паче людей ободрять». В случае успеха Пётр награждал отличившихся, повышал офицеров и солдат в чине, но вместе с тем сурово наказывал трусов и дезертиров. Провинившиеся могли заслужить прощение, лишь отличившись в боях.

Устав воинский требовал от полководца «привлекать к себе все сердца всея армии как офицеров, так и рядовых», «добрые их дела похвалять, за худые же накрепко и со усердием наказывать», проявлять об армии «заботливое попечение», а перед сражениями лично обращаться к войскам: «научать все полки при настоящем бою храбро и мужественно держаться». Вместе с тем «командующий генерал» должен быть требовательным к подчинённым, ибо «ничто так людей ко злу не приводит, как слабая команда». Значение строгой воинской дисциплины Пётр поясняет в своём Уставе примером детей, «без наказания и страха взращённых, которые обыкновенно в беды впадают, но случается после, что и родителям пагубу приносят».

Претворение этих принципов воспитания армии дало свои плоды уже в период вторжения Карла XII.

О моральном состоянии армии накануне Полтавы можно судить, в частности, по тому, что побеги солдат из полков сократились до минимума. По данным рапортов и табелей за 1708 г., количество беглых исчислялось единицами на полк. Это не было случайным явлением. Верность присяге усиливалась и поддерживалась в петровской армии целой системой мероприятий, развивающих идею воинского долга перед отечеством и чувство военного товарищества. В 1708 г. Пётр нашёл удачную форму соединения этих понятий с сильно развитым у русского солдата чувством землячества: полки были названы по губерниям, и личный состав их подбирался из уроженцев одной местности.

Система наград и поощрений, личные обращения Петра к солдатам перед сражениями, на учениях и смотрах, популярность в армии таких полководцев и военачальников, как Б. П. Шереметев, А. Меншиков, Н. Репнин, М. Голицын и др., обращение к чувству воинского долга солдата и офицера и наряду с этим — строгое и неуклонное осуществление требований дисциплины, основанной не на педантичной и бессмысленной муштре, убивающей в солдате всякие человеческие чувства, а на идее

---

[1] Приказы и рапорты. См. Кабинет, отд. II, д. № 8.

целесообразной боевой подготовки, идее военного товарищества и верности присяге и долгу перед отечеством, — всё это создавало особую атмосферу в армии и, безусловно, укрепляло её ряды. Знаменитый полтавский приказ Петра не был случайностью· он вытекал из самого духа петровской военной школы, из всех элементов, образовавших в течение ряда лет моральный облик армии Петра.

★

Сложившаяся в ходе войны регулярная организация армии была закреплена Воинским уставом 1716 года.

История возникновения этого устава полностью опровергает взгляды П. Бобровского и других историков военного права, считавших устав Петра «копией» иноземных уставов Пётр использовал при составлении своего устава (главным образом «артикула» — военно-правовой части устава) военные законы других государств, однако не больше, чем любой военный законодатель любой европейской страны. Подлинная черновая рукопись Устава воинского, хранящаяся в делах Кабинета, показывает, что Пётр был автором основной части устава — книги 1-й — «О должности генералов», книги 3-й — «О экзерциции».

Устав 1716 г. ярко отразил особенности русского «регулярного» военного искусства и военные идеи самого Петра; он обобщил боевой опыт русской регулярной армии, накопленный ею в ходе войны.

Основными источниками устава 1716 г. явились первые строевые положения и уставы, введённые Петром в 1699—1709 гг., — «Уложение» Б. Шереметева, «Артикул краткий» А. Меншикова, «Устав прежних лет» 1707—1708 гг., строевой устав 1700 г., а также личные указы и инструкции Петра I

★

Краткий обзор основных этапов военной реформы Петра I позволяет сделать некоторые выводы. Русская армия перед реформой была отсталой армией. Пётр «лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны» [1] и благодаря значительному расширению военной промышленности сумел создать новую военно-техническую базу в стране, перевооружить армию современной военной техникой. Это вызвало соответствующие изменения в организации и тактике армии.

Как указал Ф. Энгельс, в истории всех европейских армий на рубеже XVII—XVIII столетий произошла «революция в пехотном деле, вызванная заменой пики штыком и фитильного запала кремнёвым замком» [2]. Энгельс писал, что «эта перемена завершилась в первые годы войны за испанское наследство, совпадая как раз с первыми годами XVIII столетия» [3]. Перевооружение пехоты ударно-кремнёвым ружьём со штыком привело к тому, что «во время войны за испанское наследство глубина пехотной линии была уменьшена от шести до четырёх шеренг» [4].

Реформы Петра Великого — перевооружение русской армии ружьём с ударно-кремнёвым замком и штыком и переход к новейшему линейному боевому построению войск — совпали по времени с аналогичным процессом в лучших армиях Западной Европы. В то время как на Западе

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 359 9-е изд.
[2] Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, стр. 23. Воениздат. 1940.
[3] Там же, стр. 166.
[4] Там же, стр. 167

происходила война за испанское наследство, на другом конце Европы происходила Северная война, в ходе которой были заложены основы русской военной организации и военного искусства нового времени, оказавшие в свою очередь глубокое влияние на развитие западного военного искусства и предвосхитившие во многом его дальнейшую эволюцию.

Если «сочетание пехоты, кавалерии и артиллерии в подразделениях армии» [1] явилось основной тенденцией в развитии организационной структуры армии нового времени, а «взаимная поддержка трёх родов войск» — в развитии их тактики, то ни одна из армий Европы до эпохи наполеоновских войн не достигла в этом направлении бо́льших успехов, чем русская армия при Петре Великом.

Организационные и тактические положения Устава воинского насквозь пронизаны идеей увязки трёх родов войск и их тактического взаимодействия, а полководческая практика Петра Великого представляет наглядные примеры блестящего осуществления этих идей.

Основная черта стратегии и тактики Петра Великого — исключительный реализм, подчинение тактических приёмов требованиям реальной обстановки — «случаю и времени» — является характерной чертой его полководческого искусства и выгодно отличает тактику петровской армии от формальной и шаблонной тактики западных наёмных армий, не исключая и армии Фридриха II Прусского. В отличие от прусской школы Фридриха II и его последователей, основанной на недоверии к солдату и связывании инициативы военачальников, на палочной и бессмысленной муштре солдат и офицеров, русская школа, созданная Петром Великим, П. Румянцевым, А. Суворовым и М. Кутузовым, высоко подняла значение солдата и требовала от всех воинов — от рядового до полководца — инициативы, сообразительности, мудрости в решении малых и больших боевых задач. Солдат должен быть «осторожен и расторопен», должен выполнять свой воинский долг, как «честному, верному, послушному, храброму и неторопливому солдату надлежит», должен знать, «как в бою поступать», — эти положения военных уставов и инструкций Петра нашли логическое завершение в формуле Суворова: «Каждый воин должен понимать свой маневр».

По Воинскому уставу Петра, всякий офицер должен быть «смелого сердца», а «командующий генерал» — «муж великого искусства и храбрости», ибо «храбрость его неприятелю страх творит, искусство его подвизает людей (армию) на него твёрдо уповать». Генерал должен быть прозорлив и руководить армией «с предзрительным промышлением, как мудрому командующему генералу надлежит», должен быть бдителен — «бодрое око иметь на неприятельскую помощь», «о неприятеле накрепко разведывать» [2]. Эти мысли Устава воинского совпадают с афоризмом Суворова о «достоинствах военных»: «Для солдата — бодрость, для офицера — храбрость, для генерала — мужество, руководствуемые началами порядка и дисциплины, управляемые бдительностью и предусмотрительностью».

«Тщательно обучай подчинённых тебе солдат и подавай им пример» — требовал Суворов от офицеров.

Офицер должен обучать солдат, «елико случай и время допущати может», «чем может свою фортуну сыскать» и солдатам «добрый приклад подавать и собой оказать, что оные чинить имеют»,— говорится в уставе Петра. «Генералу необходимо образовать себя науками»,— говорил Суворов. «Непрестанная наука из чтениев».

---

[1] Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Т. I, стр. 139.

[2] Устав воинский 1716 г. ПСЗ. Т. V. кн. 1-я «О должности генералов».

Каждый офицер должен «изучать военные науки, а особливо артиллерию и фортификацию» — требует Устав Петра.

Не случайно Суворов резко протестовал против введения в 1796 г. Павлом I и его «прусскими преобразователями» — бездарными гатчинцами — нового устава русской армии — копии устава Фридриха II и назвал этот устав «неморосcийским переводом рукописи изъеденной мышами и найдённой в развалинах старого замка». Именно по поводу этого заимствования Суворов говорил: «Русские прусских всегда бивали, что ж тут перенять?».

Пётр был основателем русской национальной регулярной армии. С гениальным предвидением Пётр умел отбирать и усваивать полезное и прогрессивное, отбрасывать бесполезное.

Созданием регулярной армии Пётр Великий воздвиг себе нерушимый памятник в истории русского государства.

Грандиозную реорганизацию вооружённых сил России Пётр осуществлял, как мудрый и дальновидный государственный деятель. В условиях тяжёлой Северной войны, в условиях отсталости русского государства Пётр Великий успешно решил эту историческую задачу.

ВОПРОС О РАБОЧЕЙ СИЛЕ В АНГЛИЙСКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ ВОТЧИНЕ XIII ВЕКА*

Проф. Е. Косминский

Для классической историографии английского манора, представленной такими именами, как Сибом, Мэтланд, Виноградов, вопрос о рабочей силе в домениальном хозяйстве не представлял особых затруднений. Домениальное хозяйство в основном базировалось на барщине вилланов, в первую очередь виргатариев и полувиргатариев, работавших со своим инвентарём. Анализ, или, вернее, описание, этой барщины в её различных формах и представляет главное содержание соответствующих отделов классических исследований о средневековой вотчине. Рядом с трудом обеспеченных землёю крепостных крестьян, работавших со своим инвентарём, отмечался труд постоянных дворовых рабочих, набиравшихся главным образом из среды тех же крепостных; дворовые работали при помощи господского инвентаря. Наконец, в горячее время нанималось некоторое количество рабочих из числа малоземельных крестьян (коттеров). Но в основном домениальное хозяйство обслуживалось барщинным трудом вилланов. В этом видели главную сущность манориальной системы.

«Так называемая манориальная система, — пишет П. Г. Виноградов, — в сущности, заключается в своеобразной связи между двумя аграрными организациями — поселением крестьян, обрабатывающих свои поля, и господской экономией, связанной с этим поселением и зависящей от доставляемого им труда. Община, уплачивающая взносы, фермеры, арендующие земли за ренту, рабочие без своего независимого хозяйства — все они могут быть подчинены какому-нибудь лорду, но эта связь не будет манориальной. Два элемента необходимы для создания манориальной организации — крестьянская деревня и обрабатываемая при её помощи господская экономия» [1]. Кертлер определяет манор как «a practical working method of estate management by means of labour services» [2]. Грас даёт такое определение манору: «Манор представлял владение сеньора с доменом, возделываемым работниками, у которых также были свои держания» [3]. Манориальную систему характеризует обработка домена несвободными рабочими руками.

Процесс коммутации постепенно подтачивает эту систему и заставляет домениальное хозяйство всё более переходить к наёмному труду. Но, каковы бы ни были взгляды отдельных исследователей на развитие коммутации в XIV в., XIII век, классическая эпоха манориального строя, считался временем господства барщинного труда.

---

* Эта статья представляет собой в незначительном сокращении новую, VII главу подготовляемого к печати 2-го издания книги «Английская деревня XIII в.» (1-е изд. 1935).

[1] Vinogradoff. Villainage in England, p. 404—405.

[2] Curtler. The Enclosure and Redistribution of our Land, p. 1.

[3] Gras. The economic and social history of an English village, p. 12.

Результаты наших предыдущих исследований[1] заставляют нас заново пересмотреть эту привычную картину. Мы видели, что в ряде маноров совсем не было вилланов или их было очень мало; что денежная рента уже в XIII в. стала количественно господствующей формой ренты и в большинстве графств Англии барщинные работы вилланов играли второстепенную роль; что в Англии в XIII в. наблюдались значительная диференциация крестьянства, образование весьма многочисленного слоя малоземельных, которые не могли прокормиться со своих наделов, и отслоение верхушки, которая не могла обходиться только своим трудом. Крепостные виргатарии и полувиргатарии составляли в общем всего лишь около ⅓ крестьянства. Характеризуя мелкую вотчину, мы отмечали в ней совершенно второстепенную роль отработочных рент. На последних могла базироваться преимущественно крупная вотчина (и то не всегда). Мы наблюдаем в Англии XIII в. значительную площадь домениальной земли, которая не обслуживалась отработочными повинностями вилланов или обслуживалась далеко не достаточно. Нельзя забывать и богатых крестьянских держаний (особенно свободных), которые не могли обходиться без дополнительного труда. Наши источники не дают возможности точно учесть потребность феодальных вотчин, а тем более крупных крестьян, в дополнительном, небарщинном труде. Но всё же можно привести некоторые цифровые данные ориентировочного характера.

Трудно ответить на вопрос, каково должно быть соотношение между доменом и вилланской землёй, чтобы полностью обеспечить домен работой вилланов-барщинников. Но мы можем исходить из соотношения, существовавшего в крупных вотчинах, которые были лучше обеспечены барщинным трудом. Здесь размеры вилланской земли в среднем вдвое превышали размер домена (речь идёт, конечно, лишь о пашне). В таком случае в средней вотчине, где домен был лишь немногим меньше вилланской земли, вероятно, уже не хватало вилланских тягол для полного обеспечения домена барщинным трудом; тем более не хватало их в мелких вотчинах, где домен значительно превышал вилланскую землю. Припомним, что в средних и особенно мелких вотчинах барщины играли меньшую роль в повинностях вилланов, чем в крупных. Но, конечно, и крупные вотчины не всегда были достаточно обеспечены вилланской землёй. Особенно показательны в этом отношении вотчины цистерцианских монастырей.

В приводимой ниже таблице я делаю попытку установить приблизительные размеры домена, совсем не обеспеченного барщинным трудом вилланов или обеспеченного им в ничтожной степени. Я не делал сплошного подсчёта, но подсчитал более половины всех вошедших в Сотенные списки сотен, где возможен учёт домена (15 сотен из 28); мои подсчёты охватили 60% всех вотчин. Я выделил: 1) домены тех вотчин, где совсем нет вилланов (или вилланская земля ничтожно мала), 2) домены тех вотчин, где есть вилланская земля, но вилланы не несут никаких отработочных повинностей или несут их в ничтожно малом количестве; 3) домены тех вотчин, где есть вилланы и барщина, но в незначительном количестве, явно недостаточном для обработки домена. По моим подсчётам, в эти разряды попадает почти половина всего подсчитанного домена (точнее, 46%).

Таблица требует некоторых пояснений. Мы видим, что в крепостническом и барщинном графстве Гентингдоншир более половины вотчин и

[1] См. особенно «Английская деревня в XIII в.» (изд. АН СССР. 1935); «Английское крестьянство в XIII в.» («Учёные записки МГУ», «История». Вып. 41, 1940); «К вопросу о свободном держании» (сб. «Средние века», изд. АН СССР. М. 1942); «Мелкая вотчина в средневековой Англии» («Известия АН СССР». Серия истории и философии, № 4. 1944).

Домен, не обеспеченный вилланской барщиной

Графства и сотни	Домен без вилланов			Домен без барщин			Домен с ничтожными барщинами			Общее количество		
	число вотчин	домен в акрах	%	число вотчин	домен в акрах	%	число вотчин	домен в акрах	%	число вотчин	домен в акрах	%
Гентингдоншир												
Normancross	9	2 545	30	5	770	9	9	1 437	17	23	4 752	57
Leightonstone	7	1 133	12	11	1 193	12	7	2 045	20	25	4 376	44
Toseland	6	1 016	13	3	708	9	8	1 200	15	17	2 924	37
Hirstingdon	1	192		2	124		1	80		4	396	9
	23	4 891	16	21	2 795	9	25	4 762	16	69	12 448	41
Кембриджшир												
Chil ford	12	1 917	28				9	2 540	38	21	4 457	66
Papworth	7	295	14	2	60	3	5	449	21	14	804	39
Longstow	9	1 227	20	7	526	8	8	1 162	18	24	2 915	45
Whitlesford	3	215	7	2	81	3	10	1 558	48	15	1 854	57
	31	3 654	20	11	667	4	32	5 709	32	74	10 030	55
Оксфордшир (в виргатах)												
Banbury	3	12½	8	3	18	13	4	12½	8	10	43	30
Ploughley	8	27½	6	9	69½	15	1	6	1	18	103	22
Lewknor	—	—	—	4	39¼	25	3	16½	10	7	55¾	35
Wotton	2	36	7	9	39	8	3	16	3	14	91	19
Ewelme	7	53	28	3	22	12	8	36½	18	18	111½	58
	20	129	8	28	187¾	13	19	87½	6	67	404¾	27
(в акрах)		3 225			4 697½			2 175			10 095½	
Уорвикшир												
Stoneleigh	18	4 698	58	8	889	11	11	1 897	24	37	7 484	79
Kineton	9	1 380	9	20	4 215	28	16	4 050	27	45	9 645	65
	27	6 078	26	28	5 104	23	27	5 947	25	82	17 129	70
По всем подсчитанным сотням	101	17 848	16	88	13 263	12	103	18 593	19	293	49 729	46

свыше 40% домена не обеспечено или мало обеспечено вилланскими барщинами; в Кембриджшире — 68% всех вотчин и 55% домена и в Уорвикшире — половина вотчин и 70% домена. Ещё выше процент не обеспеченного барщинами домена по отдельным сотням: он доходит в гентингдоншировской сотне Normancross до 57%, в кембриджширской сотне Chilford — до 66%, а в уорвикширской сотне Stoneleigh — до 79%. Но это вовсе не значит, что остальные вотчины были достаточно обеспечены вилланскими барщинами. Таблица показывает не общую насыщенность вотчин вилланским трудом, а лишь наличие значительного процента мало насыщенных им вотчин. Высота этого процента по отдельным районам зависит не только от степени развитости барщинной системы в данном районе, но и от диференцированности системы рент по отдельным вотчинам. В этом отношении показательны цифры для Оксфордшира, где барщинная система была развита меньше, чем в Гентингдоншире и Кембриджшире, но где барщина была более или менее равномерно распределена по вотчинам, между тем как в первых двух графствах мы находим резкое различие между барщинными (преимущественно крупными) и оброчными (преимущественно мелкими) вотчинами. Оксфордшир даёт в нашей таблице только 27% домена, слабо обеспеченного вилланским

трудом. Но и в остальных 73% мы редко наблюдаем полную обеспеченность им: преобладает приблизительное равновесие оброчной и барщинной систем, нередко встречается альтернативная система, при которой выбор между барщиной и оброком зависит от воли лорда. Мы должны иметь в виду, что такая альтернативность ввиде практики «venditio operum» существовала и там, где источники показывают полное господство барщинной системы.

Таким образом, если несколько менее половины всего домена не было обеспечено вилланскими барщинами или было обеспечено ими лишь в очень малой степени, то это не значит, что остальная, «бо́льшая половина» была им достаточно обеспечена. Сколько-нибудь точные выкладки здесь невозможны, но мы имеем все основания предполагать, что бо́льшая часть потребности домена в рабочих руках не могла быть удовлетворена при помощи вилланской барщины.

После всего, что было сказано об особенностях мелкой и крупной вотчины [1], совершенно ясно, что потребность в небарщинном труде была гораздо сильнее в мелкой вотчине, с её относительно большим процентом домениальной пашни, с меньшей обеспеченностью вилланской землёй, со значительным преобладанием денежной ренты, со специфическим составом вилланов. Если крупная вотчина могла в основном базироваться на барщинном труде вилланов, эксплоатируя другие виды труда лишь ввиде дополнения, то мелкая вотчина, несомненно, была, как правило, лишена этой возможности.

Мы можем подойти к вопросу о степени насыщенности домена вилланским трудом ещё другим путём, который позволит нам, к тому же, распространить наши наблюдения почти на всю Англию. Вопрос о том, насколько домениальное хозяйство обслуживалось отработочными повинностями вилланов и насколько оно нуждалось в дополнительном труде, может быть отчасти разрешён путём сопоставления размеров отработочных рент в каждом маноре с размерами домениальной пашни. Количество отработочных повинностей (в их денежной оценке), приходящееся на 1 акр домена, другими словами, общая оценка отработочных повинностей, делённая на число акров домениальной пашни, может до известной степени служить показателем насыщенности домениального хозяйства вилланской барщиной. Здесь, однако, перед нами возникает ряд трудностей, ставящих под вопрос значение полученных таким образом цифр. Прежде всего, какова мера насыщенности домена барщинным трудом? Какое количество барщинного труда, выраженного в пенсах, должно приходиться на акр домениальной пашни при достаточной насыщенности домена барщинным трудом вилланов? По расчёту Вальтера де Хенли, на каждый акр пашни приходятся следующие работы: три вспашки (каждая из них оценивается в среднем в 6 d.), бороньба — 1 d., прополка—1 d., жатва—5 d., возка—1 d. Молотьба редко производилась барщинниками. Таким образом, на один акр приходится работ на 2 s. 2 d. Конечно, это очень высокая расценка. Надо прежде всего сделать скидку на двух- или трёхпольную систему, при которых половина или треть пашни лежала под паром. Акр пашни вспахивался три (а иногда лишь два) раза только под озимое, под яровое он вспахивался лишь один раз. Оценка пахоты акра в 6 d. очень высока; Сотенные свитки дают здесь 4—6 d. Так же высока оценка жатвы акра, которая в нашем источнике расценивается в 3—4 d. Вальтер де Хенли не даёт оценки засева, но засев обычно и не поручался барщинникам. Всё это позволяет нам уменьшить расценку Вальтера де Хенли вдвое и считать оценку работ, приходящихся на один акр, примерно в 12 d. Если мы примем в расчёт, что значительная часть пахоты производилась дворовыми рабочими — carucarii, akermanni — при помощи господского инвентаря, то цифру

[1] См. «Английская деревня в XIII в.», «Мелкая вотчина в средневековой Англии».

Графства	Средние размеры доменциальной пашни в вотчине (в акрах)	Средняя обеспеченность доменциального акра рабочими повинностями
Восточная группа		
Эссекс	292	$2^1/_3$
Сеффок	385	$4^3/_5$
Норфок	152	$6^1/_3$
Кембриджшир	305	$2^1/_2$
Гертфордшир	351	$2^1/_3$
Гентингдоншир	344	$6^3/_8$
Нортгемптоншир	[201[1]]	[8]
Миддльсекс	597	$2^2/_3$
Линкольншир	164	$4^1/_2$
	300	$4^1/_2$
Южные Midlands		
Бедфордшир	245	$1^3/_4$
Бекингемшир	184	4
Беркшир	402	$1^1/_2$
Оксфордшир	227	$3^1/_4$
Уорвикшир	243	$2^1/_3$
	262	$2^1/_2$
Северные Midlands		
Ретленд	[268]	Отработочные ренты не определяются
Лестершир	[291]	
Ноттингемшир	[207]	
Дерби	[103]	
	[217]	
Южная группа		
Серри	190	$4^3/_4$
Сессекс	325	$3^5/_6$
Гамшир	200	$1^5/_6$
Дорсет	[196]	[$1^1/_3$]
Вильтшир	[210]	[$3^1/_3$]
Сомерсетшир	[229]	[$3^3/_4$]
Глостершир	[276]	[2]
Девоншир	[188]	[2]
	[228]	[$2^7/_8$]
Западная группа		
Гернфордшир	221	[$3^3/_8$]
Вустершир	[132]	[$1^3/_4$]
Шропшир	[116]	[$1^1/_3$]
Чешир	[198]	[$1^4/_5$]
	[167]	[$2^1/_4$]
Портумбрия	220	3
Иоркшир	134	$3^1/_4$
Кент	201	$1^1/_4$

придётся ещё несколько снизить. Но, с другой стороны, мы должны помнить, что работами на господском поле не ограничивались отработочные повинности виллана: он должен был косить и убирать луг, стричь овец, нести ряд извозных повинностей, оценивавшихся иногда довольно высоко, копать канавы, починять постройки и т. д.; все эти работы вместе должны были составить немалую цифру. Если поэтому мы сохраним

[1] В скобки заключены цифры, полученные на основании незначительного числа случаев.

цифру в 12 d., как контрольную, то едва ли сделаем очень большую ошибку[1]. Мы встречаем маноры, где отношение общей оценки барщины к числу акров домениальной пашни близко к 12 d. и показывает, таким образом, достаточную насыщенность домениального хозяйства барщинным трудом. Так, для манора Rowell (Нортгемптоншир) эрла Глостерского эта цифра выражается в 10 d; в маноре Bliburgh (Сеффок) она даже равна 23¼ d., в маноре Sheringham (Норфок) — 31½ d. Эти цифры взяты из Посмертных расследований; они представляют редкие исключения. Обычно соответствующие цифры ниже, часто много ниже 12 d.

Конечно, мы не должны упускать из виду, что имеем перед собой совершенно условные цифры, дающие лишь известный отправной момент для заключения о сравнительной степени обеспеченности отдельных вотчин барщинным трудом.

Посмертные расследования обычно позволяют довольно точно определить размеры домена, часто они дают возможность вычислить и общую оценку вилланских барщин в отдельных манорах. Помещаемая ниже таблица даёт средние размеры домениальной пашни в отдельных графствах, а также среднее соотношение между оценкой барщинных работ и числом домениальных акров.

Я сохранил ту разбивку графств на группы, которая была принята в «Английской деревне в XIII веке».

Я не склонен придавать этим цифрам большое значение. Но, как мне кажется, они отчётливо свидетельствуют об одном: домениальное хозяйство в Англии было совершенно недостаточно насыщено барщинным трудом вилланов, и это явление мы наблюдаем по всем графствам Англии. Наибольшую насыщенность мы видим в восточной группе, где, кстати, и самая высокая средняя для размеров домениальной пашни, но и в этой группе показатель насыщенности всё же очень низок. Наиболее высокие показатели дают графства Гентингдоншир, Нортгемптоншир и Норфок, но и здесь они много ниже принятой нами контрольной цифры. При этом надо отметить, что сравнительно высокая цифра для Нортгемптоншира создаётся лишь благодаря одному манору (Rowell эрла Глостерского) с высокими отработочными повинностями. Если исключить один этот манор, то средняя цифра для Норфока упадёт до 2⅓ d. Это снова подкрепляет вынесенное ранее впечатление о крайне неравномерном распределении барщинного труда по вотчинам в большинстве графств. Но совершенно ясно, что, чем неравномернее распределены барщинные работы по манорам, тем меньше их роль в домениальном хозяйстве в целом, так как избыток барщинных работ в одном маноре не мог пополнять их недостаток в другом, оказывая, однако, влияние на средние цифры.

Мы находим очень низкие цифры насыщенности домена барщинным трудом в некоторых графствах, где в повинностях вилланов барщина играла видную роль. Кембриджшир является одним из наиболее «барщинных» графств, если рассматривать повинности вилланов. Но в нём имеется значительный домен, не обеспеченный вилланами или очень слабо ими обеспеченный.

У нас есть основания подозрительно относиться к цифрам, полученным из Посмертных расследований. Но в данном случае проверка их расчётами, основанными на материале Сотенных свитков, даёт положительные результаты. В частности, для Кембриджшира Сотенные свитки дают тот же показатель—2½ d.; для оксфордширских сотен я получил такие показатели: Bampton — 4¼ d., Chadlington — 3¾ d., Banbury — 3d., Thame — 1 d. Эти цифры не расходятся со средней цифрой, полученной нами для Оксфордшира по Посмертным расследованиям,—3¾ d. В уорвикширской сотне Stoneleigh Сотенные свитки дают очень низкий показа-

[1] Здесь я отступаю от цифры, принятой мною в «Английской деревне в XIII в.» (стр. 148).

тель — 1½ d., но в другой сотне, Kineton, обеспеченность домена вилланским трудом выше, так что средняя цифра для Уорвикшира в 2⅓ d. не является расхождением. Не представляет неожиданности очень низкий показатель для Бедфордшира, поскольку Сотенные свитки обнаружили в этом графстве очень низкий процент вилланской земли.

Во всяком случае, анализ данных Посмертных расследований подтверждает наш вывод о недостаточной насыщенности домениального хозяйства барщинным трудом вилланов и позволяет распространить этот вывод на всю Англию. Но потребность в небарщинном труде не ограничивалась только доменом в тесном смысле слова. Крупное крестьянское хозяйство, несомненно, также нуждалось в батраках. Трудно учесть потребность в рабочих руках у крестьянской верхушки, как свободной, так и вилланской, не располагавшей вовсе крепостной рабочей силой или располагавшей ею в ничтожном количестве; но не считаться с ней мы не можем.

Как же удовлетворялась потребность деревни и прежде всего домена в рабочей силе? Каковы были её источники? Здесь трудны количественные сравнения, но я считаю возможным сделать уступку общепринятому взгляду и на первом месте поставить барщинную работу вилланов. Чтобы избежать недоразумений в дальнейшем, надо оговориться, что под барщинной работой понимаются здесь «обычные», регулярные отработочные повинности вилланов, преимущественно виргатариев и полувиргатариев, занесённые в манориальные описи и в составленные по их образцу правительственные расследования. Мы не должны при этом забывать, что эти повинности были очень неравномерно распределены по отдельным вотчинам и по районам и что они могли частично заменяться денежными платежами (venditio operum) и составляли непостоянную, колеблющуюся из года в год величину.

Рабы, servi, такие многочисленные в Книге страшного суда постоянные несвободные дворовые рабочие, не имеющие, как правило, своих наделов, не выступают так ясно в описях и отчётах XIII века. Термин «servi» делается равнозначащим термину «villani» (isti sunt servi de sanguine suo emendo и т. д.). Но на господском дворе мы обычно находим, правда, не очень многочисленный, персонал постоянных рабочих, которые, возможно, хотя бы отчасти являются потомками прежних рабов [1]. Почти в каждом маноре можно найти несколько плугарей (akermanni, carucarii), возчика, пастухов, доярку (daya). В маноре Forncett эрла Норфокского в XIII в. было 8—9 постоянных дворовых рабочих: 4 плугаря, возчик, коровий пастух, свинопас, доярка; на три или четыре месяца в году нанимался рабочий для бороньбы. Временами появлялись и другие рабочие. grangiarius, warenner, вторая женщина, варившая еду для рабочих. Одно время к дворовым рабочим причислялся и мельник, правда, не живший при дворе [2]. Трудно сказать, каково было личное состояние дворовых рабочих в Forncett. Они жили в «domus famulorum», им варила еду специально приставленная к этому делу женщина. Знаменитая инструкция Глостерского монастыря св. Петра рисует набор дворовых рабочих из числа «нативов» — вилланов (повидимому, не загруженных барщинной работой членов их семейств). Таким образом, поставка дворовых рабочих была одной из повинностей вилланов. Дворовые рабочие получали выдачи натурой (liberationes) и небольшую плату деньгами (stipendia). В Forncett grangiarius получал 1 квартер пшеницы каждые 8 недель, а warenner — каждые 10 недель; плугари и возчик получали по 1 квартеру ячменя каждые 12 недель, доярка и коровий пастух — каждые 14 недель

---

[1] Ср Ashley Economic History, v. I, p. 1, 32, 61.
[2] Davenport Economic condition of a Norfolk manor, 24.

и свинопас — каждые 16 недель. Кроме того они получали на господском дворе овсянку, для чего отпускалось 12 бушелей овса. Деньгами возчики и плугари получали по 3 s., доярка и коровий пастух — по 1 s. В числе дворовых рабочих могли быть и рабы, и члены семей вилланов, и, возможно, некоторое число наёмных рабочих. Помимо своей специальной работы эти дворовые рабочие должны были выполнять и всевозможные иные работы на господском дворе. Глостерская инструкция специально предписывает следить за тем, чтобы дворовые не оставались без дела и, если они окончили одно, их надо немедленно ставить на другое. Дворовым рабочим принадлежала главная роль в пахоте, а также в засеве и молотьбе.

Учесть роль несвободных дворовых рабочих в обработке домена далеко не легко. Всё же, повидимому, они могли занимать видное место лишь в хозяйстве более или менее крупных вотчин, располагавших достаточным числом вилланов. Едва ли им могла принадлежать заметная роль в хозяйстве мелкой вотчины, которая, как мы видели, особенно нуждалась в небарщинных рабочих руках. Можно думать, что труд несвободных дворовых тесно связан с системой вилланских служб и представляет своеобразный вариант барщины, использующей не занятых на обычной барщине членов вилланских семейств.

Большие домены без вилланского труда мы встречаем в вотчинах цистерцианских монастырей. Но там вопрос о рабочей силе разрешался особым путём. Этот домен обрабатывался трудом «светских братьев», «конверсов» (conversi), получавших от монастыря кров, пищу и одежду и обязанных исполнять все хозяйственные работы. Кроме того на землях цистерцианцев встречаются так называемые mercenarii, жившие вне монастырских стен и не связанные обетами. Они получали клочки земли и кроме того арендовали землю дополнительно. Они не были прикреплены к земле и могли уйти, хотя на практике их удерживали недоимки, и, повидимому, они мало чем отличались от крепостных.

В мелкой вотчине полукрестьянского типа известную роль должен был играть личный труд хозяина и его семьи. Возможно, что и некоторые мелкие рыцари принуждены бывали иногда браться за плуг. Примеры такого рода знает европейская история.

Наконец, нам надо обратиться ещё к одному источнику рабочей силы, хорошо всем известному, всё возрастающее значение которого в последующие столетия всеми признавалось, но роль которого в эпоху господства феодальных производственных отношений, как мне кажется, никогда ещё не была оценена по достоинству. Я говорю о малоземельном крестьянстве, о коттерах в широком смысле слова.

Нам надо припомнить несколько цифр [1]. Мы видели, что мелкие вилланские держания (5 акров и меньше) составляют 29% на территории, охваченной Сотенными свитками; вместе с ферделями они составляют 38% всех вилланских держаний. В восточной части этой территории (Гентингдоншир, Кембриджшир, Бедфордшир, Бекингемшир) они вместе с ферделями составляют 50% всех вилланских хозяйств, в Бекингемшире — 53%, в Кембриджшире — 57%. При этом, играя сравнительно скромную роль в крупных вотчинах, в мелких они составляют более половины вилланских хозяйств.

Ещё более выразительные цифры получены нами для мелких свободных держаний. Мелкие держания, в 5 акров и меньше, составляют 47% всех крестьянских свободных держаний, а вместе с ферделями — 59%. Большая их часть, составляющая 37% всех свободных держаний, — держания в 3 акра и менее. В Бекингемшире держатели мелких наделов и

[1] См мою статью «Английское крестьянство в XIII в.». Ср. Гранат «К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии». М. 1908.

ферделей составляют 60%, в Бедфордшире — 66%, а в Кембриджшире — 80% всех крестьянских свободных держаний.

Если мы объединим свободные и вилланские крестьянские держания, то увидим, что из них половина — мелкие держания и фердели. Вилланские виргаты и полувиргаты, главные носители барщинного труда, составляют лишь треть общего числа учтённых крестьянских держаний (34%, а может быть, и несколько ниже).

На страницы описей не попадали совсем безземельные, не имевшие даже хижины, жившие у чужих в качестве батраков. О существовании таких безземельных мы узнаём лишь из случайных упоминаний в источниках. Их цифра, которую мы определить не можем, должна ещё увеличить категорию небарщинных рабочих.

При этом надо иметь в виду, что наниматься на работу принуждены бывали иногда не только коттеры и держатели ферделей, но и полувиргатарии и виргатарии. В Рамзейском картулярии (т. I, стр. 473) приводится случай, когда виллан-виргатарий нанимается в рабочее время к лорду «propter indigentiam». Роджерс в своих исчислениях бюджета крестьянина полагает, что свободный держатель 20 акров должен был прирабатывать подённой работой в страдную пору. Тот фунт стерлингов, который он, по Роджерсу, таким образом зарабатывал, и представлял избыток над необходимыми расходами.

Источником рабочей силы являлись также члены семей держателей, как крепостных, так и свободных. Часть крепостных должна была работать у господина в качестве дворовых рабочих, но часто могла наниматься на сторону. Виллан должен был уплачивать лорду небольшую пошлину, если его сын работал на стороне: et si filius suus servierit alicui extraneo dabit domino suo duos capones per annum ad recognitionem domini [1].

Предложение труда увеличивалось ещё и тем, что городские рабочие отправлялись во время уборки урожая на сельские работы. Равным образом жители северных и пограничных с Уэльсом районов, где преобладало скотоводство, в осенний сезон отправлялись на заработки на земледельческий юг, как об этом свидетельствует хотя бы знаменитый статут 25-го года Эдуарда III. Правда, это документ более поздний, появление его вызвано особыми обстоятельствами, но он ссылается на давний обычай: жители этих местностей «puissent venir en temps Daust de laborer en autres Countes et salvement retourner comen ils soloient faire avant ses heures».

Таким образом, перед нами два факта весьма крупного значения. Во-первых, барщинный труд вилланов не мог покрыть и половины потребности домена в рабочей силе, не считая уже потребности крупных крестьянских хозяйств; во-вторых, мы видим весьма многочисленные группы населения, которые не были обеспечены землёй и искали заработка. Вывод напрашивается сам собой: очевидно, «наёмный труд» играл в деревне XIII в. весьма крупную роль, несравненно более крупную, чем это показывают нам источники и чем это признавалось в исторической литературе. Должен здесь же оговориться, что я употребил выражение «наёмный труд» в условном смысле и что его действительное значение ещё потребует анализа.

Но если наёмный труд играл в XIII в. такую крупную роль, то почему это не нашло адэкватного выражения в источниках, в частности в «Ministers'Accounts», где учитываются каждый пенни, каждый бушель зерна? Всем, изучавшим эти источники, известно, что расходы на заработную плату не играют видной роли в бюджете вотчины и притом эта статья расхода включает главным образом содержание и плату постоянным дворовым рабочим, значительная часть которых несла принудительную дво-

[1] Rotuli Hundredorum (Сотенные свитки). Т. II, стр. 463. В дальнейшем источник обозначается сокращённо. RH.

ровую службу. Леветт в своей работе «The black death on the estates of the see of Winchester» (Oxford Studies, V) приходит к выводу, что в манорах епископа Винчестерского накануне Чёрной смерти на заработную плату расходовалось сравнительно немного, особенно деньгами, причём жалованье постоянным рабочим было традиционным и мало менялось. Плата производилась натурой, а также землёй, сбавками с ренты. У Леветт получается впечатление, что епископ мог бы удвоить и утроить расходы на заработную плату, не нанося заметного ущерба своим доходам (стр. 35—36). О том же она говорит в своей статье «The financial organisation of the Manor» [1]; в ряде диаграмм (стр. 79 и след.) она показывает незначительность расходов на заработную плату, которая не могла оказывать влияния на доходность вотчины. То же отмечает Мэтланд: «Заработная плата составляла незначительную статью в отчётах» [2]. Мы встречаем, правда, и другие показания источников. Так, Леветт отмечает, что в маноре Appledram (Сессекс) в 1286 г. было 23 постоянных рабочих.

Для нас не может быть неожиданным, что манориальные источники, в частности «Ministers' Accounts», отражающие порядки крупных, по преимуществу церковных, вотчин, дают мало сведений о наёмных рабочих и заработной плате. Выше уже было установлено, что крупная вотчина была лучше обеспечена барщинным трудом вилланов. В наёмном труде больше всего нуждалась мелкая вотчина, где вилланской земли было меньше, где среди вилланов большой процент составляли мелкие держатели, несшие незначительные барщинные повинности; где, наконец, денежная рента имела решительный перевес над отработочной. Но мелкая вотчина почти не оставила после себя следов ввиде манориальных документов, и мы не можем надеяться найти здесь прямые свидетельства. Наши выводы поневоле должны носить косвенный характер.

Основным источником наёмной рабочей силы являлись, несомненно, мелкие держатели, коттеры и держатели ферделей. Они давно уже тревожат исследователей английской феодальной деревни, но всё ещё не стали предметом должного внимания и анализа. Причина здесь, несомненно, та, что и они, как и мелкая вотчина, оставили мало следов в источниках. Манориальные описи мало ими интересуются, они становятся суммарны и небрежны, когда доходят до мелких держателей. Держатели мелких наделов за мелкие ренты не играли заметной роли в системе феодальных держаний и рент, которыми главным образом интересуются манориальные и повторяющие их правительственные описи. Виноградов в своём главном труде, «Villainage in England», почти не касается вопроса о наёмном рабочем, как он не касается вопроса о рынке. Для него основная рабочая сила на домене — крепостные-барщинники. Говоря об обслуживающем домен персонале, он имеет в виду министериалов, включая, впрочем, в число их плугарей и возчиков. Но это дворовые, набираемые из числа крепостных; при этом Виноградов имеет в виду не крепостных коттеров, а младших или старших членов семьи, не занятых на барщине (elder or younger brothers as it might be). Наёмным рабочим в более прямом смысле в «Villainage in England» посвящено не более полустраницы. Виноградов указывает, что в сельскохозяйственных трактатах XIII в. и в приказчичьих отчётах можно найти указания на существование наёмного труда. «Но эти явления надо считать исключительными и фактически началом нового развития» [3]. Здесь вопрос о наёмном труде опять-таки не связан с коттерами. Для Виноградова наёмные рабочие — это посторонние манору люди, outsiders. Гораздо больше внимания уделяет он бордариям и коттерам и их роли в манориальном хозяйстве в «Growth of the Manor». Он отмечает, что бордарии играли важную роль

[1] «Economic History Review». January 1927
[2] См. «Collectes papers», II, 376.
[3] Vinogradoff. Villainage in England. p. 321.

в хозяйстве манора, поскольку они поставляли главный контингент сельскохозяйственных рабочих и вели на своих земельных участках индивидуальное хозяйство, находясь в значительной мере вне общинной организации. Виноградов отмечает раннюю коммутацию коттерских повинностей. Он указывает, что излишек населения плуговых держаний размещался на коттерских держаниях, а последние доставляли недостающие рабочие руки и плуговым держаниям и домену. Так создавались перекрёстные течения, которые не отразились в описях, но которые оставили, очевидно, результаты, едва ли объяснимые другим способом. Больше всех внимания уделил этому вопросу Гранат в своей книге «К вопросу об обезземелении крестьянства в Англии». Гранат подчеркнул многочисленность этого класса в феодальной Англии и его роль в качестве «пролетариата», «наёмных рабочих». Но, развивая свою основную мысль об исконном делении английского крестьянства на «крепких», или «богатых», крестьян и на сельский пролетариат, он рассматривал коттера главным образом как батрака в хозяйстве виргатария, мало обращая внимания на его роль в вотчинном хозяйстве. Эта роль не была ясна Гранату, поскольку он не представлял себе потребности домениального хозяйства в рабочих руках, стоя в вопросе о роли барщинного труда на традиционных позициях. При этом его интересовали в первую очередь особенности коттера как «пролетария», которого только оставалось перевести из земледелия в промышленность; специфика коттера в феодальной системе хозяйства им не выяснена. Некоторое внимание на судьбы коттера обратил Липсон в своём труде «Экономическая история Англии». Значение коттеров в вотчинном хозяйстве отмечали и некоторые из сотрудников «Victoria County History». Из новейших исследователей английской средневековой деревни больше всех подчёркивает важность вопроса о коттерах Беннетт [1], отметивший огромную роль этого слоя как источника свободного или полусвободного наёмного труда как в домениальном, так и в крестьянском хозяйстве. Виргатарий без взрослых сыновей, вдова с малолетними детьми, держатель, обременённый тяжёлыми повинностями, не могли управиться с хозяйством без дополнительной рабочей силы; господский домен требовал как подённой, так и посезонной работы: все они готовы были предоставить работу коттеру. Беннетт подчёркивает ряд своеобразных черт в положении коттеров; на этом нам ещё придётся остановиться.

Как ни велика была потребность английской деревни XIII в. в наёмном труде, но многочисленность малоземельного крестьянства, особенно в некоторых графствах (в Кембриджшире, например), заставляет нас думать, что оно жило не только земледельческим трудом. У нас есть основания предполагать, что часть мелких держателей была занята ремеслом или другими неземледельческими промыслами. Не лишено интереса то обстоятельство, что в тех графствах, где мы наблюдаем особое развитие мелкого крестьянского хозяйства в XIII в., в XIV в. возникает домашняя промышленность, особенно шерстяная (тот же Кембриджшир). Возможно, что начало этого развития относится уже к концу XIII века. Если городские рабочие отправлялись на сезонные работы в деревню, то и деревенские отправлялись в город. Но несомненно, что сельскохозяйственные работы составляли главное занятие деревенских коттеров.

Чем жил коттер? — спрашивает Беннет. Отвечая на этот вопрос, мы не можем игнорировать надела коттера, этой «натуральной заработной платы» непосредственных производителей феодального общества, как бы ни была она мала. У нас есть основания предполагать наличие известного слоя безземельных батраков, нанимавшихся погодно (locati per annos), но всё же типичным сельскохозяйственным рабочим остаётся малозе-

[1] Bennett H. Life on the English Manor, p. 63.

мельный крестьянин, со своим двором, огородом, небольшим участком пахотной земли, известными общинными правами, некоторым количеством скота, преимущественно мелкого. Известная часть потребностей коттера и его семьи, а тем более держателя ферделя, удовлетворялась доходами с его земли. Мы очень мало знаем о хозяйстве коттера, если не считать его размеров. А эти размеры, точнее размеры пахотного участка, могли не находиться в соответствии с его доходностью. При рассмотрении крестьянских бюджетов мы уже имели случай видеть, какую роль в крестьянском, в частности в мелкокрестьянском, хозяйстве могло играть животноводство, возможность выпаса на общинном пастбище [1]. Рыболовство, охота, пользование лесом, разработка торфа и т. д. могли составлять для мелкого крестьянина важнейший дополнительный источник существования Начавшийся в XIII в. (или даже ранее) нажим лордов на общинные права крестьян, захват исключительных прав на охоту и рыбную ловлю, на леса и пустоши должны были наносить особенно тяжёлые удары мелкому крестьянству, всё более делая невозможным его существование без дополнительного заработка (если оно было возможно раньше). Поход феодалов на общинные земли, встретивший сильнейший отпор у крестьянства и поддержку у правительства, всё более должен был подрывать значение надела как экономической базы коттера.

Но у коттеров едва ли всегда были права на общинные земли. Эти права находились в связи с держаниями в пахотных полях. Но у коттеров сплошь и рядом не было владений в пахотных полях деревни. Беннетт подчёркивает происхождение коттерских хозяйств из мелких заимок (assarts) в лесах и пустошах, из сдачи лордом новопришельцам мелких, неудобно расположенных клочков домена за мелкие ренты [2]. Коттеры стояли в значительной степени вне общинной организации, вне системы открытых полей, общинной чересполосицы, принудительного севооборота, совместных плуговых запряжек, вне обычной рутины хозяйственной жизни общины, да отчасти и вотчины. Их барщинные работы были по большей части незначительны: не располагая рабочим скотом, они не могли участвовать в главных видах отработочных повинностей. Наряду с прекариями — обычными повинностями коттеров — Беннетт отмечает некоторые обязанности, выполнявшиеся, как правило, мелкими держателями: разбрасывать навоз, устраивать изгороди и канавы, гонять скот на базар и с базара, починять постройки, строить новые хлевы и свинарники, убирать сено, вязать снопы и складывать их на возы, веять и молотить, приводить в порядок помещения на господском дворе перед приездом лорда и тысячи подобных же мелких работ. Мелким держателям поручалось стеречь воров и арестованных, ожидающих суда, и доставлять их в суд. Это было трудное и хлопотливое дело. Они должны были носить письма и повестки, извещать своих односельчан о прибытии управляющего и о собраниях курии, носить предписания лорда к его министериалам из манора в манор [3]. Иногда они должны были носить тяжести на спине (portagium super dorsum). Но обычно эти повинности были невелики и часто заменялись денежными платежами. Коттер стоял в значительной мере вне обычной деревенской и вотчинной организации.

Беннетт склонен видеть в этом преимущество коттера, предоставлявшее ему бо́льшую свободу. Этой свободе, думает Беннетт, мог позавидовать виргатарий, более обеспеченный, но обременённый тяжёлыми повинностями. Несвязанность с общинными полевыми порядками могла предоставить им свободу улучшать методы обработки, что было невозможно для виргатариев, связанных принудительным севооборотом Наличие коттеров вообще содействовало освобождению крепостной деревни Если бы

[1] «Английское крестьянство в XIII в», стр 132 и сл.
[2] Bennett. Op cit, p 66
[3] Ibid., p. 70.

не было коттеров, то была бы затруднена коммутация, возможная только при условии наличия относительно свободных рабочих рук.

Можно согласиться с Беннеттом, что коттер стоял в значительной мере вне общинной и даже до известной степени вне крепостной вотчинной организации, что он пользовался относительной «свободой» по сравнению с барщинником-виргатарием. Но можно задать вопрос: было ли это чистым выигрышем? Едва ли коттер обладал возможностью производить сельскохозяйственные улучшения на своём мелком клочке. Едва ли он выигрывал в том случае, если у него не было прав на общинном пастбище и в общинном лесу. Можно думать, что и на сельском сходе его голос не имел такого веса, как голос полнонадельного крестьянина. Резкая диференцированность английского крестьянства заставляет нас задуматься над характером английской общины. Давно уже было указано, что это община не уравнительная, что держания стали частными владениями определённых семей. Но отсюда надо сделать некоторые выводы, касающиеся манориальной курии. В этой курии также заметна диференциация. Присяжные обычно выбирались из числа зажиточных крестьян. Из их же среды выбирались те должностные лица вотчины, выбор которых предоставлялся курии,— староста (praepositus), его помощник (messor). Все они составляли ведущую группу в галимоте и стояли друг за друга. Интересы крупных и мелких крестьян уже значительно разошлись, и не трудно догадаться, чьи интересы должны были страдать при столкновении. Опять приходится припомнить Михаила Старосту, который притеснял крестьян, заставлял их работать на него, отдавать ему в аренду или даже продавать по низкой цене свои наделы, — и во всём этом его поддерживала своя партия в галимоте[1]. Какого бы мнения мы ни были относительно того, насколько манориальная курия и манориальный обычай охраняли имущественные и личные права крепостного крестьянства, мы можем думать, что права коттеров они охраняли плохо.

Мне приходилось уже отмечать одну характерную черту в положении коттеров, а именно неясность в их среде грани между свободными и крепостными. Новейшая историография склонна игнорировать то различие между вилланом и свободным крестьянином, которому историки-юристы старшего поколения отводили центральное место в своих построениях. С ними нельзя вполне согласиться: между свободным крестьянином и вилланом, свободным и вилланским держанием имеется очень заметная разница, но она всё более стирается по мере перехода от полнонадельных крестьян к коттерам. Надо отметить, что и манориальные документы и правительственные описи часто выделяют коттеров в особую группу, наряду с вилланами и свободными держателями. Так называемый статут «Extenta Manerii» («Statutes of the Realm». I, 242—243) выделяет коттариев из других категорий крестьянства: «item de libere tenentibus... item inquirendum est de Custumariis... item inquirendum est de coterellis qui cotagia et curtilagia teneant». Это может показаться одновременным и непоследовательным применением двух разных принципов деления — по личному состоянию (или характеру держания) и по размерам держания. На самом деле здесь была полная последовательность: свободным держателям, вилланским держателям и коттерам принадлежала совершенно различная роль в манориальной системе, и с этой точки зрения между свободным и несвободным коттерским держанием существенной разницы не было. Коттеры-вилланы несли ряд отработочных повинностей, но обычно большая часть их ренты имела денежный характер. Указывалось, что именно незначительность коттерской ренты, её второстепенная роль в манориальном хозяйстве и являлась моментом, облегчающим коммутацию коттеру-виллану. Но и свободный коттер очень часто наряду с денежной

[1] Selden Society, II, 94—95.

рентой нёс и отработочную (главным образом, ввиде прекарий). По характеру ренты свободный коттер мало отличался от коттера-виллана. Надо ещё прибавить, что свободный коттер был фактически лишён главной привилегии свободных держателей — возможности отстаивать свои права в королевских судах. В этом отношении он приравнивался к виллану. К нему не применялось никакого «exceptio», но платность процесса делала его недоступным для малоимущих разрядов свободного крестьянства. Свободный коттер был лишён также некоторых политических прав, хотя этому и был придан вид освобождения его от некоторых политических обязанностей. Я имею в виду хотя бы установленный в 1285 г. ценз для присяжных. Насколько мы можем представить себе этот мало оставивший следов в источниках мир крестьянской бедноты, — это нуждающаяся и бесправная масса, гораздо более бесправная, чем средние крепостные — вилланы, — причём и личная свобода и свободное держание не дают здесь существенных правовых гарантий и преимуществ.

Природа коттера выступает перед нами в двойственном аспекте. С одной стороны, он является объектом феодальной эксплоатации. Он держит землю от лорда, он уплачивает за неё ренту, несёт те или иные повинности. Но в то же время он нанимается на работу и получает заработную плату. Какой из этих аспектов является преобладающим? По Роджерсу, заработок рабочего высшей категории в деньгах и в натуре выражается примерно в 2 фунта 7 шиллингов 10 пенсов в год, считая, что работают также его жена и мальчик. Это очень высокая расценка, предполагающая годовой наём. Фригольдер, владеющий 20 акрами, по расчёту Роджерса, прирабатывает в страдную пору 1 фунт. Средняя оценка ренты несвободного коттера, считая и денежную и отработочную, составляет, по Сотенным свиткам, 2 шиллинга 1 пенс (1 шиллинг 4 пенса деньгами и 9 пенсов отработками). Если считать цифры Роджерса, относящиеся притом к более позднему времени (накануне Чёрной смерти), несколько преувеличенными, а цифру ренты сильно заниженной (в связи со многими различными дополнительными платежами)[1], то всё же сопоставление этих цифр не оставляет сомнения в том, что коттер в гораздо большей степени являлся «наёмным рабочим», чем феодально эксплоатируемым крестьянином. Но возможно, что это лишь так кажется и что эксплоатация коттера как «наёмного рабочего» не так уж далека от принудительной, феодальной эксплоатации, основанной на внеэкономическом давлении.

Мне кажется, надо различать эксплоатацию коттера администрацией манора, к которому он принадлежал, от его труда на стороне. Последний мог, хотя и с некоторыми оговорками, быть назван «наёмным трудом». Что касается «найма» в своём маноре, то можно думать, что здесь видное место занимали внеэкономические моменты. Трудно представить себе коттера — и свободный в данном случае мало отличался от крепостного — как «вольнонаёмного» рабочего. Манориальная администрация всегда имела возможность не выпускать крепостного коттера из пределов манора: он, как и другие крепостные, мог уйти лишь с её разрешения. Мы видим, что это право признавалось за манориальной администрацией государственной властью и что оно лишь подверглось некоторому ограничению в рабочем законодательстве Эдуарда III. Таким образом, манориальная администрация всегда имела возможность задержать в пределах манора нужное ей число коттеров или других не занятых на барщине лиц (сыновей, старших или младших братьев вилланов) и таким образом заставить их работать в домениальном хозяйстве, причём ни работа их, ни вознаграждение за эту работу не определялись никаким обычаем, не были занесены ни в какую опись. Можно ли применить к такого рода по-

[1] «Английское крестьянство в XIII в.», стр. 136.

рядкам наименование «наёмного труда» или же его надо квалифицировать, как изменённую форму барщины, но только в худшем виде, допускающем больший произвол, чем регулированные обычаем «consuetudines»? Основная разница заключается в том, что барщинник получает за свою работу «натуральную заработную плату» землёй, а эксплоатируемый коттер — отчасти землёй, отчасти натуральными выдачами, отчасти деньгами. Часть работ эксплоатируемого коттера в маноре и является барщиной в самом прямом смысле, установленной обычаем отработочной рентой за его надел. Но остальная часть? Здесь он находится в положении, близком к положению несвободного дворового рабочего, с той разницей, что он живёт на своём мелком наделе и работает (а равно получает вознаграждение) не круглый год, а лишь тогда, когда в этом есть надобность у манориальной администрации. «Заработная плата» эксплоатируемого коттера в таком случае гораздо больше напоминает liberationes и stipendia, получаемые дворовыми рабочими. Таким образом, коттер, эксплоатируемый в пределах манора, к которому он принадлежит, может рассматриваться как нечто среднее между феодально зависимым крестьянином и несвободным дворовым рабочим. Среди дворовых рабочих нам очень трудно различить свободных и несвободных, работающих на дворе в силу своей вилланской службы или в силу «найма». Положение тех и других в отношении содержания и вознаграждения, в сущности, одинаково.

Коттер, работающий в маноре своего лорда, одновременно платит ренту за свой надел и получает «заработную плату», т. е. liberationes и stipendia, за свою работу. Такое противоречие не создавало никаких затруднений для манориальной администрации и представляло заурядное явление в вотчинной практике. Крестьяне, отбывающие барщины и платящие оброки за свои наделы, сплошь и рядом ставились на другие работы, не входящие в их обычные барщины, и за это делались соответствующие скидки с их рент. Такого рода скидки встречаются почти в каждом приказчичьем отчёте. В манорах епископа Винчестерского староста получал за свою работу скидку с ренты в 5 s.; плугарь, пастух, кузнец, лесной сторож получали скидки от 2 до 5 s. Делались скидки и с барщин. Системы более или менее нормированных обычаем барщин и ничем не нормированного подневольного «наёмного труда» существовали в маноре рядом, взаимно переплетаясь и образуя гибкие комбинации, открывающие манориальной администрации широкие возможности маневрирования. Принудительный «наёмный труд» выступает перед нами не только в работах коттеров. И тяглые крестьяне, выкупавшие свои барщины, обязаны были иногда «наниматься» к своему лорду, если он того потребует. Отказ от барщинной системы далеко не всегда означал полное исчезновение барщины, а скорее её видоизменение. В маноре Bishop's Waltham епископа Винчестерского после общей коммутации лорд сохранил за собой право на известные службы вилланов, но за плату: «dominus habebit huius modi operarios ad liberationem et stipendia sua dum sibi placuerit» [1]. Своеобразную форму оплачиваемого принудительного труда, комбинируемого с барщиной, мы можем видеть в системе барщины с харчами, барщины с угощением, игравших видную роль во многих вотчинах. Харчи нередко «коммутировались» и заменялись денежным вознаграждением, иногда плата давалась землёй или натурой (сеном, бараном и т. д.). См. RH. II, 544: «metet 4 acras pro precariis et habebit pro cibo precariarun 8 d.»; RH. II, 788: шесть вилланов-виргатариев получают вместе во время сенокоса 15 d., во время жатвы — 6 d. В Stanton (Кембриджшир) двенадцать держателей наделов по 5 акров несут довольно тяжёлые барщины, но барщины эти не бесплатны: они получают за них квартер пшеницы,

[1] Ср Levett. Oxf St. V, 20, 33.

овцу ценой в 12 d. и ½ акра луга. Оплата барщин бывает иногда довольно высокой и, в сущности, не отличается размерами от заработной платы: 25 вилланов в Pidington (Оксфордшир) обязаны косить господский луг в течение одного дня и за это получают так называемый medsipe — 40 d. de bursa domini (RH. II, 757). В сущности, это почти полная заработная плата 25 рабочих. Манориальное счетоводство иногда считает харчи или денежное вознаграждение полным эквивалентом барщинной работы и поэтому не вносит последнюю в общую оценку рент («nihil operabitur nisi ad cibum domini» и тому подобные выражения). Работа с харчами иногда считается «nullius pretii» и не идёт в счёт при практике «venditio operum» и при коммутации. «Arure de precariis» в Peasenhall, Suff, «non appreciantur quia nichil dant» (MA. 1003. 13. Ed. I). Встречаются случаи отказа манориальной администрации от такого рода барщин, так как они считаются бездоходными. Таким образом, барщины здесь приближаются к принудительным работам по «найму». Впрочем, генетически они связаны не с наёмным трудом, а скорее с дофеодальными помочами свободных крестьян-соседей.

Интересно, что обязанность лорда давать харчи во время барщинной работы рассматривалась как доказательство против вилланского характера данной работы [1].

В иных случаях рабочий-коттер мог включаться в систему барщинных работ взамен полнонадельного крестьянина. Здесь мы наблюдаем очень своеобразную комбинацию барщинного и наёмного труда. Хозяйство виргатария и даже полувиргатария часто не могло обходиться без батраков. Неблагоприятный состав семьи такого крестьянина при перегруженности работами в пользу лорда создавал необходимость в дополнительной рабочей силе. Батрак должен был не только работать на наделе крестьянина, но и заменять его на барщине. Иногда крестьянину-барщиннику предписывалось являться на работу «с одним, двумя, тремя людьми»; иногда манориальные и правительственные описи требовали, чтобы барщинник «нашёл человека» для исполнения той или иной работы («inveniet unum hominem, duos homines» etc.). Таким образом, оплачиваемый крестьянином батрак — всего вероятнее коттер того же манора — заменял его на барщине. Оплата батрака барщинником иногда прямо оговаривалась в описи: «et inveniet unum hominem ad bondbederipam proprio custu» [2]. Вилланы в Kingstone должны были найти «operarios» для осенних работ в Foxtone (RH. II, 515). В перечислении повинностей вилланки Johana Vidua сказано, что она должна доставлять «ad magnam precariam duos homines ultra quos ibit predicta Johanna ad videndum quod bene operentur» (RH. II, 765). Иногда на барщину должны были являться мелкие держатели («подсуседки») вилланов [3]. Иногда и свободные держатели должны были являться на прекарию со своими батраками. Так, в Burcott (Оксфордшир) некий Hugo Frankeleyn, держатель 3 виргат, должен был платить своему лорду (епископу Линкольнскому) 17 s. и нести некоторые повинности, между прочим, «debet invenire omnes servientes suos locatos per annum excepta uxore sua et nutrice et pastore in autumno ad 2 precarias» (RH. II, 748). Таким образом, без коммутации, при сохранении системы барщины, труд обеспеченных землёй крестьян-барщинников отчасти заменялся трудом рабочих-коттеров. Наконец, мы встречаем и наёмных рабочих в собственном смысле этого слова. Это «extranei», «vagantes». как их называют источники, пришлые люди, нанимающиеся обычно посезонно. У нас нет оснований предполагать большую численность этой группы, хотя в неё входили и сезонные рабочие с севера и с запада и городские рабочие, приходившие в деревню на сезонные работы.

---

[1] См. примеры у Виноградова, «Collectes papers», I, 125

[2] См Петрушевский Д. Восстание Уота Тайлера, стр. 436, прим. 33. 4-е изд.

[3] Ср. Гранат. Указ. соч., стр. 59.

Надо отметить, что мы не встречаем полного соответствия между потребностью домена в рабочей силе (насколько мы можем об этом судить) и предложением её ввиде обилия мелких держателей по отдельным районам; это предполагает известные перемещения рабочей силы, хотя бы во время сезона уборки. Несомненно, в числе рабочих мы встречаем «extranei conducti», получающих содержание на тех же основаниях, что и свои рабочие, из своего манора, работающие на домене (ср. Cart. Rames. I, 473).

Если мы решаемся, наконец, этих «extranei conducti» назвать наёмными рабочими, то при этом надо сделать ряд оговорок. Мы можем говорить лишь о зарождении нового способа производства, поскольку наёмный рабочий всё ещё является одним из элементов феодального способа производства. Он часто несвободный человек, а если и свободный, то мало отличающийся от несвободного; он связан в своих передвижениях, в той или иной мере привязан к вотчине и к личности сеньора; несёт ряд повинностей в силу внеэкономического принуждения. Он не вполне оторван от земли: как правило, он малоземельный, его земельный надел, как бы мал он ни был, является одним из источников его пропитания и одним из условий, определяющих уровень его заработной платы. За свой надел он обязан платить землевладельцу феодальную ренту. Он выступает то как феодально зависимый крестьянин, то как наёмный рабочий. Он работает рядом с несвободными дворовыми рабочими и получает такое же вознаграждение, мало отличаясь от них по социальной характеристике. Наёмный рабочий всё ещё тесно связан с феодальным производством. Надо, конечно, заметить, что сельскохозяйственный рабочий, как и сельскохозяйственное производство вообще, в большинстве стран и впоследствии долго сохраняют следы своего феодального прошлого.

Роджерс очень оптимистически смотрит на положение «наёмного рабочего» в XIII веке. Денежный заработок рабочего высших категорий — плугаря, возчика и т. д. — до Чумы составлял 7 s. 6 d. в год. При этом он получал ещё выдачи зерном на 1.4.8., с некоторой надбавкой за сезон жатвы. Кроме того работали и получали содержание его жена и сын. Таким образом семья рабочего могла заработать 2.7.10 в год, что, по масштабам XIII—XIV вв. вовсе неплохо. К этому надо прибавить, что рабочий имел участок земли за невысокую ренту, он пользовался общинными правами [1]. Но Роджерс намеренно берёт лучше оплачиваемых рабочих и предполагает у них постоянный заработок. У нас нет оснований оценивать таким образом положение тех рабочих, которые оплачивались и кормились только во время работы.

По наблюдениям Роджерса, к концу XIII в. замечается возрастание заработной платы. Причины этого он видит в общем улучшении положения крестьянства, в коммутации, в росте крестьянской собственности, отчасти в распространении мануфактуры. Заработная плата была выше на востоке и около Лондона, чем в других частях Англии.

Можно сомневаться в том, что в Англии в это время наблюдалось общее улучшение положения крестьянства. Если наблюдение Роджерса относительно возрастания заработной платы правильно, то его надо было скорее связать с ростом цен на продукты питания.

Если у нас есть основания сомневаться в благополучии крестьян, обеспеченных наделом, то тем более сомнений вызывает нарисованная Роджерсом оптимистическая картина положения рабочих-коттеров. Наличие у них мелких клочков земли едва ли много содействовало их благополучию. Припомним, как Ленин рисует положение «наёмных рабочих с наделом»: «Ничтожный размер хозяйства на клочке земли и притом хозяйства, находящегося в полном упадке (о чём особенно наглядно сви-

---

[1] Rogers. A history of agriculture and prices, I. 264 и сл.

детельствует сдача земли), невозможность существовать без продажи рабочей силы... в высшей степени низкий жизненный уровень — даже уступающий, вероятно, жизненному уровню рабочего без надела, — вот отличительные черты этого типа»[1]. Сдача земли была, повидимому, распространённым явлением и среди английских коттеров XIII века. Если мы вспомним к тому же, что коттер являлся наиболее беззащитным и бесправным элементом в деревне; что на него обрушивались в первую очередь все невзгоды тогдашней жизни и, в частности, притеснения манориальной администрации; что его заработок зависел от лорда, который волен был отпустить или не отпустить его; что он был в конце концов по преимуществу объектом внеэкономического принуждения; что община, манориальная курия и манориальный обычай едва ли его защищали, а защита королевских судов была для него тем более недоступна, то перед нами начнёт вырисовываться довольно безотрадная картина. При обилии малоземельных, при спорадичности и неустойчивости спроса на рабочие руки в сельском хозяйстве, при общей необеспеченности жизни коттер едва ли мог прожить, не должая, что могло создавать дополнительную зависимость от господского двора или от зажиточного односельчанина и становиться источником новых отработков. Припомним, что притеснения манориальной администрации выражались, между прочим, в требовании работы на полях представителей этой администрации. Повидимому, коттеру приходилось очень много работать и очень мало получать за свою работу.

На фоне знакомой картины крепостной деревни, где более или менее обеспеченные землёй крестьяне-общинники несут фиксированные барщины, пользуются охраной обычая и курии и имеют известные возможности для накопления, начинает вырисовываться совсем иная деревня, где почти половина населения лишена какой бы то ни было охраны, её работа никак не определена и не фиксирована, и она находится не на границе нужды, а, несомненно, в самой настоящей нужде. Такие часто ускользающие от нас явления, как «venditio operum», как замена несущего барщины полнонадельного крестьянина коттером, заставляют предполагать, что сравнительная роль регулированных барщин и нерегулированного труда рабочих-коттеров была не такова, как нам раньше казалось.

Таким образом, в вотчинах XIII в. мы находим обычно комбинацию нескольких форм труда — в основном труда подневольного.

1. Прежде всего это система барщинного труда, система отработочных рент, в большей или меньшей степени фиксированных обычаем, отбываемых главным образом полнонадельными крепостными крестьянами-виргатариями и полувиргатариями. При этой системе эксплоатируется не только труд, но и инвентарь зависимых крестьян. Как основная система она выступает больше всего в старинных больших церковных и светских вотчинах крупных феодалов. Часть феодальной ренты отдаётся зависимыми крестьянами ввиде натуральных или денежных взносов, часть барщин ежегодно «продаётся», т. е. заменяется денежными платежами.

2. Другая система, тесно связанная с первой, — система дворовой службы. Повидимому, основной контингент рабочих рук берётся здесь из вилланских семейств и притом на время (на год). Вероятно, наличие некоторого количества постоянных слуг. Здесь работа производится при помощи господского инвентаря. Рабочие живут на господском дворе и получают там прокорм, выдачи натурой (liberationes) и денежное вознаграждение (stipendia). Повидимому, эта система применялась также преимущественно в крупных вотчинах, располагавших значительным количеством вилланов.

3. Система принудительного «найма», падавшая, повидимому, пре-

[2] Ленин. Соч. Т. III, стр. 129.

имущественно на коттéров. Распространение её мы вправе предполагать главным образом в мелких вотчинах, где первая система не играла определяющей роли. В тех манорах, где не было полнонадельных вилланов или где отсутствовали или были незначительны барщинные повинности, эта система могла играть основную роль. Но и в крупных «барщинных» манорах её роль была гораздо более значительной, чем это можно заключить из манориальных и правительственных описей.

4. Наконец, нельзя игнорировать начало развития наёмного труда в прямом смысле, протекающего в условиях господства феодального способа производства, но уже заключающего в себе элементы капиталистической эксплоатации.

Ни одна из этих систем не выступает в XIII в. в чистом виде, а всегда в более или менее гибкой комбинации. Кажущаяся неподвижной и рутинной система фиксированных барщин обладала на самом деле значительной гибкостью благодаря практике господства «venditio operum», возможности заменить любые работы денежными платежами и возможности заменить барщинный труд «наёмным» (в условном смысле) в тех размерах, в каких это требовалось. Сельскохозяйственные рабочие quandoque accrescunt et quandoque decrescunt»[1]. Сельскохозяйственные трактаты XIII в. отметили это сосуществование нескольких систем организации труда. Вальтер де Хенли говорит в основном преимущественно о труде вилланов-барщинников и постоянных дворовых рабочих — неясно, вилланов или свободных, — но анонимный трактат «Hosebondrie» специально поднимает вопрос о наёмных рабочих, которым надо платить денежную заработную плату, сопоставляет систему сдельной и подённой оплаты. Парижская рукопись, изданная Лакуром[2], говорит о найме постоянных (годовых) рабочих со стороны, от которых требуются рекомендация и поручительство[3].

Бросим беглый взгляд и назад и вперёд, выясним, какова давность описанных форм и каковы были дальнейшие стадии их развития.

Только ли в XIII в. рабочий-коттер начинает играть крупную роль в манориальном хозяйстве? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы вспомнить о бордариях и коттариях Книги страшного суда. Всем хорошо известны смущающие цифры этого источника: около 108 500 вилланов, около 82 тыс. бордариев, около 6800 коттариев, около 25 тыс. рабов (servi), около 23 тыс. сокменов, около 12 тыс. liberi homines. Бордарии и коттарии, малоземельные крестьяне, составляют, таким образом, свыше трети всего сельскохозяйственного населения. Если даже учесть, что в число бордариев и коттариев могло попасть известное количество ремесленников, рыбаков и т. д., то цифра всё же остаётся достаточно выразительной.

Какие перемены можно здесь констатировать между XI и XIII веками? Мы можем сопоставить по отдельным графствам цифры для Книги страшного суда и для Сотенных свитков. Конечно, такие сопоставления, как уже говорилось ранее, сопряжены со многими трудностями. Терминология обоих источников различна. Хорошо известно, что термин «виллан» означал в XI в. совсем другое, чем в XIII в., что в вилланах Книги страшного суда можно видеть предков не только вилланов, но и многих свободных держателей XIII в., что лица одного и того же состояния заносились в одном месте в разряд сокменов, в другом — вилланов и т. д. Термин «бордарии» исчезает из позднейших источников, исчезают также и «сервы», в том смысле, в каком этот термин употребляется в Книге страшного суда. Всё же приблизительное сопоставление возможно. Вот

---

[1] Neilson. Customary Rents. Oxf. St. II, 174.

[2] «Traité d'économie rurale Bibl. de l'École des Chartes», t. II, 4 me serie. 1856

[3] См. сб. «Агрикультура в памятниках западного средневековья». Изд. АН СССР. 1936.

цифры важнейших разрядов населения по Книге страшного суда в тех графствах, которые охвачены Сотенными свитками.

Графства	Вилланы	Сокмены и liberi homines	Бордарии	Коттарии	Сервы
Кембриджшир	1 907 39	213 5	1 428 29	736 15	548 12
Гентингдоншир	1 933 79	22 1	490 20	—	—
Бедфордшир	1 829 52	107 3	1 132 32	—	474 13
Бекингемшир	2 893 43	20	1 651 25	1 326 20	833 11
Оксфордшир	3 545 55	26	1 889 29	—	963 15
Уорвикшир	3 500 57	19	1 775 29	—	845 14
Всего	15 607 52	407 1	8 365 28	2 062 7	3 363 12

Мы, вероятно, не очень ошибёмся, если отнесём вилланов, сокменов и liberi homines к полнонадельным крестьянам, а бордариев и коттариев — к малоземельным, хотя нам и неизвестно, где здесь проводили границу составители великой переписи XI в. и насколько она соответствует той, которую мы приняли в наших подсчётах материала XIII века. Но как быть с сервами? Если рабы (theows, esnes) англо-саксонской эпохи ко времени Книги страшного суда уже успели в значительной части превратиться в оседлых крепостных, то, очевидно, этот процесс завершился между XI и XIII веками. Но стали они полнонадельными крестьянами или коттерами? Последнее является более вероятным.

Сопоставим эти соотношения с теми, которые были нами ранее выведены для XIII века. Мы должны помнить, что таблица для XIII в. основана на выборочном материале и, таким образом, у нас нет полного территориального совпадения между сопоставленными районами.

В скобках взяты цифры со включением сервов.

Соотношение полнонадельных и малоземельных крестьян

Графства	ДВ	RH
Кембриджшир	44 : 44 (56)	28 : 72
Гентингдоншир	80 : 20	47 : 53
Бедфордшир	55 : 32 (45)	40 : 60
Бекингемшир	44 : 45 (56)	36 : 64
Оксфордшир	56 : 29 (44)	71 : 29
Уорвикшир	58 : 29 (42)	60 : 40
Всего	53 : 35 (47)	54 : 46

Как ни грубы и приблизительны эти сопоставления, они, мне кажется, позволяют сделать некоторые выводы. Важнейшим из них является тот, что отслоение малоземельного крестьянства в основном определилось уже в XI веке. К XIII в. оно значительно подвинулось вперёд в восточных графствах — в Гентингдоншире и Кембриджшире; в более западных — Уорвикшире и Оксфордшире — оно как будто мало изменилось или даже пошло на убыль. Впрочем, здесь возможны ошибки: вопрос потребовал бы более детального сопоставления по отдельным сотням и виллам. Очень

соблазнительно было бы общее приращение малоземельных хозяйств отнести за счёт посаженных на землю сервов; тогда получилось бы полное совпадение итоговых цифр. Но серваж был, как кажется, более развит на западе, между тем как главное приращение процента малоземельных мы наблюдаем на востоке.

Во всяком случае, перед нами факт крупнейшего значения для всей проблемы истории феодального способа производства в его английском варианте. Уже в XI в., а повидимому, и значительно ранее, в Англии был налицо очень значительный слой малоземельного крестьянства, вынужденного жить работой на чужой земле. Это факт давно известный, но мне кажется, что из него не были сделаны все выводы. Даже Гранат, специально занимавшийся этим вопросом, рассматривает его преимущественно под углом зрения «исконности» резкого деления крестьянства и развития «пролетариата». Но вопрос надо поставить несколько иначе. Мы должны констатировать, что английская феодальная вотчина складывалась и развивалась при наличии и росте многочисленного малоземельного крестьянства, являющегося постоянным (и растущим) источником рабочей силы. Невозможно представить себе, чтобы это наличие малоземельного крестьянства не влияло на ход развития феодальной вотчины и не создавало здесь специфической «деформации».

Нам уже приходилось раньше отчасти касаться вопроса о происхождении крестьянского малоземелья. Мы видели, что его нельзя рассматривать как результат разложения феодальной деревни под влиянием развития товарно-денежных отношений, хотя это развитие значительно усиливает процесс расслоения деревни. В основном картина отслоения малоземельных сложилась в Англии уже в XI в.; в этот период трудно говорить о разложении феодального строя, обычно говорят о его незавершённости.

Выяснялось, что мелкое держание возникает в процессе развития феодальной вотчины, нуждавшейся для правильной организации барщинной системы в определённом числе крестьянских дворов, снабжённых достаточным количеством земли и инвентаря. Ограниченность возможностей вотчины в этом направлении приводила к чрезвычайно медленному возрастанию числа вилланских дворов нормального типа и к образованию в маноре избыточного населения, наделявшегося мелкими держаниями, с незначительным инвентарём. Едва ли можно согласиться с Гранатом, что в этом процессе главную роль играли особенности английской почвы, требовавшей тяжёлого плуга и, стало быть, значительного числа рабочего скота.

Аналогичные явления мы встречаем и в других странах. В том же направлении должно было действовать и дробление свободного держания в результате разделов и отчуждений. С другой стороны, Виноградов показал, что тяготение к единонаследию характерно не только для вилланских, но и для свободных держаний и, таким образом, и здесь отслаивались малоземельные. Во всяком случае, уже в XI в. около 40% крестьянства, если исключить сервов, в изучаемых нами графствах принадлежало к малоземельным. Процент этот увеличился к XIII в., особенно в восточных графствах, преимущественно на усиленно мобилизовавшейся земле свободных держателей, но увеличение не очень значительно и говорит лишь о дальнейшем развитии уже сложившегося строя.

Какое влияние оказывало на процесс образования английской феодальной вотчины наличие многочисленного слоя малоземельного крестьянства, возможность находить рабочие руки среди бордариев и коттариев, а не только среди дворовых-рабов и снабжённых землёй крепостных? Можно высказать предположение, что эта возможность должна была в известных случаях задерживать развитие барщинной системы. В ряде случаев эксплоатация труда коттеров могла быть для феодала

выгодней, чем организация барщинного манора или эксплоатация рабского дворового труда. Впрочем, выбор той или иной системы или, вернее, той или иной комбинации трёх (или даже более) систем часто зависел не от соображений выгоды или рационализации, а от исторически сложившихся условий и возможностей. Так, организация барщинного манора предполагала возможность широкого наделения барщинников землёй. В типичных барщинных манорах земля вилланов обычно вдвое превосходила домен. Крупному феодалу, распространяющему свою власть на целые общины, легче было при организации вотчины отправляться от сложившейся организации крестьянской деревни и облагать её барщинными работами. Барщинная система требовала довольно сложной администрации, надзора, министериалитета, использования общинной системы в целях надзора над работой и круговой поруки; требовала особо суровых форм принуждения, крепостничества. То же в значительной степени относится и к организации дворового труда, тесно связанного с крепостнически-барщинной вотчиной.

В ином положении должен был находиться мелкий вотчинник, располагавший ограниченными земельными владениями, очень стеснённый в распоряжении общинными угодьями, где его права переплетались с правами других вотчинников. Он не мог предоставлять барщинным крестьянам полные наделы, он, естественно, стремился выкроить из своей земли возможно больший домен, по возможности ограничивая размеры держательской земли [1]. У него не было возможности заводить дорогостоящий аппарат принуждения и контроля. Да и власть мелкого вотчинника над населением, особенно в ту пору, когда он не мог очень рассчитывать на помощь государства, едва ли могла идти в сравнение с властью сильного духовного или светского лорда. Правда, мелкий вотчинник мог лично осуществлять функции контроля и принуждения, но, может быть, легче было иметь дело с забитыми и неорганизованными коттерами, чем с «крепкими» крестьянами-общинниками.

Труд коттера был выгоден для феодала тем, что он оплачивался не круглый год, как труд дворового рабочего, а лишь во время работы. Система коттерских держаний давала возможность получать ренту с плохих и неудобно расположенных частей домена, с мелких заимок. При этом рента мелкого держания была сравнительно высока, несмотря на свои незначительные абсолютные размеры. Виргата в 30 акров приносила гораздо меньше ренты, находясь в руках одного крестьянина, чем 10 коттерских участков по 3 акра. Если мы возьмём средние цифры, то вилланская виргата в среднем несёт повинностей на 0.10.8, а десять коттерских держаний — на 1.0.10, т. е. почти вдвое больше. И помимо этого с 10 коттеров можно было получить больше работы, чем с одного виргатария. Наличие значительного числа малоземельных крестьян в английской средневековой деревне давало возможность домениальному хозяйству обходиться без вилланской барщины или использовать её неполностью, лишь отчасти. Там, где отсутствовала барщина или она была незначительна, при господстве денежной ренты, у нас нет необходимости предполагать, что эта барщина была ранее, что она коммутирована. Вполне возможно, что в ряде маноров барщина не развилась вовсе или недоразвилась, всегда выступая в комбинации с трудом коттеров, который вовсе не знаменовал развития капиталистических отношений и мог быть квалифицирован как труд подневольный. Таким образом, был возможен рост домена и домениального хозяйства помимо роста барщин и, во всяком случае, не в прямой с ним связи.

Может быть, благодаря этому в Англии мог сохраниться значительный слой свободного крестьянства, не знавшего барщины и от лёгких

[1] См. мою статью «Мелкая вотчина в средневековой Англии».

натуральных взносов перешедшего прямо к денежной ренте (о прекариях я не говорю). Может быть, благодаря этому вилланы не все и не всюду проходили через стадию тяжёлых барщин. Несомненно, с этим связана лёгкость коммутации — в тех случаях, когда коммутировались барщинные повинности.

Эксплоатация труда мелкого зависимого держателя не может быть названа капиталистической, она не является и типически феодальной. Морфологически она ближе всего к рабовладельческой и представляет переход от эксплоатации дворовых рабов к эксплоатации зависимых крестьян [1]. Коттер получает такое же вознаграждение, как servus — дворовый,—но в дополнение к этому имеет хижину и мелкий земельный участок. В мелком коттере элемент рабской эксплоатации доминирует; нетрудно установить ряд градаций — от раба до типичного феодального крестьянина.

Я вовсе не хочу сказать, что коттеры произошли от рабов, хотя наличие в их составе этого элемента, возможно, оказало известное влияние на социальное и экономическое положение коттеров.

С другой стороны, эксплоатация коттеров, не будучи капиталистической, сравнительно легко может перейти в таковую, значительно легче, чем эксплоатация феодально зависимого крестьянина, которого надо было ещё обезземелить, чтобы превратить в пролетария. Коттер уже отчасти лишён средств производства, он принуждён «продавать» свою рабочую силу. Эта «продажа» пока происходит в условиях феодального строя, но она легко может перейти в капиталистическую эксплоатацию. stipendia и liberationes могут стать заработной платой, и коттер может стать «оседлым рабочим», «рабочим с наделом», а потом и рабочим без надела, потому что его легко было согнать с земли. Основным моментом здесь был разрыв феодальной, внеэкономической связи между коттером и лордом манора, который являлся в то же время и «нанимателем» (хотя полуфеодальные связи между нанимателем и «оседлым рабочим» долго держатся в аграрной среде). Этот разрыв уже намечается у extranei, vagantes, бродячих или перехожих рабочих. В широком масштабе эта «антифеодальная» тенденция как будто бы выступает в «рабочем законодательстве» XIV в., ограничивающем права лорда манора по отношению к коттеру (или, точнее, всякому недостаточно обеспеченному землёй крестьянину); «domini preferantur aliis in nativis seu terram suam nativam tenentibus sic in servicio suo retinendis ita tamen quod huius modi domini sic retineant tot quot sibi fuerint necessarii et non plures» [2]. Мне кажется, однако, что Д. М. Петрушевский сильно преувеличивал антифеодальную тенденцию этого предписания, не повторённого, к тому же, в дальнейших законах о рабочих. Ведь параграф этот, в сущности, ничего нового не вводил и имел целью закрепление существовавшего порядка и прежде всего охрану прав лорда. А отпускать излишних людей на заработки было в обычае и раньше. Едва ли можно согласиться также и с тем, что условия, созданные рабочему люду ордонансом и статутами, лишали его, в сущности, всех человеческих прав. У рабочего люда было очень мало «человеческих прав» и ранее, и это неправильное толкование связано с тем, что Д. М. Петрушевский сильно преувеличивал прежнюю свободу как виллана, так и мелкого свободного держателя, между которыми невозможно провести резкую разницу (в последнем с ним вполне можно согласиться).

---

[1] Связь здесь может быть и генетическая. Раб, как можно видеть из Книги страшного суда, иногда был связан с землёй. С другой стороны, и бордарий был связан с господским хозяйством, см. примеры у Виноградова «Growth of the Manor», 374, n. 12.

[2] Ордонанс 18 июня 1349 г., Statutes of the Realm, I, 307—308.

Несомненно, Чёрная смерть не создала рабочего вопроса в Англии. Она была лишь толчком, вызвавшим к жизни «рабочее законодательство». Я не буду поднимать здесь вопроса о роли Чёрной смерти в аграрной истории Англии, о силе и длительности её влияния на сложившиеся ранее манориальные порядки. Ряд исследований показал, что влияние это было очень разнообразно, что во многих местах оно было кратковременным и что крупные перемены, происходившие в аграрном строе Англии во второй половине XIV в., не имеют прямой связи с чумой 1348 года. Замечательное исследование A. E Levett «The Black death on the estates of the see of Winchester» (Oxford. St. V.) получило ряд подтверждений в специальных изысканиях, например E. Robo «The Black death in the hundred of Furnham» (EHR, October 1929). Рабочее законодательство продолжало существовать и развиваться и тогда, когда о Чёрной смерти давно забыли. «Неизменно враждебное рабочему классу» рабочее законодательство являлось показателем всё большего вытеснения барщинной системы системой найма, растущего развития капиталистических отношений, причём, как это свойственно раннему капитализму, «наниматель» стремился закабалить «рабочего», подчинить его не только экономически, но и «внеэкономически» — через складывавшееся в это время в большую силу феодальное государство. Как уже отмечалось, призыв к рабочему законодательству, требование всё бо́льших строгостей исходили от «общин», которые иногда противопоставляли себя в этом отношении лордам, крупным сеньорам. Именно в мелкой вотчине, где не получила развития барщинная система, происходило раннее развитие капиталистических отношений.

Рассматривая причины раннего развития капитализма в аграрной Англии, мы не можем пройти мимо того факта, что в этой стране очень рано, ещё до полного развития феодального строя, и, во всяком случае, при этом строе существовал значительный слой малоземельного крестьянства, работавшего на полях сеньоров (преимущественно мелких) и зажиточных крестьян, получавшего за это харчи и некоторую денежную плату, не подчинённого рутине барщин и манориального обычая. Повторяем, из этого слоя гораздо легче создавался новый класс наёмных рабочих, чем из полнонадельных крепостных крестьян, тем более, что его связь с манором была значительно слабее. Если предположить, что по крайней мере часть коттеров произошла от посаженных на землю рабов, если принять в расчёт, что в их положении много общего с положением рабов — потом дворовых рабочих, — то придётся и здесь, как уже много раз раньше, констатировать, что сохранность дофеодальных порядков легко смыкается с разложением феодализма.

Коттер феодальной эпохи оставил нам мало следов своей жизни, своих настроений, идей. Нам трудно отличить его в общей массе крестьянских движений Но всё же, мне кажется, мы можем найти его следы отчасти у крепостника Гауэра и в известной поэме Ленгленда, где автор трактует рабочих с точки зрения добродетельного нанимателя· не то место, где он глумится над гастрономической привередливостью рабочего, не желающего есть несвежие овощи и холодный обед, а такие места: «Его можно нанять только за высокую плату, иначе он будет браниться и оплакивать тот день, когда он сделался рабочим». Думаю, что многим рабочим и тогда, и раньше, и впоследствии приходилось оплакивать этот день. Но дело не ограничивалось оплакиванием· «Он злобствует на бога и ропщет на разум и проклинает короля со всем его советом за то, что они заставляют его исполнять такие законы, которые притесняют рабочих». Это звучит знаменательно. Рабочие ненавидят не только сеньоров и добродетельных хозяев, проповедующих им по евангелию и по Катону терпеливое перенесение бремени бедности, но и короля, и его совет, и законы, притесняющие рабочих.

Мы подошли вплотную к восстанию Уота Тайлера, в котором, мне кажется, есть возможность выделить идеологию малоземельного коттера, превращающегося в наёмного рабочего и страдающего прежде всего от малоземелья и рабочего законодательства, и идеологию обеспеченного землёй крепостного крестьянина, превращающегося в товаропроизводителя и тяготящегося больше всего крепостным правом и феодальной рентой. В центре восстания перед нами два графства с разной социальной структурой, с разными программами, с разной тактикой. Это крепостной Эссекс и «свободный» Кент. Именно Кент, где было мало вилланов, но много малоземельных, выдвинул наиболее радикальную программу социального и политического переустройства. Здесь имела большой успех проповедь Джона Болла, призывавшего к истреблению феодалов, к установлению общего равенства и общности имуществ [1].

---

[1] См. мою статью «К вопросу о свободном держании» в сб. «Средние века». Т. I, стр. 63—65.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНСТАНТИНА И МЕФОДИЯ В ВЕЛИКОМОРАВСКОМ КНЯЖЕСТВЕ

Проф. Н. Грацианский

В истории многовековой борьбы славян с немцами деятельность Константина и Мефодия занимает очень важное место. Основоположники славянской письменности много потерпели от бешеной ненависти немцев, всячески пытавшихся погубить их начинания в области укрепления самобытной славянской культуры. Подвижнические труды солунских братьев, не боявшихся терпеть лишения и даже мучения в борьбе за славянское дело, заслуживают того, чтобы вспомнить о них в настоящее время, когда настал час окончательной победы славян и всех свободолюбивых народов над немецкими варварами.

Великоморавское княжество, где протекала деятельность Константина и Мефодия, стало складываться, как известно, в первой половине IX века. Первым известным нам моравским князем был Моймир, сплотивший в целях противодействия натиску немцев Баварии родовые союзы славян в долине Моравы. Одновременно другой славянский князь, Прибина, имевший пребывание в Нитре, за рекою Вааг, объединил соседних словаков. Моймир, столкнувшийся в своих объединительных стремлениях с Прибиною, победил его и расширил свою границу до теперешней Венгрии [1]. Изгнанный Моймиром, Прибина искал помощи у немцев и получил от короля Людовика Немецкого территорию у Блатенского озера [2], т. е. всю Нижнюю Паннонию, между Раабом, Дравою и Дунаем. В болотистой и лесистой местности на реке Сала, впадавшей в Блатенское озеро, Прибина построил город Блатно и, сделавши его своей резиденцией, привлёк туда много славянских колонистов [3]. Будучи обращены в христианство немцами, Прибина и его сын Коцел успешно насаждали у себя новую веру и строили церкви, причём массами нахлынувшее к ним немецкое духовенство из Баварии приобретало здесь большие богатства. Включённая в церковном отношении в состав баварского зальцбургского архиепископства, Нижняя Паннония пользовалась исключительным вниманием баварских духовных властей: сами архиепископы неоднократно посещали столицу Прибины [4].

Преемник Моймира в Моравии—его племянник Ростислав (с 846 г.)—продолжал работу своего дяди по объединению моравских племён, воздвигал крепости и, будучи христианином, покровительствовал миссионерам, приходившим не только из Баварии, но также из Италии и из Византии [5]. Самостоятельная политика Ростислава и связь его с немецкими перебежчиками и изменниками [6] встревожили короля Людовика Немецкого, и он пытался силою положить конец деятельности славянского князя. Эта попытка, однако, кончилась неудачей, и Ростислав,

---

[1] Conversio Carantanorum (Pertz, SS. XI, 1, sqq), c. 10.
[2] Ibidem, c. 11.
[3] Ibidem.
[4] Ibidem, c. 13.
[5] См. об этом в «Житии» Мефодия, гл. V.
[6] См. Dümmler, Geschichte des Ostfränkischen Reiches. Bd. I, S. 389. 2. Auflage. Leipzig. 1887—1888.

сам перейдя в наступление, предал огню и мечу соседнюю территорию восточной марки [1]. В дальнейшем Ростислав расширил границы своего княжества до пределов Болгарии [2]. В начале 60-х годов он напал на Блатенское княжество и лишил жизни Прибину [3]. Коцел вынужден был бежать в Регенсбург [4], но потом вернулся и наследовал отцу в Нижней Паннонии. Надо полагать, что новый блатенский князь, продолжая подчиняться немцам, заключил какое-то соглашение с Ростиславом. По крайней мере, до самой своей смерти он не имел ни с Ростиславом, ни с его преемником никаких столкновений.

Отстаивая свою независимость от немцев, Ростислав понимал опасность проникновения в Моравию представителей немецкого духовенства. Это были те же самые немецкие захватчики, которые с крестом в руках пытались добиться у славян того, чего они не могли получить с помощью меча,— земель, доходов и власти. Эти пришельцы учили и совершали богослужение на непонятном для населения латинском языке, всецело были преданны немецким интересам и относились враждебно ко всяким проявлениям славянской культуры; они старались искоренить её вместе с язычеством. К тому же они были проводниками немецкой колонизации, так как имели обыкновение привлекать немецких поселенцев на пожалованные им земли. Принципиально Ростислав стоял за принятие христианства, которое, по его мнению, должно было включить славян в семью западноевропейских народов и отнять у немцев предлог для грабительских походов в славянские земли, совершаемых якобы для искоренения языческой веры. Ростислав не хотел только латино-немецкого христианства. Он, конечно, слышал о другом, восточном (византийском), христианстве и видел его отдельных представителей, которые могли проникать в Моравию из соседней Болгарии. Византийское духовенство не брало десятины, не было враждебно местной, самобытной культуре и даже не чуждалось проповеди на местном языке. Ростислав не мог не знать, что балканским славянам христианство проповедовалось по-славянски. Но самым главным было то, что византийское христианство не представляло никакой опасности в политическом отношении.

Всё это и побудило Ростислава как умного и дальновидного политика просить византийского императора о присылке греческих миссионеров в Моравию. С этой целью им снаряжено было в 862 г. в Византию посольство, во главе которого стал племянник Ростислава — Святополк, управлявший тогда бывшими владениями Прибины — княжеством Нитранским.

Характерно, что о последующих событиях, связанных с деятельностью славянских первоучителей Константина и Мефодия, не говорит ни одно историческое известие западноевропейского происхождения [5]. Немцы, относившиеся с ненавистью к солунским братьям, сознательно о них умалчивают; другие — не немецкие — анналисты и историки, очевидно, или ими не интересуются или же ничего о них не знают. Ничего не говорят о Константине и Мефодии и византийские историки, так как деятельность братьев протекала в отдалённых от Византии землях. Тем драгоценнее для нас так называемые «Паннонские Житии» Константина и Мефодия, специально и довольно подробно повествующие о их жизни и деятельности в Моравии и Паннонии [6]. Хотя эти «Житии» и не совре-

---

[1] Annales Fuld. (recogn. F. Kurze, in usum sholarum. Hannov. 1891), a 855, p. 45—46.

[2] События начала 60-х годов говорят за то, что к этому времени границы Моравии и Болгарии соприкасались.

[3] Conversio Carantanorum, c. 13.

[4] Meichelbeck Hist. Fresing, I. b, p. 388; ср. Dümmler. Op. cit., II, 24.

[5] За исключением Conversio Carantanorum. См. о нём ниже.

[6] См их в издании П. А. Лаврова. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Труды славянской комиссии Академии наук Т. I. Лнгр. 1930. См. также Ястребов Н. Сборник источников для истории жизни

менны деятельности солунских братьев, но они составлены на основании надёжных преданий, достоверность которых блестяще подтверждается всякий раз, как мы имеем возможность сравнить их с данными немногих сохранившихся официальных документов западноевропейского происхождения, главным образом папских писем и инструкций папским легатам. По «Житию» Константина, послы Ростислава обратились к императору Михаилу с такими словами: «Наши люди оставили язычество и приняли христианство, но у нас нет такого учителя, который объяснил бы нам на языке нашем христианскую веру... Поэтому пошли нам, государь, такого епископа и учителя» [1]. Характерно, что Ростислав просит прислать епископа для организации моравской церкви, каковое обстоятельство особенно ярко подчёркивает политическую цель посольства из Моравии. Вместе с тем Ростислав просит прислать «учителя», и притом такого учителя, какой объяснил бы моравским славянам на их языке христианскую веру. По «Житию» Мефодия, Ростислав просто указывал на необходимость учительства и наставничества в правой вере: «Пришли к нам многие учители христианской веры из Италии, Греции и Германии, учат нас различно, а мы, славяне, простые люди, и нет среди нас такого человека, который наставил бы нас на истину и сказал правду» [2]. Совершенно ясно из этих известий, что христианство в Моравии ко времени прибытия посольства получило уже широкое распространение. Требовалось утверждение в вере правильным «учительством» на славянском языке, и особенно важна была для славянского князя независимая от немцев церковная организация, возглавляемая византийским епископом.

Результаты посольства далеко превзошли ожидания Ростислава. Правда, он не получил из Византии епископа, но он получил выдающихся проповедников и учителей, которые принесли с собой в Моравию не только живую проповедь на славянском языке, но и начатки славянской письменности и тем самым положили твёрдое начало самобытной славянской культуре.

Братья Константин и Мефодий, откликнувшиеся на призыв моравского князя, были македонские греки знатного происхождения (отец их, Лев, был «друнгарий под стратигом») [3]. Они родились и выросли среди славян Солуни (Фессалоники) и потому прекрасно владели славянской речью. «Ведь вы оба—солуняне,— будто бы говорил братьям император Михаил,—а солуняне все хорошо говорят по-славянски» [4]. Известна широкая и глубокая образованность младшего из братьев — Константина, сведущего во «всех учениях эллинских» и недаром получившего от современников прозвание философа. Он учился у лучших учителей Цареграда, между прочим, у знаменитого Фотия, с которым потом поддерживал дружеские отношения [5]. Отказавшись от блестящей светской карьеры, Константин стал священником и был назначен «библиотекарем у патриарха в св. Софии», где он лучше всего мог удовлетворить своё влечение к знанию. Потом он был преподавателем в одной из лучших школ византийской столицы [6]. Между прочим, Константин получил очень хорошую языковую подготовку: он, повидимому, изучил арабский язык в связи со своим путешествием в Сирию для прений о вере с тамошними

и деятельности Кирилла и Мефодия. СПБ. 1911. Оба «Жития» в дальнейшем цитируются по изданию Лаврова. См. литературу об этих «Житиях» у Ильинского. Опыт систематической кирилло-мефодьевской библиографии, стр. 20 сл. София. 1934.

[1] «Житие» Константина. Гл. XIV.

[2] «Житие» Мефодия. Гл. V.

[3] «Житие» Константина. Гл. II.

[4] «Житие» Мефодия. Гл. V.

[5] По свидетельству папского библиотекаря Анастасия, он был fortissimus eius amicus — Mansi. Concil. ampl. collectio, XVI, 6; ср. Ястребов. Указ. соч., стр. 75.

[6] «Житие» Константина. Гл. IV.

арабами (агарянами), несомненно, знал еврейский, может быть, также другие восточные языки [1]. В Крыму, во время путешествия для проповеди христианской веры хазарам, Константин познакомился с «русскими письменами» [2], характер которых до сих пор остаётся невыясненным. Такая широкая языковая подготовка и дала возможность Константину изобрести славянскую азбуку. По общепринятому мнению, это так называемая «глаголица». Буквы её не могут быть целиком сведены к греческому алфавиту: помимо элементов личного творчества философа здесь видно также влияние языков восточных [3].

Очевидно, Константин с величайшим энтузиазмом принял предложение ехать для проповеди христианства в Моравию. Утомлённый долгими предыдущими путешествиями (особенно трудным путешествием к хазарам) и будучи болен [4], он не задумался оставить свои любимые занятия, столицу, где всё было к услугам культурного человека, и пуститься в новое путешествие в чужую и далёкую страну, откуда он едва ли надеялся вернуться ввиду своего расстроенного здоровья.

Константин взял с собою в Моравию старшего брата Мефодия, который уже сопровождал философа в его путешествии в Хазарию. Мефодий сначала занимал высокую светскую должность (повидимому, в Македонии), но потом, тяготея к созерцательной жизни и научным занятиям, ушёл в малоазийский монастырь (на Олимпе). Там он, согласно его «Житию», «покорно пребывал в повиновении... и прилежно занимался книгами» [5].

Стремление к уединению заставило Мефодия отказаться от предложенного ему сана архиепископа, но он вынужден был стать во главе одного византийского монастыря (сделаться игуменом этого монастыря) [6], оставаясь, однако, всё время простым монахом (даже не священником). Не обладая широкими познаниями брата, Мефодий не уступал ему твёрдостью воли и отличался выдающимися способностями организатора, которые блестяще проявил впоследствии в Моравии. Надо думать, что Мефодия толкала на подвижническое путешествие к далёким славянам не только преданность самой идее их просвещения в духе христианства, но и горячая любовь к младшему брату, нуждавшемуся ввиду его физического состояния в постоянной заботе и помощи. Возможно, что с Константином и Мефодием отправились в Моравию и другие представители греческого духовенства, хотя определённых известий по этому вопросу не имеется.

Когда братья прибыли (в 863 или 864 г.) после трудного путешествия в Моравию, народ встретил их здесь с величайшим восторгом. Этот восторг очень хорошо отмечен в нашей начальной летописи, где мы читаем: «И ради быша словени, яко слышаша величия Божия своим языком» [7]. Братья не только проповедовали по-славянски, они читали на богослужениях по-славянски евангелие, так как воскресные чтения евангелия были переведены Константином на славянский язык ещё в Византии [8]. Всё же греческое богослужение, которое совершали братья, не

---

[1] «Житие» Константина. Гл. VIII.

[2] Там же. По выражению проф. Голубинского, приведённое место «Жития» Константина «сокрушило головы славянским исследователям» («История русской церкви». Т. I, стр. 49. 1901); см. литературу о «русских письменах» у Ильинского. Указ. соч., стр. 66—67; ср. Vaillant A. Les lettres russes de la vie de Constantin «Revue des Etudes slaves», 15. 1935. Также см. Vernadsky G. Ancient Russia, p. 345 sqq. New H-ven. 1943.

[3] См библиографию у Ильинского, стр. 101 и сл.

[4] См. «Житие» Константина. Гл. XIV «..и троуден сы телесом и болен, рад идоу тамо».

[5] «Житие» Мефодия. Гл. III.

[6] Там же, гл. IV.

[7] Лавров П. «Материалы...», стр. 105.

[8] «Житие» Константина. Гл. XIV.

было понятно ни народу, ни князю с его приближёнными, привыкшими к латинскому обряду. Это заставило Константина приступить к переводу на славянский язык греческих богослужебных книг, что и было им в скором времени выполнено. «И отверзлись... уши глухих для услышания слов книжных, и ясен был язык косноязычных» [1].

С самого же начала своего пребывания в Моравии братья собрали учеников и стали обучать их славянской грамоте [2]. Так миссионеры из Византии сразу же кладут начало самостоятельной славянской письменности и содействуют развитию самостоятельной славянской культуры в Моравии. Высокообразованные, бескорыстно преданные своему делу, чуждые всякого стяжательства, близкие и понятные народным массам, братья выступили как прямая противоположность алчным, в большинстве невежественным и чуждым народу немецким миссионерам, которые, надо думать, потеряли всякое влияние, а вместе с тем и большую часть своих доходов в Моравии. Понятна поэтому та злоба, с которой обрушилось на Константина и Мефодия немецкое духовенство Моравии и Баварии, указывавшее на незаконность совершения богослужения на славянском языке и утверждавшее, что «бог избрал только три языка — еврейский, греческий и латинский, которыми подобает воздавать ему славу» [3]. «Вступив в борьбу с ними, как Давид с иноплеменниками (так значится в «Житии»), Константин победил их словами книжными и назвал «треязычниками», потому что они ссылались на то, что надпись Пилата на кресте Христа была написана на трёх языках» [4].

В данном случае столкнулись два течения и две практики христианской церкви: одно, исходившее от церкви восточной, отличалось широкой терпимостью в смысле употребления в церковном обряде языков разных народов; другое, исходившее от западной церкви, отличалось в этом отношении полной нетерпимостью. Протест против славянской богослужебной практики облёкся в Моравии в форму своеобразного «треязычия», но, естественно, не имел пока никакого успеха, так как братья опирались на поддержку широких народных масс, не говоря уже о самом Ростиславе.

Ростиславу вскоре после прибытия Константина и Мефодия в Моравию снова пришлось отбиваться от немцев. В августе 864 г. они, действуя в союзе с болгарами [5], большими массами вторглись в Моравию и осадили Ростислава в его крепости — Девине. Ростислав вступил в мирные переговоры с Людовиком, выдал требуемых заложников и «клятвенно обещался со всеми своими вельможами, что он будет вечно служить королю», хотя, спешит добавить немецкий анналист, «он совсем не соблюл эту клятву» [6].

Повидимому, Ростислав не имел возможности сопротивляться соединённым немецко-болгарским полчищам в открытом поле и поэтому вынужден был принять немецкие условия мира. Эти условия вкорне изменяли положение, создавшееся после 855 г., так как Ростислав на этот раз признал себя вассалом Людовика Немецкого и принял на себя соответствующие вассальные обязательства. Правда, мир с Ростиславом был негадёжным миром, но всё же он знаменовал собою бесспорную временную победу немцев, и эта победа не могла не усилить позиции немецкого духовенства в Моравии. Оно чинило решительные препятствия торжеству дела Константина и Мефодия тем, что отказывалось посвящать их

---

[1] «Житие» Константина. Гл. XV.
[2] Там же «..и собрав оученики, вдасть я оучити».
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Annales Bertiniani (Hincmari), a 864 (rec G. Waitz, in usum scholarum. Hannov. 1883), p 72.
[6] Annales Fuldenses, a. 864, p. 62.

учеников в духовное звание. Формальным основанием отказа могла быть ссылка на незнание или плохое знание ими латинского языка, считавшегося обязательным для клириков западной церкви. Братья оказались в очень затруднительном положении, так как сами не могли ставить своих учеников на церковные должности: Константин был всего лишь простым священником, Мефодий же — только монахом. Славянский обряд не мог, таким образом, распространяться в Моравии по той простой причине, что некому было отправлять его.

Братьям ничего не оставалось делать, как искать разрешения возникших затруднений где-нибудь вне Моравии и Баварии. «Житие» Константина повествует, что, «40 месяцев пробыв в Моравии, он пошёл посвятить учеников своих» [1]. В «Житии» Мефодия говорится, что «по прошествии 3 лет» братья, «научивши учеников, вернулись из Моравии» [2]. Итак, «Житии» не указывают, куда направились Константин и Мефодий для посвящения учеников своих. Известно, что в конечном итоге путешествие привело их в Рим, однако оба «Жития» согласно утверждают, что братья получили особое приглашение явиться в Рим от папы Николая I, когда были в Венеции [3]. Трудно допустить, что они с самого начала намеревались искать разрешения своих затруднений именно в Риме. Наоборот, они имели все основания опасаться, что папа, как глава латинской западной церкви, отнесётся неодобрительно к неслыханному на Западе новшеству—славянскому богослужению. Не могли также братья не знать о дружеском расположении Николая I к Людовику Немецкому [4], каковое обстоятельство никак не могло способствовать торжеству Константина и Мефодия над немецкой партией в Моравии. Вопрос о цели путешествия братьев вызвал в исторической литературе большие споры, однако трудно не согласиться с теми исследователями, которые считают, что целью этого путешествия была Византия: там, у себя дома, братья наверняка могли рассчитывать разрешить все свои затруднения. Может вызвать некоторое недоумение то обстоятельство, что Константин и Мефодий оба одновременно покинули Моравию, как бы оставив тем самым на произвол судьбы своих учеников и последователей в трудное для них время. Объяснение этому, повидимому, надо опять-таки искать в состоянии здоровья Константина, которого Мефодий не мог оставить без попечения. Но само собой разумеется, что уход обоих братьев был нарукy немцам, которые, таким образом, на долгое время освободились от своих соперников в Моравии.

Братья держали путь в Венецию, откуда легко можно было попасть на один из кораблей, совершавших регулярные рейсы в Византию. Путь их лежал через территорию княжества Коцела в Паннонии. Коцел принял византийских миссионеров «с великою честью». Он «возлюбил вельми» славянские письмена, научился им сам и «отдал до 50-ти учеников учиться им» [5]. У нас сохранилось очень мало известий о блатенском князе Коцеле, но то, что мы о нём знаем, рисует его миролюбивым, умным и культурным человеком, который сразу оценил огромное значение для славян начинания Константина и Мефодия и принял горячее участие в этом начинании. Воспитанный в западном, латинском христианстве, подчинённый немцам в политическом и церковном отношениях, Коцел не побоялся сразу же стать на сторону братьев и послать с ними для посвящения многочисленных учеников, которые утвердили бы славянское богослужение в Паннонии. В дальнейшем, как мы увидим, Коцел всемерно

---

[1] «Житие» Константина. Гл. XV.
[2] «Житие» Мефодия. Гл. V.
[3] «Житие» Константина. Гл. XVII; «Житие» Мефодия. Гл. VI.
[4] См. сообщение о молитвах Николая I за успех немецкого похода в Моравию в 864 г. в письме его к Людовику Немецкому. Migne. PL. t. CXIX, c. XI, col. 863.
[5] «Житие» Константина. Гл. XV.

поддерживал братьев, пока это было в его силах, но его вмешательство очень осложнило вопрос об организации славянской церкви.

Прибыв в Венецию, Константин имел здесь столкновение с местным духовенством, нападавшим на славянские богослужебные книги. В «Житии» Константина говорится, что в Венеции «собрались против него латинские епископы, священники и черноризцы, как вороны на сокола, и воздвигли треязычную ересь». Отвечая своим противникам, Константин, между прочим, стыдил их тем, что, признавая в церковной практике только три языка, «они обрекают на слепоту и глухоту» все остальные народы. Далее философ ссылался на практику восточной церкви, допускавшей «хвалу богу» на языках многих народов. Приведя затем доводы «от Писания», он закончил доводами от простого здравого смысла, указавши, что совершенно бессмысленно учить евангелию на языке, непонятном для обучаемых [1].

Как раз в это время папа Николай I прислал братьям приглашение прибыть в Рим, и они не могли не откликнуться на это приглашение, так как голос папы в делах Западной церкви уже тогда был решающим. Братья прибыли в Рим в сопровождении своих многочисленных учеников из Моравии и Паннонии в конце декабря 867 г. или в начале января 868 г., когда папы Николая I уже не было в живых и на его место был избран новый папа — Адриан II. Преемник Николая I принял Константина и Мефодия с большой торжественностью и честью, но эта честь, собственно, относилась не к ним, а к той христианской святыне, которую они имели с собой, именно — к мощам Климента, папы римского.

Позиция папы в вопросе о славянских богослужебных книгах оказалась очень благоприятной для братьев, может быть, вопреки их ожиданиям. Повидимому, в данном случае на папу оказали влияние события в Болгарии. Болгарский царь Борис, незадолго перед тем принявший христианство из Византии, порвал с ней и обратился в августе 866 г. к папе, который послал в Болгарию для организации новой церкви двух епископов. Славянский язык в богослужении не мог не представляться папе мощным орудием завоевания папским престолом прочного авторитета у широких масс не только западного, но и южного славянства, в том числе и болгар царя Бориса. Отказ же от славянского богослужения мог обратить симпатии западных и южных славян к Византии. Вот почему несмотря на дружбу Константина с восточным патриархом Фотием, которого Николай I отлучил от церкви, папа решительно принял сторону философа. Правда, и в Риме были ярые противники Константина, но здесь же были у него и сильные сторонники. Среди последних прежде всего надо назвать высокообразованного папского библиотекаря Анастасия, который бывал в Константинополе, хорошо знал греческий язык и греческую литературу и высоко ценил учёность и строгость жизни Константина. В своём предисловии к актам Константинопольского собора 869 г. Анастасий называет Константина «мужем великой святости» [2], а в письме к Карлу Лысому — «мужем великим и наставником апостольской жизни, Константином философом» [3]. Ещё в одном письме он именует его «мужем великой мудрости» [4].

Приняв под свою защиту славянские книги, папа положил их в одной из римских церквей и распорядился торжественно совершить над ними литургию. Потом два епископа произвели посвящение в духовное звание славянских учеников Константина и Мефодия. Посвящён был также в священники Мефодий, до той поры остававшийся простым монахом.

---

[1] «Житие» Константина. Гл. XVI.

[2] Magnae sanctitatis vir. Mansi, XVI, 6. Перепечатано у Ястребова. Сборник источников, стр. 75

[3] Vir magnus et apostolicae vitae praeceptor Constantinus philosophus; Ястребов Указ. соч., стр. 76

[4] Sapientissimus vir. Там же, стр. 77.

Наконец, чтобы сломить всякую оппозицию славянскому обряду, папа велел отправлять в течение нескольких дней подряд в разных римских церквах богослужение по-славянски[1].

Константин добился таким образом торжества своего дела, но далёкое путешествие и постоянные волнения окончательно погубили его надломленное здоровье, и 14 февраля 869 г. философ скончался 42 лет от роду. Перед смертью он принял схиму и новое имя — Кирилл, которым обычно его и именуют в исторической литературе. В «Житии» Константина говорится, что на смертном одре он молил бога сохранить его «стадо» и погубить «треязычную ересь»[2]. По «Житию» Мефодия, Константин, прощаясь с братом, завещал ему не уходить домой, в любимый монастырь, а продолжать дело славянской миссии в Моравии. Так великий просветитель славян до последнего момента своей жизни был занят заботами о судьбе своего начинания в области славянской письменности и славянского обряда в богослужении.

Тем временем Коцел, с нетерпением ждавший возвращения братьев, послал в Рим узнать о положении дела со славянской миссией. По «Житию» Мефодия, «послал Коцел к папе (послов) и просил отпустить к нему Мефодия, блаженного учителя нашего. Папа отвечал: «Не тебе одному только, но и всем странам славянским посылаю его учителем». Далее в «Житии» говорится, что папа отправил Мефодия к Ростиславу, Святополку и Коцелу с новым посланием. В этом послании Адриан II, именуя Мефодия «сыном» апостольского престола, «мужем, исполненным разума, и правоверным», торжественно утверждал практику богослужения на славянском языке и славянские книги. «Если кто из избранных вами учителей,— говорил папа,— дерзновенно начнёт соблазнять вас, порицая книги на языке вашем, такой да будет отлучён, доколе не исправится. Такие люди суть волки, а не овцы, которых следует знать по плодам их и остерегаться их». Папа потребовал только, чтобы на литургии апостол и евангелие читались сначала по-латыни, а потом уже по-славянски[3].

Итак, папа направлял Мефодия в качестве учителя не только к славянам Моравии, но и к славянам Паннонии. Но, расширяя поле деятельности Мефодия как учителя славян, уполномоченного совершать богослужение на славянском языке, папа не поставил его епископом. Это значило, что славянская церковь не получала самостоятельной организации и попрежнему зависела от соседних немецких епископов. Такая политика папы, несомненно, объяснялась затруднениями, связанными с организацией церкви в Паннонии. Если Моравия в церковном отношении формально не была причислена ни к какой епархии, то Паннония, включая княжество Коцела, давно сделалась частью баварского зальцбургского архиепископства, и поэтому выделение её вместе с Моравией в особую епархию явилось бы прямым вызовом немцам, привыкшим смотреть на Паннонию как на своё достояние. Папа тем более не решался пойти на разрыв с немцами, что этот разрыв мог бы поставить в трудное положение Коцела как ленника немцев.

Между тем политическая обстановка складывалась благоприятно для славян княжества Ростислава и Коцела. В течение 868 и 869 гг. немцы имели со славянами ряд пограничных столкновений и понесли от них большие потери[4]. Эти пограничные столкновения завершились большим походом против славян, снаряжённым Людовиком Немецким в августе 869 года. Поход окончился неудачно для немецкого короля[5], и эта неудача не могла не привести к падению его авторитета среди славян-

---

[1] «Житие» Константина. Гл. XVII.
[2] Там же. Гл. XVIII.
[3] «Житие» Мефодия. Гл. VIII.
[4] Annales Bertiniani (Hincmari), a. 869, p. 101.
[5] Annales Fuldenses, a. 869, p. 69.

ства. Почти одновременно на Западе у немцев начались столкновения с Карлом Лысым [1], и Людовик Немецкий снова временно был отвлечён от дел на восточной границе.

Коцел, надо полагать, учёл затруднения немцев и решил ими воспользоваться, чтобы провести совместно с Ростиславом организацию самостоятельной славянской церкви. Мы видим, таким образом, что славянская письменность и славянский язык в богослужении сближают два когда-то враждебных славянских княжества, диктуя им единую политику по отношению к немцам. Блатенский князь, с честью принявший вернувшегося из Рима Мефодия с учениками, «снова послал его к папе вместе с двадцатью почтенными мужами, чтобы посвятил его на епископство Паннонии, на престол св. апостола Андроника» [2]. Это значило, что Коцел, прельщённый перспективой распространения и утверждения самобытной славянской культуры в своём княжестве, не побоялся окончательно порвать с немцами в церковном отношении. Ростислава, конечно, нечего было и спрашивать по этому делу, так как он давно уже хотел иметь своего епископа — не немца. Теперь окончательное решение вопроса зависело от папы.

Мефодий вторично прибыл в Рим в сопровождении посольства Коцела, повидимому, весною 870 года. В это время в Рим пришло известие из Болгарии о том, что царь Борис порвал с папским престолом и снова признал власть патриарха Византии. Византийская дипломатия, таким образом, восторжествовала в Болгарии, и это было большим уроком для папства. Славяне Моравии и Паннонии были соседями болгар. И не следовало ли принять решительные меры к тому, чтобы удержать их за папским престолом? Это соображение положило конец последним колебаниям папы, и он решил поставить Мефодия славянским архиепископом с учреждением для него обширной епархии, которая охватывала всю древнюю Паннонию, а также лежавшие севернее и восточнее от неё славянские страны. Юридически учреждение новой епархии было облечено в форму восстановления старой метрополии Сирмиума, окончившей своё существование во время варварских нашествий в 582 году. Славянский язык в богослужении должен был, по мнению папы, сплотить паннонских и соседних славян и закрепить верховенство над ними папского престола [3].

Совершенно правильно было отмечено в исторической литературе, что это смелое мероприятие Адриана II было настоящим «объявлением войны» немецкой церкви и восточнофранкскому королевству Людовика Немецкого [4]. Особенно были затронуты интересы зальцбургского духовенства, имевшего, как уже было сказано выше, большое количество земель и большие доходы в Нижней Паннонии. Немцы не могли сдать без боя свои позиции в славянских землях. Предстояла жестокая борьба, в которой в силу обстоятельств папство временно выступило в качестве союзника славян и защитника славянской культуры. Это, однако, был ненадёжный союзник, и вся тяжесть борьбы пала на плечи Мефодия. Начался период тяжёлых испытаний для этого человека, во время которых он обнаружил всю силу и всё величие своего характера.

Поставленный архиепископом Паннонии и папским легатом у славянских народов, Мефодий, повидимому, избрал на первых порах своим местопребыванием столицу Коцела, чтобы вводить в его княжестве славянское богослужение. Эта мирная деятельность архиепископа могла, однако, продолжаться всего лишь в течение нескольких месяцев. В том

---

[1] См. об этом Dümmler. Geschichte des Ostfränkischen Reiches Bd. II, S. 281 ff.
[2] «Житие» Мефодия. Гл. VIII.
[3] См. об этом Dvornik. Les slaves, Bysance et Rome au IX siècle, p. 205 sqq.
[4] См., например, Dümmler. Op. cit., Bd. II, S. 263.

же, 870 г. она была прервана трагическими событиями, разыгравшимися в это время в Моравии.

Не будучи в состоянии одолеть моравского князя силой, немцы прибегли к самым подлым ухищрениям, поднявши против Ростислава его племянника Святополка. Святополк, устроив засаду, захватил Ростислава и передал его в руки немцев [1], которые в ноябре 870 г. устроили комедию суда над славянским князем. Суд осудил Ростислава и приговорил его к смертной казни, но Людовик «милостиво» заменил казнь ослеплением и пожизненным заключением [2]. Ростиславу выкололи глаза и сослали его в один из немецких монастырей [3], где он и окончил жизнь в неизвестности.

Изменник Святополк, без сомнения действовавший с расчётом на то, что немцы в благодарность за услугу посадят его на престол дяди, жестоко обманулся в своих ожиданиях. Сын Людовика — Карломан — попросту присоединил Моравию к восточной марке и отдал её в управление графам этой марки [4]. Святополку, повидимому, было оставлено его Нитранское княжество, которым он управлял, как вассал Карломана. Таким образом, погубив дядю, Святополк ничего не добился и даже ухудшил своё положение, так как был поставлен под бдительный контроль немцев. В следующем году он был обвинён в измене и арестован [5].

Такова была политическая обстановка в Моравии, когда Мефодий стал действовать в своей епархии. Само собой разумеется, что при создавшихся обстоятельствах немцы никак не могли терпеть самостоятельной славянской церкви, и Мефодий оказался перед ними совершенно беззащитным, так как единственный его покровитель Коцел сам по себе, конечно, не был в состоянии оказать ему существенную поддержку. Баварские епископы не замедлили учинить расправу над главой славянской церкви. Тотчас же после его прибытия к Коцелу архипресвитер Рихбальд, которого архиепископ зальцбургский поставил для управления немецкой церковью в Паннонии, заявил протест и удалился в Баварию, чтобы принести там жалобу своему начальству [6]. Немецкие хищники арестовали Мефодия и поздней осенью (или зимой) 870 г. на соборе баварских епископов учинили над ним такую же комедию суда, какая почти одновременно была учинена над Ростиславом. По «Житию» Мефодия, немцы обвиняли его, говоря: «Ты учишь в нашей области». Мефодий ссылался на папское посвящение, которого, очевидно, не хотели признавать немцы, и обвинял своих противников в алчности. На соборе присутствовал «враг моравского короля», под которым надо разуметь Людовика Немецкого, так как дальше «Житие» тоже именует его королём. Мефодий держал себя на соборе с большим достоинством и с непоколебимой твёрдостью отстаивал своё правое дело. Это ещё более ожесточило немецких епископов, и они приговорили его, с санкции короля, к тюремному заключению [7].

Таковы краткие данные «Жития» о суде и расправе над Мефодием. Папские письма и инструкции папским легатам рисуют некоторые детали этого возмутительного дела. Оказывается, немцы били Мефодия кулаками [8], а один из них — епископ пассовский — Эрменрих, явившийся в зал

---

[1] Annales Fuldenses, a. 870, p. 70; Annales Bertiniani (Hincmari), a. 870, p. 114.

[2] Annales Fuldenses, a 870, p. 72. Cp. Reginonis Chronicon, a. 860 (Pertz, SS. I. p. 570); ср. также Annales Xantenses, a. 871 (Pertz, SS. II, p 234).

[3] Annales Bertiniani (Hincmari), a. 870, p. 114

[4] Annales Fuldenses, a. 870, p. 70—71; a. 871, p 73.

[5] Ibidem, a 871, p 73.

[6] Conversio Carantanorum, c. 12.

[7] «Житие» Мефодия. Гл. IX.

[8] См. инструкцию папы своему легату Павлу Анкочскому (873): Ястребов. Указ. соч., стр. 80—81. Здесь, между прочим, читаем: «Vos.. episcopum ad apostolica — sede missum carceri mancipantes et colaphis affligentes.

заседания в одежде всадника, порывался ударить Мефодия бичом по лицу, и присутствующие с трудом остановили разбушевавшегося прелата[1]. Из той же папской переписки мы узнаём, что почтенного архиепископа, которому в это время было 60 лет, заключили в холодную тюрьму, где он претерпел все невзгоды зимнего времени[2].

Повидимому, в это время баварское духовенство составило своеобразную историческую записку «об обращении хорутан и баварцев в христианство». В этой записке, предназначенной, надо думать, для папы, немецкие епископы старались доказать исторические права зальцбургской архиепископии на Нижнюю Паннонию, куда из Баварии проникло христианство. Здесь, так значится, между прочим, в записке, до последнего времени мирно распоряжался архипресвитер Рихбальд, пока «некий грек, по имени Мефодий», не стал вводить «вновь придуманную» славянскую письменность и вытеснять в «высокомерной гордости» латинский язык и латинскую письменность вместе с римским вероучением. Этим он отвратил церковную общину от тех, кто читал евангелие и совершал богослужение по-латыни. В заключение в записке говорится, что в течение последних 75 лет никакой другой епископ, кроме зальцбургского, не пользовался духовной властью в Паннонии и что до появления учения Мефодия никакой пришлый священник не осмеливался отправлять здесь службы более трёх месяцев, не представив удостоверения от своего епископа[3]. Последнее замечание определённо говорит о том, что немцы решительно не признавали за Мефодием епископского посвящения и, считая его простым священником, подводили учителя славян под категорию бродячих клириков (clerici vagi), которые, как не имевшие удостоверения от своих епископов, подлежали, согласно соборным постановлениям, церковному суду и дисциплинарному взысканию.

В то время, когда Мефодий сидел в заключении, одиноко и терпеливо страдая за славянское дело, в Моравии опять произошли важные события, положившие здесь конец торжеству немцев. После ареста Святополка здесь вспыхнуло широкое народное восстание против немецких захватчиков, во главе которого стал священник Славомир, происходивший из княжеского рода. Этот Славомир, без сомнения, был одним из учеников Константина и Мефодия, может быть, ввиде исключения, под давлением Ростислава посвящённый немцами в духовное звание. Славомиру удалось нанести поражение немцам и захватить столицу Ростислава[4]. Тогда для подавления восстания немцы решились на очень рискованную меру, именно: отправили против Славомира во главе немецких войск Святополка, которого Карломан поспешил освободить из заключения и осыпать подарками[5]. Карломан хотел противопоставить Святополка Славомиру и тем спасти положение. Однако Святополк, хорошо узнавший, чего стоят друзья его немцы, на этот раз совсем не собирался действовать в их интересах. Расположив немецкое войско под стенами ростиславовой столицы, Святополк отправился к восставшим якобы для склонения их на сторону немцев, в действительности же «для отмщения оскорбления, нанесённого ему Карломаном»[6]. Договорившись со своими соплеменниками, Святополк внезапно напал с большими силами на немецкое войско и разбил его наголову[7]. Погибли при этом и те два графа, которые правили от имени немцев

[1] См. письмо папы этому епископу от сентября 873 г. adeo in insaniam veniens ut in episcoporum consilium tractum equinno flagello percuteres, nisi prohiberetur ab aliis; Ястребов. Указ. соч., стр. 82.

[2] Там же.

[3] Conversio Carantanorum, изданное Pertz'ем (SS XI,I sqq.), перепечатано у Ястребова. Указ. соч., стр. 98—107. Ещё раньше оно было перепечатано Бильбасовым Кирилл и Мефодий. Т. I, стр. 111 сл. 1868.

[4] Annales Fuldenses, a. 871, p 73.

[5] Ibidem.

[6] Ibidem, p. 74.

[7] Ibidem.

в Моравии [1]. Так, меланхолически замечает фульдский анналист, «вся радость баварцев по поводу одержанных побед обратилась в скорбь и рыдание» [2]. Узнав о страшном поражении своего войска, Карломан в замешательстве собрал всех моравских заложников и спешно послал их Святополку, чтобы обменять на захваченных немцев. Святополк в насмешку послал Карломану в обмен лишь одного, да и то полуживого баварца [3].

Так орудие немцев обратилось против них же самих, и в лице своего бывшего друга и союзника они нажили непримиримого врага, в дальнейшем в течение четверти века державшего их в постоянном страхе. Освободив одним решительным ударом Моравию и став её независимым князем, Святополк своими успехами привёл в движение соседних чехов и сербов, и таким образом оказалась под угрозой вся восточная граница немцев от Нижней Салы до Дуная. Надо думать, что уже тогда наметился союз сербов и чехов с моравами. Во всяком случае, немцы считали выступления сербов, чехов и моравов согласованными и потому решили воевать с ними одновременно. Уже в следующем, 872 г. они направили против славян сразу три армии. Из них некоторый успех имела лишь одна, действовавшая против чехов. Две другие армии потерпели решительное поражение [4], и в 874 г. немцы вынуждены были заключить со Святополком мир в Форгхейме, окончательно отказавшись по этому миру рассматривать Моравию как немецкую провинцию [5].

К тому времени были урегулированы и церковные дела в Моравии, и Мефодий, целых два с половиной года сидевший в заключении у немцев, был отпущен, наконец, на свободу. Во время немецкого засилья в Моравии и Паннонии ему неоткуда было ждать помощи, так как единственный его приверженец Коцел, несомненно, запуганный немцами, не имел возможности открыто выступить на защиту своего архиепископа. Оставался папа, которому, естественно, надлежало жаловаться на незаконные действия немцев, но, во-первых, папа, повидимому, мало интересовался тем, что происходило в Моравии, во-вторых, немцы зорко следили за тем, чтобы папа не был осведомлен об их поступках. Из инструкций папскому легату Павлу Анконскому (873 г.) следует, что Мефодий во время своего заключения пробовал посылать папе и письма и посланцев [6], но, очевидно, и те и другие перехватывались немцами. Возможно, что пытался снестись с Римом также и Коцел, и до папы доходили какие-то смутные слухи о расправе с Мефодием. На это намекает то обстоятельство, что при папском дворе спрашивали приезжавшего туда по одному делу епископа фрейзингенского о Мефодии. Однако этот участник суда над Мефодием нагло заявил, что он даже не знает такого человека [7]. Так немцы хотели замести следы своего преступления. Это, конечно, не удалось, и новый папа, Иоанн VIII, вступивший на престол в декабре 872 г. и заинтересовавшийся судьбою Мефодия, узнал о его заключении. Возможно, что его известил об этом Коцел, о котором определённо известно, что ему удалось вступить в переписку с Римом в начале понтификата Иоанна VIII [8]. Возможно, что папа получил извещение от самого Мефодия, через одного его посланца [9]. Как бы то ни было, но уже весной 873 г. папа был в курсе всего того, что случилось с Мефодием, и немед-

---

[1] Annales Bertiniani (Hincmari), a. 871, p. 117.
[2] Annales Fuldenses, a. 871, p. 74.
[3] Ibidem
[4] Ibidem, a. 872, p. 76.
[5] Ibidem, a. 874, p. 83.
[6] «...apostolicam sedem per ipsum triennium plurimis missis et epistolis proclamantem»; Ястребов. Указ. соч. стр. 81.
[7] MG. Epistolae, VII, p. 286; Ястребов. Указ. соч., стр. 83.
[8] См. об этом у Dümmler. Op. cit. Bd. II, S. 380, n. 1.
[9] Это был монах Лазарь, о котором идёт речь в инструкциях легату; Ястребов. Указ. соч., стр. 82.

ленно принял энергичные меры для обуздания ненависти немецких епископов. Папа тем более пришёл в негодование, что в деле Мефодия были затронуты основные прерогативы папского престола.

В мае 873 г. Иоанн VIII послал в Германию в качестве своего легата епископа анконского Павла, который должен был на месте расследовать действия немцев. В письме, которое легат должен был передать Людовику Немецкому, папа решительно отстаивал свои права на Паннонию и опровергал, между прочим, те доводы, которые приводили в свою пользу авторы записки «об обращении хорутан и баварцев в христианство» [1]. В особом кратком письме, адресованном Карломану, папа требовал, чтобы Мефодию, архиепископу паннонскому, было предоставлено свободное пользование всеми правами в его епархии [2]. В инструкции папскому легату ему вменялось в обязанность привести к послушанию баварских епископов [3], которым тоже были посланы папские письма со строгими приказаниями, причём архиепископ пассовский и епископ фрейзингенский объявлялись под церковным запрещением и вызывались в Рим для личных объяснений. Всем епископам ставилась на вид незаконность их действий: они не имели никакого права судить архиепископа [4]. Папский легат должен был лично сопровождать Мефодия в Моравию, невзирая на опасности военного времени [5].

Все папские приказания были выполнены, и освобождённый из заключения Мефодий отбыл в свою епархию. Нет сомнения, что решающее значение в этом деле имели блестящие победы Святополка, положившие конец немецкому засилию в Моравии и заставившие немцев считаться с славянами и их архиепископом. Лишь в одном пункте враги Мефодия как будто одержали над ним победу: папа запретил ему совершать богослужение на славянском языке, разрешив славянскую речь только в церковной проповеди [6]. С точки зрения Иоанна VIII, вопрос о языке в богослужении, очевидно, был вопросом второстепенным. Для папы важнее всего были вопросы церковной организации и иерархии, связанные с утверждением его примата на Западе, в том числе в славянских странах. Совсем по-другому смотрел на дело Мефодий. Для него самое его архиепископство было лишь средством утверждения самостоятельной славянской церкви, главным орудием которой в борьбе с немецким засильем были славянская письменность и славянское богослужение. Вот почему Мефодий не мог отказаться от славянского богослужения, и он от него не отказался, рискнувши в данном случае не послушаться папы.

По «Житию» Мефодия, немецкие епископы, освободившие по приказанию папы славянского архиепископа, продолжали запугивать Коцела, говоря: «Не быть тебе от нас добра, если будешь держать его у себя» [7]. Это известие «Жития», очевидно, надо понимать в том смысле, что Коцел хотел удержать Мефодия в Паннонии, но что ему не удалось это сделать, и Мефодий ушёл в Моравию, к Святополку. Коцел вскоре после освобождения Мефодия скончался, не оставив наследников, и Блатенское княжество перешло под непосредственную власть Карломана: уже в 874 г. в столице Коцела распоряжается немецкий граф Гозвин [8]. Трудно думать, чтобы при таких обстоятельствах церковная власть Мефодия фактически признавалась в Паннонии и чтобы здесь утвердилось славянское богослужение. Повидимому, в бывшем княжестве Коцела попрежнему продол-

---

[1] Ястребов. Указ. соч., стр. 80—81.

[2] Там же, стр. 84.

[3] Там же, стр. 81; см. также все эти материалы в MG. Epistolae, VII, 280 sq.

[4] См. письма архиепископу и епископу у Ястребова. Указ. соч., стр. 82—84; ср. инструкцию легату, там же, стр. 81.

[5] См. инструкция легату у Ястребова. Указ соч., стр 82.

[6] Об этом мы узнаём из письма папы Мефодию от 879 г MG Epistolae, VII, 160 Migne PL. CXXVI, col. 850. Перепечатано у Ястребова Указ соч, стр. 84.

[7] «Житие» Мефодия. Гл. X.

[8] Dümmler. Op. cit. Bd. II, S. 382.

жали хозяйничать немцы. Известно, что в 874 г. архиепископ зальцбургский Титмар лично освящал одну вновь построенную церковь в Блатно [1]. Совершенно неизвестна судьба тех 50 учеников, которых Коцел посылал с Мефодием и Константином для посвящения в духовное звание. Возможно, что часть их всё же действовала в Паннонии, часть осталась пока не у дел, часть же ушла в Моравию.

Деятельность Мефодия сосредоточилась в моравском княжестве, где для неё сложились благоприятные условия. По «Житию» Мефодия, «мораване, поняв, что немецкие священники, которые жили у них, питают к ним неприязнь и куют на них ковы, прогнали их всех» и призвали Мефодия [2]. Речь идёт, конечно, о широком народном движении против немцев во время восстания Славомира, когда немецкое духовенство — это прямое орудие немецкого господства в Моравии — естественно подверглось преследованию и изгнанию. Далее «Житие» повествует, что «князь Святополк со всеми моравлянами принял Мефодия и поручил ему все церкви и новопосвящённых во всех городах» [3]. Это значит, что Мефодий не имел уже соперников по устройству моравской церкви и что его ученики беспрепятственно заступили место изгнанных немцев, всюду насаждая славянское богослужение. Длительный мир с немцами, продолжавшийся до 882 г., как нельзя более способствовал укреплению самостоятельности моравской церкви. По «Житию» Мефодия, в Моравии всё более и более упрочивалось христианство и увеличивались кадры духовенства [4]. Церковное единство, способствовавшее большей сплочённости населения княжества, вместе с тем способствовало расширению его пределов, так как вовлекало в круг влияния моравской церкви соседние славянские области и тем помогало их политическому объединению с Моравией. Это очень хорошо отмечено «Житием», в котором говорится, что при Мефодии вместе с успехами церковными «самая моравская область начала распространяться во все стороны и побеждать врагов своих» [5]. Крестился и принял к себе духовенство из Моравии какой-то сильный «князь в Висле», попавший в плен к Святополку и, повидимому, признавший от него свою зависимость [6]. Крестился чешский князь Буривой из рода Пржемысла (874—879) со своей супругою Людмилою [7]. Этот князь, проживавший в Праге и положивший начало объединению славян в Богемии, принял славянское богослужение и, признав свою церковную зависимость от моравского архиепископа, вместе с тем вступил в политический союз со Святополком в целях совместной борьбы с общими врагами — немцами.

К сожалению, мирным успехам славянской церкви мешала политика того человека, который, казалось бы, должен был больше всего её поддерживать,— самого князя Святополка, совершенно не понимавшего значения дела Мефодия. Будучи обманут Карломаном и порвавши со своими немецкими союзниками, Святополк, однако, всё время продолжал оставаться под влиянием латинско-немецкой культуры и немецкого духовенства. Он смотрел свысока на славянскую письменность и не хотел признавать другого языка в богослужении, кроме латинского. Он не мог поэтому обходиться без немецкого духовенства, которое постепенно опять стало проникать в Моравию и приобретать сильный вес при дворе князя. Это немецкое духовенство тем более было приятно Святополку, что оно, в противоположность суровому и строгому Мефодию, всячески старалось угодить князю, потворствуя его дурным наклонностям, о которых так красноречи-

---

[1] Dümmler. Op. cit. Bd II, S. 382, n 3.
[2] «Житие» Мефодия. Гл X.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же, гл. XI.
[7] Cosmas. Chron. Boemor. I, c. 10; ср. Vita et passio s. Wenceslai, c 2; Я. Порсбов. Указ. соч., стр. 116—119.

во говорится в «Житии» ученика Мефодия — Климента. «Житие» называет Святополка человеком «грубым», «совершенным невеждою в познании божественных истин», «варваром» по воспитанию, «с умом, помрачённым нечистотою плотоугодия», «рабом женских удовольствий» [1]. По «Житию», немцы «уловили князя лестию», и «Святополк, будучи развращён этими людьми, которые во всём ему потакали, весьма мало обращал внимания на то, что говорил ему Мефодий», с которым он обращался, «как с врагом своим» [2].

Учитывая преувеличения, вполне естественные в произведении, посвящённом прославлению человека, лично пострадавшего от действий Святополка, мы всё же должны признать, что здесь ярко обрисован образ грубого воина, необузданного приверженца мирских удовольствий, человека, совершенно чуждого христианской морали. То, что мы знаем о предыдущей жизни Святополка, нисколько не расходится с этой характеристикой: по данным Фульдских анналов, он восстал против дяди, руководствуясь только соображениями собственной выгоды [3]. Будучи отважным и непобедимым воителем, Святополк плохо разбирался в вопросах веры и церковного устройства и совсем не отличался широкими политическими способностями Ростислава. Церковь Мефодия, которому он лично не симпатизировал, была для него церковью черни, и он лишь терпел славянское богослужение, совершенно не понимая его культурного и политического значения. Правильно выразился один современный чешский историк: «Мефодий, грек по происхождению, лучше Святополка понимал, что нужно было моравам и их соседям для утверждения своего места в Европе» [4].

Хитрые и коварные немцы как нельзя лучше воспользовались характером и настроением князя, чтобы снова сделать попытку погубить славянскую церковь в Моравии. Они стали нашёптывать Святополку, что Мефодий не только идёт против воли папы, запретившего славянское богослужение, но не признаёт и самых основ христианской веры; он еретик, друг отлучённого Фотия, вместе с ним не признающий filioque и других положений католической церкви. Святополк, неспособный разбираться в тонкостях вероучения, был встревожен этими разговорами, так как меньше всего хотел лишиться поддержки папы и навлечь на себя подозрение в неправоверии, что могло послужить поводом для новой немецкой интервенции. И вот, подстрекаемый немецкой партией, Святополк посылает в Рим настоящий донос на своего архиепископа, указывая на его ослушание папе и его уклонение от католической веры. Это было в 879 году. Удивлённый и встревоженный папа немедленно отправил Мефодию письмо с требованием явиться в Рим для объяснений [5]. Одновременно папа направил письмо Святополку, в котором, выражая своё удивление, говорил, что он не может даже поверить отступничеству Мефодия [6].

Мефодий должен был ехать для объяснений в Рим, и немецкая партия при дворе Святополка заранее торжествовала свою победу над архиепископом. Она направила в Рим для сопровождения Мефодия главного зачинщика всей интриги — самого подлого из немецких проходимцев в окружении князя, его любимого фаворита — священника Викинга, шваба по происхождению. Этот немец, возможно, бывший немецким шпионом

---

[1] Vita Clementis. Migne. PG., vol. CXXVI, col 1217 sq Перепечатано (с сокращениями) у Ястребова. Указ. соч., стр. 130; сл. см. гл. V. Ястребов. Указ. соч., стр. 135.

[2] Ibidem.

[3] Annales Fuldenses, a. 870, p. 70... propriis utilitatibus consulens.

[4] Dvornik. Op. cit., p. 264.

[5] MG. Epistolae, VII, p. 160; ср. Migne. PL. v. CXXVI, col. 850; Ястребов. Указ. соч., стр. 84—85.

[6] MG. Epistolae, VII, p. 160; ср. Ястребов. Указ. соч., стр. 85—86.

при дворе Святополка, своей клеветой окончательно должен был скомпрометировать Мефодия в глазах папы.

Враги Мефодия, однако, обманулись в своих ожиданиях. После личных бесед с Мефодием папа убедился не только в высоких моральных качествах, но и в полном правоверии этого человека, учение которого нисколько не расходилось с учением католической (западной) церкви. Правда, Мефодий не вводил в «символ веры», следуя восточной церкви, filioque, но вопрос о filioque пока ещё не принял такую остроту, какую он приобрёл впоследствии, и папа, в противоположность немецким епископам, вовсе не требовал непременного добавления его в «символ веры». Папа даже разрешил Мефодию богослужение по-славянски, отменив, таким образом, к удивлению немцев, своё же собственное запрещение. Очевидно, Мефодий сумел убедить папу в необходимости славянского богослужебного языка у моравов, разъяснив, что с ним связано всё дело славянской миссии. В письме, отправленном Святополку [1], папа хвалит правоверие и преданность князя папскому престолу и называет его своим любимым сыном. Относительно Мефодия, «досточтимого архиепископа», папа сообщает, что он испытывал совместно с другими епископами его веру и обнаружил полное согласие её с учением католической церкви. Поэтому папа вновь направляет его для управления моравской церковью и приказывает Святополку принять архиепископа «как своего пастыря, с достойным почётом, уважением и радостью», «дабы он имел, согласно каноническим правилам, попечение о всех делах церковных и распоряжался ими с божьею помощью».

Далее папа уведомляет, что священника Викинга, направленного к нему Святополком, он посвятил в епископы церкви Нитранской, приказав ему, «чтобы во всём был послушен своему архиепископу, как учат святые каноны». В дальнейшем, по соглашению с архиепископом, Святополк должен направить к папе кандидата для посвящения в епископы другой церкви в Моравии, по усмотрению Святополка, «дабы совместно с этими двумя, поставленными нами епископами, названный архиепископ ваш, согласно правилу апостольскому, сам ставил епископов по другим местам, где епископы с честью должны и могут быть поставлены». «Письмена же славянские, некогда открытые Константином-философом, мы по праву одобряем, дабы пелись на них должные похвалы богу, ибо священное писание учит нас не на трёх только, но на всех языках славить Господа». «И ничего нет противного вере и учению петь мессы на славянском языке и читать евангелие или священные главы из нового и ветхого завета, если они хорошо переведены и истолкованы, а также справлять все прочие положенные богослужения, ибо тот, кто создал три главных языка — еврейский, греческий и латинский,— сотворил и все прочие для хвалы и славы своей». В заключение папа предписывает евангелие сначала читать на богослужении по-латыни, а потом уже по-славянски. «И если тебе и приближённым твоим более угодно слушать мессы на латинском языке, предписываем, чтобы они торжественно справлялись по-латыни».

Из этого письма следует, что папа, ставши на сторону Мефодия, всё же сделал большую уступку немецкой партии и Святополку, поставив епископом Викинга, которому, впрочем, велел быть в строгом подчинении у архиепископа. Другой епископ — суффраган (викарный епископ) — должен был быть поставлен не архиепископом, а папой, причём кандидата выдвигал, с одобрения Мефодия, Святополк. Это опять явная уступка со стороны папы князю. Наконец, характерно разрешение Святополку слушать мессу по-латыни. Оно определённо говорит за то, что князь и его двор не признавали славянского богослужения и окружены были немецким духовенством. Уступки папы немцам и Святополку в конце концов ока-

---

[1] MG, Epistolae, VII, p. 222—224. Cp. Migne. PL, vol. CXXVI, col. 904—906. Перепечатано у Ястребова. Указ. соч., стр. 86—89.

зались пагубными для моравской церкви. Второй викарный епископ так и не был поставлен, и, надо полагать, что в данном случае просто не последовало соглашения о кандидате между Мефодием и Святополком. Не могли быть вследствие этого поставлены и другие епископы из славян. Единственным епископом в Моравии, кроме Мефодия, был его непримиримый враг Викинг, немецкий ставленник. Когда Мефодий умер, этот ненавистник славянства по праву занял его место и воспользовался своим положением, чтобы уничтожить славянскую церковь.

Интриги Викинга начались тотчас же по возвращении его из Рима вместе с Мефодием. Этот упорный шваб, повидимому, ещё в Риме сфабриковал подложное письмо папы к Святополку, в котором на него, Викинга, переносилось всё то, что в действительности папа писал о Мефодии; таким образом, верховным распорядителем судеб моравской церкви провозглашался якобы Викинг, а Мефодий должен был ему подчиняться[1]. Викинг, надо думать, сумел передать Святополку своё подложное письмо раньше, чем Мефодий представил Святополку подлинное письмо папы, и князь, видя противоречие двух писем, естественно, признал подлинным письмо своего фаворита Викинга, а подложным — Мефодия. Сам Мефодий был введён в заблуждение этой мошеннической проделкой своего викария, и в смятении послал папе спешный запрос о разъяснении всего этого дела. Ответ папы, из которого мы узнаём о подлоге Викинга, датирован апрелем 881 года[2]. В этом ответе Иоанн VIII, выражая своё соболезнование архиепископу по поводу причинённых ему неприятностей, сообщает, что никаких писем Святополку, кроме того, какое отправлено с Мефодием, он не посылал, никаких секретных поручений Викингу не давал и даже не имел разговоров с ним по этому делу. Утешая Мефодия, папа просит его не огорчаться людскими кознями и искать успокоения в надежде на помощь божию. Намекая далее на какое-то предстоящее путешествие Мефодия, папа обещает разобрать по его возвращении «то неслыханное, что совершили» по отношению к нему, «и то, что допустил вышеназванный епископ вопреки своему долгу».

Тем временем Святополк, введённый в заблуждение немцами, готовился принять какие-то решительные меры против Мефодия. По «Житию» Мефодия, враги архиепископа говорили: «Папа дал нам власть, а его велел изгнать вон и с учением его». «Собрались тогда все моравляне и велели прочесть перед ними (папское) писание, чтобы услышать об изгнании. Все... печалились и скорбели, лишаясь такого пастыря и учителя, кроме слабых, которых увлекал обман, как ветер листья»[3]. В этом известии «Жития» очень хорошо отражены обман Викинга и то смятение, которое вызывала в народных массах опасность, грозившая их архиепископу. Эти народные массы, в противоположность Святополку и его окружению, решительно стоят на стороне Мефодия, в котором видят заступника своих интересов.

Далее в «Житии» рассказывается о новом торжестве правого дела Мефодия. В народном собрании, созванном Святополком, выяснился истинный смысл послания папы, удостоверявшего правоверие Мефодия и данные ему в Моравии полномочия. «Посрамлённые этим (враги Мефодия) со стыдом розошлись как туман»[4].

Очевидно, как раз к этому времени пришёл ответ папы, с несомненностью удостоверявший мошеннические действия Викинга, и ответ этот, прочитанный в присутствии народа, убедил всех, в том числе и Святополка, в полной правоте Мефодия. Возможно, что уже тогда Викинг «предан был

---

[1] См. об этом и дальнейших событиях Lapotre. L'Europe et te Saint Siège á l'époque carolingienne. Vol. I, p. 131 sq.

[2] MG. Epistolae, VII, p. 243—244; ср. Migne. PL., vol. CXXVI. col. 928—929. Ястребов. Указ. соч, стр 89—90.

[3] «Житие» Мефодия Гл. XII.

[4] Там же.

Мефодием с анафемою сатане вместе с сонмом людей с ним бесновавшихся», как красочно выражается «Житие» Климента [1]. Святополк, однако, не удалил от себя немецкого проходимца, предоставив ему тем возможность и в дальнейшем строить козни против славянской церкви.

Рассказав о торжестве Мефодия над немцами в народном собрании моравов, «Житие» непосредственно вслед за тем сообщает о путешествии архиепископа в Царьград [2], будто бы по вызову императора. Чем было вызвано это путешествие, неизвестно. Важно отметить, что император Василий I и патриарх Фотий приняли Мефодия ласково и с большим почётом; таким образом, архиепископ сумел заслужить уважение и на Западе и на Востоке. Уезжая из Царьграда, Мефодий оставил там из своих учеников «священника и дьякона с книгами» [3]. Речь идёт, конечно, о славянских богослужебных книгах, которые, таким образом, впервые были привезены в это время в Византию Мефодием из Моравии.

Вернувшись после долгого и опасного путешествия из Царьграда, Мефодий, как повествует его «Житие» [4], «удалившись от шума и возложив заботы на бога, посадил из своих учеников двух священников-скорописцев и в скором времени перевёл с греческого языка на славянский все книги (священного писания) сполна, кроме Маккавейских, в течение шести месяцев». Раньше же, по «Житию», Мефодий перевёл совместно с Константином «только Псалтирь, Евангелие с Апостолом и избранные службы церковные» [5]. Некоторые считают, что Мефодий не мог в течение шести месяцев перевести всю Библию, даже если учесть то обстоятельство, что часть её была уже переведена раньше. Надо, однако, исходить из того, что Мефодий, прекрасно зная оба языка, очевидно, свободно диктовал свой перевод двум священникам-скорописцам и при таких обстоятельствах работа в указанный срок действительно могла быть выполнена. По «Житию», Мефодий перевёл также Номоканон и Патерик. Очевидно, чувствуя приближение смерти, просветитель славян спешил как можно скорее завершить своё дело, давши славянам на их языке всю Библию, а также те книги, которые были необходимы как руководство в повседневной церковной практике.

Мефодий скончался в 885 г., назначив преемником по кафедре ученика своего Горазда, знавшего не только славянский и греческий языки, но также и латинский и, следовательно, вполне приемлемого для Рима. «Житие» повествует, что ученики архиепископа торжественно отслужили по нём «заупокойную литургию на языках латинском, греческом и славянском» [6]. Это было как бы символическим выражением того, что Мефодий объединил в своём лице три культуры, из которых последнюю, славянскую, он утвердил вместе с братом созданием для неё особой письменности и тем обеспечил ей великую будущность.

Ко времени смерти Мефодия Святополк достиг новых блестящих успехов в возобновившейся борьбе с немцами. Он нанёс им тяжёлое поражение в восточной марке и в Паннонии и отнял у них территорию бывшего княжества Коцела [7]. Таким образом, политическая обстановка складывалась чрезвычайно благоприятно для роста и преуспевания самостоятельной славянской церкви. Теперь она, наконец, могла утвердиться, не встречая помехи со стороны немцев, также и в Нижней Паннонии и связать её крепкими узами с Моравией. Святополк, однако, попрежнему не

[1] Vita Clementis. c. VII.
[2] «Житие» Мефодия. Гл. XIII.
[3] Там же.
[4] См. красочные данные «Жития» о трудностях этого путешествия в гл. XIV.
[5] «Житие» Мефодия. Гл. XV.
[6] «Житие» Мефодия. Гл. XVII.
[7] См. об этих победах Святополка над немцами Annales Fuldenses, a. 884, p. 110—113.

понимал значения славянской церкви и в трудную для неё минуту не поддержал её. Мало того: он прямо предал своё духовенство лютым врагам её — немцам. Викинг, продолжавший пользоваться особой милостью князя, естественно, не признал преемником Мефодия Горазда и поспешил в Рим, чтобы ещё раз попытаться скомпрометировать при папском дворе дело Мефодия. Это ему удалось как нельзя лучше. По доносу Викинга, поставившего на вид близкие отношения Мефодия с Фотием и непринятие его учениками доктрины filioque, папа послал в Моравию трёх легатов, чтобы они на месте разобрали жалобы на деятелей славянской церкви. Инструкции легатам сохранились[1], равно как сохранилось письмо, отправленное папой Святополку в связи с делом Мефодия[2]. В инструкциях прежде всего подчёркивается необходимость принятия и внесения в Никейский «символ веры» filioque. Дальше в инструкциях содержится решительное запрещение славянской литургии. Разрешается только объяснять Евангелие по-славянски. Папа, между прочим, ставит на вид Мефодию то, что он будто бы клятвенно обещался Иоанну VIII не употреблять славянского языка в литургии[3]. Наконец, в инструкциях сказано, что назначенный Мефодием преемник не может исполнять свои функции, так как его наречение «противно всем святоотеческим правилам»[4]. Он должен поэтому явиться в Рим, чтобы изложить своё дело верховному первосвященнику. В письме к Святополку папа всячески восхваляет Викинга, Мефодия же, наоборот, решительно осуждает: «Много мы удивлялись, слыша, что Мефодий стремится к лжеучению, не к назиданию, ко вражде, а не к миру. И если это так, то мы осуждаем его заблуждения. Проклятие же, которое он изрёк в презрение к католической вере, да обернётся на его голову». Следует затем осуждение славянского языка в богослужении: «Божественные службы, святые таинства и торжественные литургии, кои названный Мефодий осмелился справлять на языке славянском, хотя клятвенно присягнул на святых мощах блаженного Петра более не делать того, пусть никто никоим образом впредь не совершает, отвращаясь от его вины клятвопреступника». Славянское богослужение запрещается под страхом церковного отлучения, и лишь разрешается объяснять по-славянски Евангелие и Апостол «для вразумления простого и непонимающего народа». В заключение предписывается «отсекать от лона церкви» «всех упорных и непокорных, сеятелей раздора и ссоры» и изгонять таковых из пределов княжества Святополка .

Приведённое письмо папы Святополку вызвало в исторической науке многочисленные комментарии, причём неоднократно высказывались сомнения в самой подлинности этого письма ввиду целого ряда имеющихся в нём несообразностей[6]. Главное, что бросается в глаза при чтении этого письма,— это его несоответствие с содержанием писем Иоанна VIII от 880—881 годов. В то время, когда эти письма, адресованные Святополку и Мефодию, определённо говорят о правоверии Мефодия и разрешают ему совершение литургии по-славянски, в письме Стефана V дело представляется так, будто Мефодий с его славянской литургией был решительно осуждён Иоанном VIII, причём якобы принёс даже клятвенное обещание перед гробом апостола Петра впредь не держаться своих новшеств в богослужении. Такой клятвы, как известно, Мефодий никогда не давал.

---

[1] Они напечатаны у Ястребова Указ. соч., стр. 90—92; ср. Dvornik. Op. cit, p. 287—288. Lapotre. Op. cit., p 192 sq.

[2] См. Ястребов. Указ. соч., стр. 92—97.

[3] Там же, стр. 91—92.

[4] Там же, стр 92.

[5] Там же, стр 92—97.

[6] См. об этом Dvornik. Op cit., p. 288 sqq.

Некоторые полагают, что письмо папы Стефана V — новая фальшивка Викинга или, по крайней мере, им интерполировано. Это предположение, однако, малоправдоподобно, так как письмо Стефана V в своей наиболее подозрительной части совпадает с содержанием инструкций папским легатам, которые никак не могли быть ни подделаны, ни интерполированы Викингом. Папа, очевидно, исходил в своём письме и инструкциях из каких-то неизвестных нам данных, и вследствие этого вопрос как будто ещё более запутывается.

Наиболее правдоподобное разрешение проблемы дал, по нашему мнению, Лапотр[1]. Исходя из того, что часть писем папы Иоанна VIII, в том числе переписка 880—881 гг. по делу Мефодия, отсутствует в Ватиканском архиве, Лапотр высказывает предположение, что это результат прямого хищения, учинённого в своё время заинтересованными лицами, причём в число похищенных бумаг попали частично и письма, касавшиеся дела Мефодия. Известно, что эти письма вместе со всей пропавшей частью папского архива были обнаружены лишь в XIX в. в копии, сохранившейся в Британском музее[2]. Викинг, продолжает Лапотр, несомненно, знавший об этом хищении через своих друзей при папском дворе, не преминул воспользоваться обстоятельствами и выдал сфабрикованное им в своё время письмо к Святополку за подлинное. Так Викингу удалось ввести в заблуждение самого папу Стефана V, который, исходя из его фальшивого письма, приписал Мефодию то, чего никогда не было и что было просто сочинено Викингом, чтобы скомпрометировать всё дело славянской миссии у моравов.

Так появилась и ссылка на клятву, якобы данную перед гробом апостола Петра Мефодием. Содержание письма Викинга тем более казалось папе правдоподобным, что оно как будто согласовывалось с уцелевшей в архиве перепиской Иоанна VIII от 873 г., запрещавшей, как известно, славянское богослужение. Так немецкая фальшивка, в своё время разоблачённая Иоанном VIII, всё же в конце концов достигла своей цели и сыграла роковую роль в истории христианской церкви в Моравии[3].

О том, что произошло в Моравии по приезде туда папских легатов и Викинга, рассказывает «Житие» Климента, ученика Мефодия, составленное в XI в. по-гречески на основании более древнего образца, написанного по-славянски[4]. Будучи проникнуто духом греческого православия и небеспристрастное в оценке исторических деятелей, «Житие» Климента всё же служит надёжным и драгоценным источником, рассказывающим о событиях в Моравии после смерти Мефодия. Данные этого «Жития» дополняются и подтверждаются «Житием» другого ученика Мефодия — Наума, составленным в X в. по-славянски и обнаруженным лишь в начале теьущего века[5].

Согласно «Житию» Климента, вернувшийся в Моравию Викинг захватил власть и стал распоряжаться моравской церковью, отставив Горазда[6]. Затем Викинг и его приспешники стали заставлять учеников Мефодия принять filioque, но получили решительный отпор и обратились с жалобами к Святополку. Они «возводят клевету на православных, будто бы те замышляют произвести возмущение и могут восстать против его власти, если не будут согласовываться в учении с властителем; ибо держаться противного учения, значит противоборствовать»[7].

---

[1] Lapôtre. Op. cit., p. 129 sqq.
[2] Ibidem, p. 22—25, 164.
[3] Ibidem, p. 164—170.
[4] Vita Clementis у Migne. PG. Vol. CXXVI, col. 1217 sq Ср. Ястребов. Указ соч., стр. 130 сл. Русский перевод этого «Жития» см у Бильбасова. Кирилл и Мефодий. Т. I, стр. 341.
[5] Напечатано у Лаврова. Материалы, стр. 181—182; ср. Ястребов. Указ. соч., стр. 64—65.
[6] Vita Clementis, c. VII.
[7] Vita Clementis, c. IX.

Характерно, что Святополк выставляется здесь единомышленником немцев, которые пытаются самую доктрину византийского православия представить как какой-то бунт против князя. Святополк, по «Житию», стал уговаривать представителей славянского духовенства прекратить церковный раскол и сговориться с немцами об единении [1]. Естественно, что ученики Мефодия отказались принять предложение князя, и он, ссылаясь на свою неосведомленность в догматах, постановил решить дело принесением клятвы: «Кто первый придёт и поклянётся, что верует истинно и православно, о том я буду судить, что он нисколько не претыкается и не уклоняется от точного смысла веры; тому и церковь вручу и предоставлю заведывание делами церковными по чину пресвитерскому» [2]. Немцы, по «Житию», опередили православных в принесении требуемой клятвы, которую они дали, «не дождавшись ещё конца решения княжеского». Тогда Святополк без колебания решил дело в их пользу [3].

После этого «безумного суда» Святополка Викинг мог свободно воспользоваться данным ему Стефаном V правом «отсекать» непокорных, так как Святополк предоставил ему расправляться по своему усмотрению со всеми «неверующими по учению франков» [4]. «Житие» красочно рассказывает о тех преследованиях, каким подверглись, по предписанию собственного своего князя, представители славянского духовенства. «Иных мучили бесчеловечно, у других расхищали дома, с нечестием соединяя любостяжание; иных нагими влачили по терновнику, и притом людей престарелых, которые переступили уже за пределы жизни человеческой, означенные у Давида. А из пресвитеров и диаконов, тех, которые были моложе, еретики продавали иудеям, сами Иудиной участи и удавления будучи достойны... Всех же их было немало, но до двухсот считалось служителей алтаря, как мы сказали прежде» [5]. «Житие» Наума сообщает, что проданные в рабство иудеям представители славянского духовенства были привезены для продажи в Венецию. Оказавшийся здесь представитель византийского императора Василия I «одних купил», а «других взял так» и отвёз их в Царьград, где они были восстановлены в своём прежнем духовном звании. Некоторые из них потом будто бы перешли в Болгарию [6].

Ближайших учеников Мефодия, главных руководителей славянской моравской церкви — Горазда, Климента, Лаврентия, Наума, Ангелярия — «и многих других мужей знаменитых» немцы, «заковавши в железо, держали в темнице» и «истязали ударами», так как получили от князя позволение «поступать так, как им заблагорассудится» [7].

Издевательства над руководителями славянской православной церкви закончились их изгнанием. Воины Святополка отвели Горазда и его сотоварищей к берегам Дуная и отпустили здесь на все четыре стороны [8]. Так подлые происки немцев, возглавляемых Викингом, привели к полному разгрому славянской церкви в Моравии.

Известно, что немцам всё же не удалось задавить ненавистную им славянскую письменность. Изгнанная из Моравии, она перенесена была в соседнюю Болгарию, где нашли себе пристанище ученики Мефодия. По общераспространённому мнению, изобретённый Константином алфавит «глаголица» в Болгарии был несколько упрощён и превратился в «кириллицу», которая легла в основу всей церковно-славянской письменности. Утвердившись у южных славян, в Болгарии и Сербии, эта письмен-

[1] Vita Clementis, c. IX.
[2] Ibidem, c. X.
[3] Ibidem, XI.
[4] Ibidem.
[5] Ibidem.
[6] Лавров Материалы, стр. 181; Ястребов. Указ. соч., стр. 65.
[7] Vita Clementis, c. XII; ср. c. XI.
[8] Ibidem. c. XIII.

ность принята была вместе с христианством и русскими славянами. Славянский язык книг Константина и Мефодия стал таким образом языком всех славянских церквей православной (греческой) веры. С ним неразрывно связано развитие всей славянской культуры, так как в средние века он был языком огромного большинства деятелей этой культуры. Этот книжный церковно-славянский язык оказал, как известно, огромное влияние на формирование русского литературного языка. Мы, следовательно, должны с благодарностью вспоминать самоотверженные труды Константина и Мефодия на пользу славянской культуры. Немцы, стремившиеся поработить славян, недаром сразу же почувствовали ту великую опасность, которой грозило их замыслам начинание солунских братьев. Славянский язык и славянская письменность — эти мощные двигатели развития славянской культуры — утвердили самобытное существование славян в Европе, освободили их от духовной опеки иноземцев и позволили занять выдающееся место в семье европейских народов.

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

ОТКЛИКИ В ЧЕХИИ НА РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ 1905 года *

Проф Зд. Неедлы

С давних пор, со времён средневековья, можно проследить, как зарождались и крепли узы дружбы, связывающей чехов с братским русским народом Особенно живой и крепкой стала эта связь в XIX в, в период социального, культурного и политического возрождения чешского народа Тяготение к русскому народу и рост интереса к России вообще стали одной из основных сил развития национального и политического сознания чехов с конца XVIII в., в период подъёма, наступившего после катастрофического упадка в XVII и XVIII веках.

В 1620 г. Габсбурги с кликой своих пособников жестоко подавили восстание чехов. Веками не могла Чехия оправиться от тяжких последствий этой кровавой расправы. Цвет патриотически настроенного чешского дворянства был истреблен, имущество конфисковано и роздано чужеземным авантюристам. Захватчики душили национальную чешскую культуру, объявленную «ересью». Интеллигенцию они изгнали из страны Мещанство было онемечено почти полностью. Крестьяне и городская беднота под невыносимым гнетом чужеземных эксплоататоров впали в безысходную нищету.

Только в конце XVIII в. вместе с улучшением экономического положения широких масс начался новый подъем Быстрое развитие промышленности побудило австрийского императора Иосифа II отменить в 1781 г. крепостное право. Это и положило начало материальному и культурному подъему крестьянства и мелкого городского населения. Появилась новая чешская интеллигенция, вышедшая из народа. Но, по существу, первым толчком к действительному росту национального самосознания широких масс в Чехии стала Великая буржуазная французская революция 1789—1793 годов. Под ее влиянием с новой силой воскресли сохранившиеся в народе гуситские демократические традиции Не меньшее значение для национального развития чехов имел приход в Чехию Суворова с русскими солдатами в 1799 году. Суворов был тогда на вершине своей славы, и его армия, по общему признанию, считалась самой сильной и лучшей в Европе С восхищением смотрели на русских воинов чехи. Велика была радость чехов, когда, вступая с солдатами и офицерами в беседу, они убеждались, что русские и чехи понимают друг друга Это произвело на чехов глубокое впечатление. Сознание, что есть близкие им народы и среди них могучий русский народ, уменьшало у чехов чувство одиночества и бессилия и вселяло уверенность в освобождение от австро немецкого гнета

Дальнейшие события и в первую очередь Отечественная война русского народа 1812 г. утвердили это чувство в массах чешского народа. Чехи с восторгом следили за ходом войны. Они уже знали Кутузова и полюбили его еще когда он был со своей армией в Моравии в 1805 году. Война 1812 г. показала великую силу и непобедимость русского народа, одолевшего Наполеона, перед которым вся Европа стояла на коленях. Чешская интеллигенция восхищалась героизмом русских. Писатели и поэты Чехии воспевали его. Славой русского народа чехи гордились как славой родного брата, и это ускоряло рост их национального самосознания.

Чешское руссофильство в XIX в. росло неуклонно. То была естественная тяга слабого своей малочисленностью народа к родному и сильному брату-богатырю, но прежде всего то была любовь чешского трудового народа к трудящимся массам России, к великому русскому народу в первую голову, а не к его правящим верхам. Чехи, испытавшие гнет иноземной, немецкой знати, в массе своей тянулись к простым русским людям — к солдатам, к крестьянам

По мере сближения с русскими чехи не могли не заинтересоваться борьбой русского народа против своих «отечественных» угнетателей — русских помещиков и царского самодержавия Уже в первой половине XIX в. в Чехии возникли острые расхождения по вопросу об отношении к русским демократам: появились «царефилы» — реакционное направление — и противники царизма и его деспотизма — прогрессивное демократическое направление.

Реакционное «царефильское» течение возглавлял Вацлав Ганка — одна из самых гнусных фигур чешской истории XIX века. Пресловутый фальсификатор знаменитых Краледворской и Зеленогорской рукопи-

* Настоящая статья является частью большой работы проф Зд. Неедлы, посвященной откликам в Чехии на три российские революции.

сей и восьми других таких «памятников», он же подделыватель золотых монет Великоморавской державы, Ганка был агентом русской охранки. За доносы он даже получил от царского правительства орден св. Анны, которым очень гордился. В трудах официального русского славяноведения до Октябрьской революции (к сожалению, иногда ещё и после Октября) Ганка фигурировал как «выдающийся чешский национальный деятель». Но в действительности все честные люди его времени, все подлинные чешские патриоты глубоко его презирали. С народными массами он вообще никогда не имел никакой связи и ничего общего.

Тем ярче запечатлено в чешской национальной истории славное имя Кароля Гавличека, вождя прогрессивно-демократического направления. Этот блестящий чешский публицист был самым доблестным борцом народа против австрийской реакции, наступившей после 1848 года. Горячо любя русский народ, Гавличек в 1843 г. отправился в Россию, чтобы сблизиться с русскими, узнать их родную страну. С 1843 до 1845 г. он в России занимался преподавательской деятельностью. Из России молодой демократ вернулся на родину заклятым врагом самодержавия. Не было в то время заграницей более яростного критика и порицателя царизма, чем этот 25-летний чех. Он жестоко бичевал произвол и мракобесие царизма в статьях и сатирических стихах, которые до сих пор так любит и ценит чешский народ. Нет чеха, который не знал бы этих выдающихся, блестящих произведений Гавличека [1].

Таким образом, в отношении к России передовые люди чешского общества уже в 40-х годах XIX в. находились в демократическом лагере. Палацкий в 1848 г. писал в знаменитом письме к франкфуртскому парламенту, что «не могло бы быть более ужасного несчастья для человечества, чем универсальная русская монархия». Не потому, добавляет Палацкий, что она русская, а потому, что это была универсальная царская деспотия. Известный чешский поэт и славист Челаковский в 1833 г. лишён был по доносу Ганки своего поста редактора газеты «Пражске Новины» («Известия Праги») и преподавателя в Пражском университете за «оскорбление» Николая I: Челаковский написал о речи царя, обращённой к польской делегации, что так разговаривали сотни лет назад татарские ханы с русскими князьями.

Во второй половине XIX в. идейно-политический раскол ещё больше углубился [2]. «Царефилами» были теперь уже не только одиночки вроде Ганки, а поднимавшаяся чешская крупная буржуазия, рупором которой была известная газета «Народни Листы». Но подавляющее большинство чешского народа принадлежало к противоположному лагерю. По мере роста национально-освободительного движения, направленного против австрийской монархии, передовые чешские люди всё больше сочувствовали борьбе русского народа против самодержавия. В Чехии мало интересовались Катковым или Победоносцевым, но все знали и высоко чтили Пушкина, Толстого, Тургенева, Гоголя (Достоевский проник в Чехию относительно поздно). Из произведений русской художественной литературы чешская интеллигенция черпала прогрессивные, демократические идеи. Симпатии чехов к революционно-демократическому движению и к лучшим носителям русской культуры усилились в 90-х годах XIX в., когда в Чехии развилось так называемое «прогрессивное движение» — движение студентов и молодых рабочих. Передовая печать, особенно орган Т. Г. Масарика «Час» («Время»), уже систематически и сознательно выступала против самодержавия как врага не только русского народа, но и как врага всех прогрессивных движений в Европе. Социал-демократическая газета «Право Лиду» вела антицаристскую пропаганду в духе классовой борьбы, в духе марксистского учения. К этим главным идейно-политическим центрам присоединялись и другие газеты и журналы. Революционно настроенная молодёжь с восхищением читала о русских революционерах и видела в них борцов за дело освобождения не только русского, но и других народов.

★

Непосредственная связь с русскими революционными марксистами завязалась у передовых представителей чешской общественности с 1900 г., когда Ленин впервые выехал из России заграницу, чтобы за рубежом организовать издание общерусской боевой политической газеты («Искра»). В первое время своего пребывания заграницей Ленин вёл переписку с рабочими революционными организациями в России через Прагу. Выбор этот был не случайным. Во-первых, между Прагой, как крупным славянским центром, и Россией шла обширная разнообразная переписка, и в общей массе письма Ленина были менее заметны, чем из другого зарубежного города. Далее, Ленин, повидимому, хорошо знал настроения чешской молодёжи, её сочувствие русскому революционному движению. Недаром посредником в деле установления связей с Россией Ленин избрал Франтишека Модрачека, тогда 29-летнего, но уже известного деятеля чешского рабочего движения.

Модрачек стал активным участником рабочего движения ещё 20-летним юношей. За основание в Праге нелегальной организации революционной рабочей молодёжи, так называемых «независимых социалистов», он был в 1893 г. осуждён на полтора года тюремного заключения, но, выйдя из тюрьмы, продолжал свою деятельность среди рабочих. Вступив в социал-демократическую организацию, Модрачек стал в 1898 г. редактором её жур-

---

[1] Селищев О. Взгляды Карла Гавличека на Россию. 1913

[2] См. Jrisek Josef. Ruskomy Studie w ztahu Zeskoslkvenckoruskych od pocatkaj 19 stoleti do r. 1867. Praha. 1929; его же. Cesi, Slovaci i rusko. Studie vzaimennych v ztahu cesko-slovensko-ruskych od r. 1867 do pocatku svetove valky. Praha. 1933.

нала «Академия» и преобразовал его в центральный теоретический орган чешской социал-демократии.

В ноябре 1900 г. Ленин сообщил своей сестре, Марии Ильиничне, в Россию, что ей следует писать ему по адресу: Herrn Franz Modráček. Smečky, 27. Prag. Oesterreich [1]. Адрес был указан точно, с присущими чешской орфографии своеобразными значками. В Смечках, 27 (улица в центре Праги), находилась тогда так называемая «Типографицка беседа», в помещении социал-демократического кооператива, в котором работал Модрачек. Кооператив имел вообще многообразные связи с заграницей; очевидно, поэтому Ленин и выбрал этот путь.

С Модрачеком Ленин договорился, что будет посылать почту ему для переотправки дальше в Россию. Местопребывание Ленина знал, по условию, только один Модрачек, и вся корреспонденция из России адресовалась на его имя. Эти условия конспирации соблюдались так строго, что даже Н. К. Крупская, получая письма из Праги, была убеждена, что «Модрачек» — кличка Ленина [2].

Не только почтовые посылки должны были идти в Россию через Прагу, но и нелегальная газета, которую Ленин готовился издавать заграницей. Действительно, «Искра», кроме других пунктов, посылалась также в Прагу, а оттуда чешские железнодорожники доставляли газету к самой границе и переправляли нелегально в Россию.

Так передовая чешская общественность вступила в прямую связь с русской революцией, начав с непосредственного содействия деятельности Ленина. 1 марта 1902 г. Ленин приехал в Прагу, чтобы лично договориться о дальнейших способах связи с Россией. Беседы его с Модрачеком, несомненно, были лучшим способом разъяснить молодому чешскому деятелю и его друзьям сущность революционного движения в России. Н. К. Крупская вспоминает, что когда она приехала в Прагу для встречи с Лениным, то также очень много рассказывала Модрачеку о русском рабочем движении. Надо думать, что и чешские железнодорожники, переправляя «Искру», знакомились с её содержанием.

Ленин остановился в квартире Модрачека, находившейся в предместье Вршовице, в рабочем квартале Праги [3]. Владимира Ильича, судя по его письмам к родным, поразил славянский характер города. Интересовался он и чешским языком. Но в первую очередь его всегда интересовали рабочее движение и национально-освободительная борьба чехов.

С начала XX века в широких слоях чешского общества усилился интерес и сочувствие к революционному движению в России. Можно уверенно сказать, что с 1900 г. не было ни одного крупного революционного события в России, которое не вызывало бы откликов в Чехии. В 1901 г. чешская общественность была возмущена походом царской полиции и жандармерии против студентов. «Мы горячо сочувствуем прогрессивным социальным усилиям русской интеллигенции, русского студенчества»,—писал «Час» [4], орган чешской прогрессивной интеллигенции. «Нам отвратительна преступная деятельность российской полиции... Студенческие беспорядки — только часть общего недовольства в России» [5]. Чешские социал-демократы созвали 21 апреля 1901 г. в большом зале Виноградского дома митинг протеста против насилий над русскими студентами.

В 1902 г. чешскую общественность глубоко взволновал голод в России. «Некоторые деревни,— писал «Час»,— выглядят, как пожарища. А «милостивый царь-батюшка» приказал освободить их от 120 млн. рублей налогов,— это отдаёт юмором висельника». В 1903 г. передовые люди чешского народа откликнулись на тяжёлое положение ссыльных в Сибири, о котором тогда много писали в русской печати. Сообщение о росте смертности русских детей побудило «Час» поместить резкую статью и бросить царскому правительству прямой упрёк: «Вот кто виновник этого убийства детей». Глубокое возмущение охватило чехов после еврейского погрома в Кишинёве в 1903 году. Чешская интеллигенция вместе с интеллигенцией других народов единодушно выступила против черносотенцев, творивших своё гнусное дело под защитой полиции и царского правительства. Тысячи чехов — профессора, преподаватели, студенты и широкие слои чешской интеллигенции — подписали посланный царскому правительству протест против этого акта средневекового мракобесия [6].

В этот период завязалась жестокая борьба между реакционными кругами и прогрессивной частью чешской общественности. Наступавшей стороной были прогрессивные газеты. «Час» остро нападал на «Народни Листы». «Они руссофилы,— издевался над ними «Час»,— они ничего не знают о России. Не знают, что русская интеллигенция в большинстве против самодержавия. Они повторяют реакционные фразы Каткова, будто русский мужик не дорос до демократического режима, что ему нужен абсолютизм. Мы имеем иное представление о русском крестьянине. Аргументы таких «руссофилов» задевают русских, подобные статьи, переведённые на русский язык, угрожают престижу чешского народа в глазах

---

[1] В. И. Ленин. Письма к родным 1894—1919 гг. Письмо от 6 ноября 1900 г. М. 1934.

[2] См. Крупская Н. Воспоминания о Ленине. 1933.

[3] Из Праги 2 марта 1902 г. Ленин писал матери, что она должна дальше писать на частный адрес Модрачека — на его квартиру: Прага, Вршовице, № 384. Дом, в котором тогда Ленин жил у Модрачека, находится на углу улиц Нерудовой и Коларовой.

[4] «Čas», č. 87. 1901.

[5] Ibidem, č. 91.

[6] «Čas», č. 209. 1903. Как участник этих и дальнейших событий в Чехии, я пользуюсь и своими воспоминаниями.

русской интеллигенции и лишают нас симпатий со стороны русского студенчества»[1].

Но особенно разгорелись споры вокруг вопросов русского революционного движения, когда в 1904 г. вспыхнула русско-японская война. Широкие слои чешского народа с большим интересом следили за ходом войны. Стал даже выходить специальный журнал «Русско-японская война» — иллюстрированный популярный еженедельник. В нём, как и вообще в органах прогрессивного движения, много места отводилось и критике царизма и откликам на революционное движение в России.

Военные неудачи русских войск давали пищу для нападок «Часа» на российскую бюрократию. Он клеймил бездарность царского правительства, неспособность вести войну, отсталость и невежество военного руководства. Одновременно «Час» информировал чешский народ о противоправительственных выступлениях народных масс России. В таком же духе писали и орган чешского студенчества «Студенческий сборник»[2] и другие прогрессивные газеты и журналы. В полном согласии с русским революционным движением прогрессивная чешская печать считала, что поражение в России в этой войне будет для неё великим уроком.

«Эта отвратительная война,—писала «Право Лиду»,— вызывает в нас большую и глубокую надежду, что разобьются цепи, сковывающие русский народ, и что из кровавого тумана взойдёт утренняя заря, возвещающая русскому народу его освобождение»[3].

Франтишек Модрачек вместе с социал-демократом Франтишком Соукупом издали увлекательно написанную брошюру «Русско-японская война»[4], которая была широко распространена среди чешских рабочих. «Не позор ли, что самое большое славянское государство является абсолютистским! Может ли что-нибудь больше поддержать ложное мнение врагов славянства о неполноценности славянских народов, чем постоянная ссылка на русское самодержавие», — писали авторы брошюры. Осветив внутренние отношения в России, они делали вывод: «Победа российского оружия не принесла бы никакой пользы, но поражение может быть молотом, который разбудит свободного гражданина и сметёт вредный русский режим».

Соукуп даже составил нечто вроде программы будущей России. Эта программа не лишена интереса, особенно там, где говорится о союзе народов России: «Мы все верим в великое будущее и всемирную миссию России. Будущее её будет основано на образовании, на укреплении и гарантии демократического режима, на свободе не только всех населяющих её людей, но и всех её народов, и на великой их общей федерации, которая будет проникнута убеждением, что сохранение необъятной, экономически единой русской территории, совместный договор и создание великой общерусской федерации даст возможность Соединённым Штатам России наряду с Соединёнными Штатами Америки стать экономическим и культурным центром для мировой демократии и объединенного государства социалистических республик всего мира».

Не только чешская печать отражала живой, всё возрастающий интерес к России и её будущему. «Православная беседа» в Праге организовала в начале войны богослужение за победу России (в пражской церкви св. Николая на Староместской площади). Несколько тысяч человек заполнило площадь. Кто-то воскликнул было «Да здравствует царь!» Но этот возглас встретил протест масс. Особенно бурно протестовали студенты. Перебранка перешла в драку между двумя враждебными лагерями. Вскоре после этого социал-демократы созвали новый митинг под лозунгом «Долой царский деспотизм!» Передовое студенчество также созвало митинг; среди других ораторов с речью против царизма выступил тогда ещё молодой Шмераль, впоследствии один из основателей коммунистической партии Чехословакии.

Как видим, события в России глубоко волновали чешскую общественность уже в 1904 г., накануне революции 1905 года. Когда же вспыхнула революция, она вызвала живой отклик в народных массах Чехии. Первым сигналом к массовым выступлениям в Чехии стало «кровавое воскресенье» 9 (22) января 1905 года в Петербурге. Злодеяние царской полиции и правительства в России — расстрел безоружных рабочих, доверчиво, целыми семьями шедших на демонстрацию к Зимнему дворцу,— возмутило чешские трудящиеся массы. Начались митинги протеста, массовые демонстрации. «Право Лиду» 16 (29) января 1905 г. опубликовала прокламацию, выпущенную Российской социал-демократической рабочей партией. Пражские рабочие пришли на митинг, где выступавшие ораторы осветили значение событий «кровавого воскресенья» для всего рабочего класса Европы. «Русская революция, — говорил на митинге Соукуп, — является делом всего пролетариата и всего цивилизованного мира». Митинг прошёл очень бурно. Участники собрания вышли на улицу и на главной площади Праги— Вацлавской — устроили большую демонстрацию. Демонстрации протеста против злодеяния царского правительства в России происходили и в других чешских городах.

После «кровавого воскресенья» из России продолжали приходить тревожные известия. «Право Лиду» с возмущением сообщила о расстреле рабочих в Варшаве и о других кровопролитиях. Большое впечатление производили сообщения о многочисленных стачках, рабочих демонстрациях, студенческих беспорядках, крестьянских восстаниях.

---

[1] «Čas», č. 5, 1903.

[2] Studentský Sborník Pokrokového Studentstva». 1904.

[3] «Pravo Lidu», 11, 12. 1904. Издана и брошюра Záhorský Vlad. Poměry russko-japonské Třebíc. 1904. Она написана в том же духе.

[4] Soukup F. i Modráček F. Russko-japonská válka. Praha. 1904.

Всем было ясно, что в России началась революция. На полях сражений бездарное военное руководство русской армии проигрывало одну битву за другой. После Мукдена пришла Цусима. Россия проиграла войну — это было несомненно. Но чешский народ интересовался уже не столько войной, сколько революцией. Даже еженедельник «Русско-японская война», писал о революции больше, чем о войне, и помещал такие иллюстрации: «Бастующие рабочие перед путиловскими заводами», «Революционные студенты Московского университета» и т. д [1].

Русская революция усиливала отпор чехов и против Австро Венгрии. «Русская революция стала началом революции против габсбургской монархии»,— говорил Соукуп. Эти слова, хотя и преувеличенно оценивающие последствия русской революции для Австро-Венгрии (ибо революции там не произошло), отражают громадное влияние русской революции на умонастроение широких масс в габсбургской монархии. Феодальные пережитки и полицейский режим вызывали и в Австро-Венгрии недовольство народных масс. Не удивительно, что тревога охватила правительственные круги, особенно полицию. Социал-демократы хотели созвать митинг в Праге, посвящённый революции в России; пражская полиция запретила митинг. Однако жизнь опрокидывала полицейские запреты. Социал-демократы созвали новый митинг, посвящённый революции в России. «Русская революция идёт вперёд с захватывающей силой, сметая все преграды, вплоть до самой последней опоры старого режима»,— говорил Шмераль на рабочем собрании 10 июля 1905 г., после восстания на броненосце «Потёмкин».

В дни, когда в России вспыхнула всеобщая стачка на железных дорогах, ещё больше усилилось движение чешского пролетариата и прогрессивной интеллигенции против австрийской монархии. «Австрийский пролетариат не должен отставать от русского пролетариата» [2],— писала тогда «Право Лиду». А на массовом митинге в Вене чешский социал-демократ Немец говорил: «Мы должны из русского примера черпать подкрепление, а также и урок, тот урок, что нельзя добиться успеха иным путём, чем в России. Нам ничего не остаётся, как говорить по-русски» [3].

То были, конечно, больше слова, чем действительность. Австрийские, а вместе с ними и чешские социал-демократические реформисты додумались только до требования всеобщего избирательного права. Это и стало лозунгом их «революции». Но народ воспринимал подобные слова в гораздо более прямом, более революционном смысле. На демонстрацию в Праге 31 октября 1905 г. вышло 20 тыс. рабочих; к ним присоединились широкие массы городского населения. Народ вышел на улицы чешской столицы не только требовать всеобщего избирательного права, но и протестовать против всего антинародного, псевдоконституционного, абсолютистского и реакционного режима в Австрии. «Что вчера бушевало на Пржикопах (центральная улица Праги) в сердцах бесчисленных масс народа,— писала «Право Лиду»,— это стихийное недовольство народа против существующего до сих пор политического рабства. Это выступление — прелюдия того, что ожидает Австрию» [4]. В Праге, как и в Вене, демонстрации сопровождались кровавыми столкновениями демонстрантов с полицией.

Сообщение об аресте М. Горького возмутило прогрессивную чешскую интеллигенцию. «Спасите Горького!» [5], — восклицала «Самостоятельность», орган буржуазных радикалов. Клуб «реалистов», шедший за Масариком, послал Горькому сочувственную телеграмму.

Только «Народни Листы» и клерикальная газета «Чех» остались верными своей реакционной позиции. Из видных чешских деятелей только доктор Крамарж уже тогда выступил с контрреволюционной статьёй, пытаясь «доказать», что русский народ «не созрел» для конституции [6] Яростно отстаивал интересы русской революции «Словански Пржеглед», редактором которого был прогрессист Адольф Черны.

Русская революция ярко отразилась в чешской литературе. Один из самых выдающихся чешских поэтов XX в., тогда ещё молодой Виктор Дык, написал поэму «Два силуэта» [7], в которой изображает заводского рабочего, бросившего работу, и войско, стреляющее в народ. Поэт И. С. Макар написал поэму «Россия в январе 1905 года» [8]. Вот характерный отрывок: «Рапорт полиции: «В Петербурге тихо. Подметают снег, потому что он покраснел от крови убитых. В госпиталях спешка — фельдшера режут арестантам тело. В судах спешка — в крепостях звенят кандалы. Плотники радуются — правительство заказало много виселиц. Тихо на святой Руси: на заводах производят пушки, пули, оружие. Но подпольная Русь живёт и ждёт». В пьесе чешского драматурга Мачена о русской революции—«Ключ»— герои Иван и Соня умирают за революцию. Я. М. Майер написал драму «Моя месть».

Особенная, чисто чешская нотка есть в этих откликах литературы на русскую революцию. «Из земли Гуса посылаем вам, незнакомым, горячее выражение сочувст-

[1] Некоторые иллюстрации из этого журнала опубликованы в моей книге «Ленин» (Т. II). Прага. 1938.

[2] «Právo Lidu». 1. XI. 1905.

[3] «Právo Lidu». 3. XI. 1905.

[4] «Právo Lidu». 1. XI. 1905.

[5] «Samostatnost». 1905.

[6] «Česká Revue». 1905.

[7] «Satiry i sarkasmy». Сборник стихов.

[8] «Kroky dejin» («Шаги истории»). Сборник стихов.

вия»[1], — с такими словами обратился к жертвам белого террора Я. Тума, когда в августе 1906 г. начались массовые столыпинские казни русских революционеров. «Вам не доведётся читать эти строки,— продолжал Тума,— но мы пишем их, побуждаемые мукой нашей чешской души. Богатыри русского горя! В нашей чешской земле, которая столько крови пролила за свободу, ни одна благородная душа не бросит в вас камень».

Буржуазно-демократическая революция 1905 г. несмотря на её поражение не только оставила глубокий след в России, но и оказала громадное влияние на рабочее и демократическое движение в странах Европы. Её последствия в империи Габсбургов выразились в успешной борьбе рабочих масс и широких кругов интеллигенции за всеобщее избирательное право. В 1907 г. в Австрии впервые прошли выборы в соответствии с новым избирательным законом. Состав и настроение австрийского парламента изменились. Новые представители всех народов «лоскутной империи» гораздо враждебнее относились к габсбургской монархии, чем депутаты прежнего состава. Русская революция 1905 г. в значительной мере расшатала и этот оплот европейской реакции.

Поражение революции 1905 г. не поколебало интереса чешской общественности к судьбам русского народа и к судьбам России вообще. Чехи в большинстве были убеждены, что это — не последнее слово русской революции. Когда в России начался период свирепой реакции, газета «Чешская демократия» в статье «Поворот в России» справедливо писала: «Тяжёлое время переживает русский народ. Но мы твёрдо верим в силу его, которая достаточно велика, чтобы пережить все эти страшные бури и неурядицы и выйти из них победоносной, с большими трофеями прогресса и свободы, которой никто, нигде, также и в России, не сможет преградить дорогу»[2].

В Чехии появились специальные журналы, посвящённые современной России. Вацлав Менцль в 1911 г. издавал в Праге журнал «Русский обзор», резко выступавший против царизма и вообще против реакции в России. Журнал систематически вскрывал недостатки и преступления царского режима, его произвол, взяточничество, жестокость его слуг. Анализируя соотношение сил в России, журнал писал о русской литературе, непрерывно освещал русскую действительность, особенно её отрицательную сторону: казни, военные суды, ссылки, невыносимые условия жизни революционеров, томившихся в тюрьмах, преследования студентов, самоубийства среди интеллигенции.

Журнал «Славянский обзор» вёл кампанию против царского режима, угнетавшего поляков и украинцев. Журнал проводил мысль, что только новая Россия может быть защитником народов, а царская Россия является оплотом реакции и бюрократического произвола.

Среди других органов печати более высоким научным уровнем отличался журнал «Славански Пржеглед»[3]. Он особенно резко вскрывал гнилость царского самодержавия после революции 1905 года. В нём публиковались и письма из России о рабочих забастовках, покушениях, преследовании студентов, провокаторах, цензуре, реакции в области культуры и т. д. Журнал «Наше доба» помещал очерки по отдельным вопросам русской жизни.

В 1913 г., уже накануне первой мировой войны, вышел главный труд Т. Г. Масарика «Россия в Европе» (2 тома)[4], который был переведён на иностранные языки и стал источником ознакомления с Россией и русской революцией не только для чехов, но и для других народов. В основу этого труда были положены ошибочные установки. Масарик для доказательства гнилости царской России и глубины русской проблемы взял за исходный момент творчество Достоевского как самого яркого, по мнению автора, выразителя «русских болезней». Масарик, правда, вскрывает у Достоевского и реакционные черты (иезуитизм), но при этом он даёт извращённую картину русской жизни и русской революции несмотря на обилие материала и богатое содержание своего труда. В работе Масарика дан подробный анализ русской общественной мысли со времён Чаадаева: анализ славянофильства и западничества, идей Белинского и Герцена, анархизма Бакунина, реализма (по выражению автора) Чернышевского, Добролюбова и Писарева, субъективизма Лаврова, Михайловского и мистицизма Соловьёва, анализ взглядов официальной реакции Каткова и Победоносцева, а также анархизма Кропоткина. Много внимания уделено русскому социализму. Здесь Масарик допустил особенно грубые ошибки вследствие непонимания марксизма. Но интересно, что в этой части книги Масарик первый в буржуазной литературе Запада говорит уже и о Ленине. При всех своих недостатках книга Масарика свидетельствует о глубоком интересе чехов к русской революции и вообще к так называемой «русской проблеме».

Накануне первой мировой войны чешские социал-демократы снова налаживают прямую связь с русской революцией, и опять

---

[1] «Radikalní listy». 1. IX. 1906.

[2] «Česká demokracie», č. 34. 1906

[3] «Slovanský Pryehled» под редакцией Адольфа Черны. В нём сотрудничали известные слависты: Л. Нидерле, Ю. Поливка, К. Кадлец, русский Н. Кареев, поляк Эдзеховский, хорват Ст. Радич. В 1907 г. в журнале опубликована общая статья о русском революционном движении Ч. Слепонека «Z dejin osvobozenského hmuti v Rusku».

[4] «Rusko a Europa». Studie o duchovních praudech v Rusku, 2 narty 1919—1921, 2-е изд. 1930. Издано и в переводах «Russland und Europa». Jena. 1913 (издано раньше, чем чешский подлинник: «The spirit of Russia». 1919. Итальянский перевод издан в 1925 году.

перед Ленина В 1912 г, когда в России начался новый подъем революционного движения, Ленин усиленно готовил партийную конференцию, которая должна была завершить изгнание меньшевиков и оформление партии нового типа, партии большевиков. Местом конференции Ленин выбрал Прагу. «Владимир Ильич,—писала Крупская,—знал Прагу по первой эмиграции, когда он жил там некоторое время у Модрачека»[1]. Как в 1900 г, так и в 1912 г. этому выбору Ленина благоприятствовало то обстоятельство, что в Праге — славянском городе — русским подпольщикам гораздо легче было слиться с местным населением, чем в каком-либо немецком, французском или английском городе. К тому же Прага была одним из ближайших пунктов к тогдашней русской границе. Несомненно, Ленин учитывал и сочувствие передовых людей Чехии к русской революции. Благодаря всему этому Прага стала местом конференции, одной из самых важных в истории большевистской партии[2].

Ленин, живший тогда в Париже, был лично знаком с председателем чешской социал-демократической партии и ее представителем в Международном социалистическом бюро Антоничем Немецом. К нему Ленин и обратился письменно с просьбой помочь в этом деле: «Некоторые организации нашей партии намерены собрать конференцию (заграницей — конечно). Число членов конференции около 20—25 Не представляется ли возможным организовать эту конференцию в Праге (продолжительностью около одной недели)? Самым важным для нас является возможность организовать дело архиконспиративно. Никто, никакая организация не должны об этом узнать. (Конференция социал-демократическая, значит, по европейским законам легальная, но большинство делегатов не имеют паспортов и не могут назвать своего настоящего имени) Я очень прошу Вас, уважаемый товарищ, если это для Вас возможно, помочь нам и сообщить мне, по возможности скорее, адрес товарища в Праге, который (в случае положительного ответа) мог бы осуществить практически это дело. Лучше всего было бы, если бы этот товарищ понимал по-русски»[3].

Антонин Немец дал согласие помочь и поручил это дело одному из молодых чешских социал-демократов, Гавлена, профсоюзному деятелю, который знал русский язык. Гавлена приготовил для делегатов квартиры у отдельных чешских товарищей Местом для конференции он выбрал пражский Народный дом — центр чешской социал-демократической партии. Там внизу был так называемый Розовый зал, изолированный от остальных помещений, так что посетители Народного дома даже не замечали, что там происходит. В Розовом зале и состоялась с 18 по 30 января 1912 г. VI, Пражская конференция РСДРП

Конференция, как известно, изгнав меньшевиков окончательно из партии, избрала большевистский Центральный Комитет во главе с Лениным В ЦК заочно был избран находившийся тогда в ссылке И. В. Сталин поставленный во главе созданного решением конференции практического центра для руководства революционной работой в России (Русское бюро ЦК). Здесь же был решён и вопрос об издании центрального органа партии — «Правды».

Таким образом, с Чехией, в частности со столицей Чехословакии Прагой, связано одно из самых замечательных, всемирно-исторических событий — окончательное оформление партии нового типа, партии Ленина — Сталина.

[1] Крупская Н Воспоминания о Ленине, стр. 176 М 1933

[2] Неедлы Зд Ленин в Праге. «Поволжская коммуна» от 21 января 1912 года

[3] Ленин Соч. Т. XXIX, стр. 66.

ПОСОЛЬСТВО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В НОРВЕГИЮ

И. Шаскольский

В архивах старинных монастырей далекой Исландии сохранились ценнейшие документы по истории европейского Севера. Архивы исландских монастырей дали нам основную массу источников по истории средневековой Норвегии, много сведений о Швеции, Дании. Здесь сохранились и драгоценные крупицы сведений о далеком прошлом наших страны.

В исландских архивах хранятся четыре списка саги[1] о короле Хаконе, сыне Хако-

[1] В данном случае слово «сага» надо понимать шире, чем это принято обычно. Термин «сага» в узком смысле — это эпическое произведение со значительным элементом фантастики, типичное для скандинавских стран. В данном же случае в термин «сага» вкладывается более широкое понятие — рассказ, сочинение.

на (Хаконе Старом) составленной в 60-х годах XIII века Сага о Хаконе Старом содержит ценнейшие сведения о внешнеполитической деятельности великого русского полководца и государственного деятеля Александра Невского и о внешних отношениях Новгорода. Описывая жизнь короля Хакона и его страны в 1251 г. сага рассказывает об одном событии, связанном с именем знаменитого русского князя.

Зимой 1251 г. в Трандхейм ко двору короля Хакона Старого прибыли невиданные ранее гости — послы из далекой восточной страны Гардарики[1], от короля Александра. Они вступили в переговоры с норвежцами, одной из целей посольства было просить руки дочери Хакона — Христины — для одного из сыновей Александра.

Известие это уже довольно давно сделалось достоянием русской исторической литературы[2]. Но русским историкам был известен со слов западных исследователей лишь самый факт посольства. Подлинный текст источника нашим историкам был совершенно неизвестен. Поэтому и историческое значение события осталось непонятым, о нем лишь упоминали как о своего рода курьезе. Между тем это известие имеет глубокий исторический смысл и должно несколько изменить наши представления о внешней политике Новгородского государства.

Приводим подлинный текст источника в переводе со старонорвежского языка[3].

«В ту зиму, когда Хакон конунг сидел в Трандхейме, прибыли с востока, из Гардарики, послы Александра, конунга Хольмгарда[4]. Звался Микьян, и был рыцарь, тот, кто стоял во главе их. Жаловались они на то, что делали между собой чиновники[5] Хакона конунга и его сына на севере в Марке[6] и восточные Кирьялы[7], те, что платили дань конунгу Хольмгардов, потому что между ними постоянно было немирье, грабежи и убийства. Были там совещания и было решено, как этому положить конец. Им было также поручено повидать госпожу Кристину, дочь Хакона конунга, потому что конунг Хольмгарда велел им узнать у Хакона конунга, не отдаст ли он госпожу ту замуж за сына Александра конунга. Хакон конунг решил так, послал мужей из Трандхейма весной, и поехали на восток вместе с послами Александра конунга. Стояли во главе их Виглейк — сын священника, и Боргар. Поехали они в Бьоргюн[8], а оттуда восточным путем[9], прибыли они летом в Хольмгард, и конунг принял их хорошо, и установили они тогда мир между собой и своими данническими землями так, чтобы не нападали друг на друга ни Кирьялы, ни Финны[10], и продержалось это соглашение недолго. В то время было немирье великое в Хольмгарде, напали татары на землю конунга Хольмгарда, и по этой причине не поминали больше о сватовстве том, которое велел начать конунг Хольмгарда. И после того, как они закончили порученное им дело, поехали они с востока с почетными дарами, которые конунг Хольмгарда послал Хакону конунгу. Прибыли они с востока зимой и встретились с конунгом в Вике[11]».

Достоверность рассказа саги не подлежит сомнению. Сага о Хаконе, сыне Хакона (Хаконе Старом), написана исландцем Стурлой, сыном Торда[12] около 1265 года. Стурла был одним из приближенных Хакона и его сына Магнуса. Сага создана Стурлой на основе его личных воспоминаний, архивных документов, устных сообщений Хакона и его сына, а также других современников. Сага, написанная через несколько лет после смерти короля, носит документальный характер.

В приведенном тексте рассказывается, что в 1251 г. новгородский «конунг» Александр

---

[1] Гардарики — древнее скандинавское название Руси.

Карамзин Н. История государства Российского. Т. IV, стр. 44, прим. 87. СПБ. 1842, Бутков П. Три древние договора руссов с норвежцами и шведами («Журнал министерства внутренних дел» Ч. XXIII, 1837 г., стр. 329), Экземплярский А. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. Т. I, стр. 34. СПБ. 1889. Но эти авторы не знали о существовании саги о Хаконе и ссылались на компилятивное сочинение норвежского историка XVII в. Торфея. В последние годы написаны десятки статей, брошюр и книг об Александре Невском, но о норвежском посольстве упоминается лишь в двух брошюрах. Даже в наиболее серьезной из последних биографических работ, в статье В. Пашуто «Александр Невский» («Ученые записки ЛГУ» № 36 за 1939 г., стр. 62), мы не находим упоминания о сношениях Александра с Норвегией.

[3] Научный перевод данного источника на русский язык сделан впервые. Перевод выполнен ныне покойной Е. Рыдзевской, ей же принадлежат и примечания к переводу.

[4] Хольмгард — древнее скандинавское название Новгорода.

[5] Термин «svslumadr» переводим словом «чиновник». «svslumadr» — королевский чиновник. «Вопросы истории», № 1.

[6] Марка. Mork, т. е. Finnmork. Финмаркен, от слова «mork» — окраина, пустынная, незаселенная территория. «Finnmork» — финская (т. е. саамская) окраина.

[7] Кирьялы — Kirjalar — карелы.

[8] Бьоргюн — нынешний Берген.

[9] Восточный путь — через Балтийское море.

[10] Финнами норвежцы называют саамов (лопарей).

[11] Flateyjarbok. Bd III, S. 181—182. Christiania 1863. Из четырех списков саги мы выбрали список, заключенный в Flateyjarbok, ибо здесь находится наиболее полный текст рассказа 1251 года. Три остальных списка не содержат ничего нового по сравнению с данным списком и беднее по содержанию. Flateyjarbok — большой компилятивный свод саг, составленный в Исландии в 70-х годах XIV века.

[12] Он был племянником знаменитого исландского историка Снорри, сына Стурлы (Снорри Стурлусона).

новник, ведавший сбором дани и всяких поборов.

послал в Норвегию посольство с боярином Михаилом[1] во главе. Это посольство начало длительные переговоры между двумя государствами. Переговоры были перенесены затем в Новгород, где и закончились заключением соглашения. Уже беглого просмотра текста достаточно, чтобы убедиться, что сватовство играло в данном случае второстепенную роль. В тексте саги указаны события, вызвавшие отправку новгородцами посольства в далёкую Норвегию. Русские послы в Норвегии «жаловались... на то, что делали между собой чиновники Хакона конунга на севере в Марке и восточные Кирьялы, те, что платили дань конунгу Хольмгардов, потому что между ними постоянно было немирье, грабежи и убийства»[2]. Место происходящих событий указано ясно: термином «марка» в норвежской средневековой литературе обозначалась страна саамов[3]. В саамской тундре норвежские чиновники, собиравшие дань с саамов, постоянно вступали в столкновения с карелами, данниками новгородского князя. Целью переговоров русских послов с норвежцами было прекратить столкновения и установить мир в тех областях, где эти столкновения происходили.

Роль карелов во внешней политике Новгородского государства хорошо известна. В XII—XIII вв. карелы неизменно выступали как союзники и вассалы Новгорода, как активные борцы за интересы новгородской государственности. На северозападе внешнюю политику Новгорода проводили в значительной мере карелы; лишь в наиболее ответственные моменты на помощь им приходили русские дружины. Интересы карелов и новгородской государственности в то время совпадали. При помощи карелов Новгород вёл борьбу со шведами за пограничные области на северозападе[4]. Видимо, аналогичную роль карелы играли и на Крайнем Севере. Они не были исконными жителями в саамской тундре, выступали здесь как пришельцы с юга и стремились включить эту страну под власть Великого Новгорода. Но здесь они встретились с серьёзным противником: норвежцы ещё в IX в. начали собирать дань с саамов и, вероятно, хотели сохранить за собой монопольное право на неё. На почве борьбы за саамскую дань, очевидно, и начались столкновения[5], принявшие современем такие широкие размеры, что правительствам пришлось вмешаться и вступить в переговоры для урегулирования конфликта. Переговоры закончились заключением соглашения, по всем данным — первого мирного соглашения между двумя крупнейшими государствами Северной Европы[6].

Теперь можно определить, какое значение в действительности имело сватовство в общем ходе переговоров. Задача посольства заключалась в установлении мирных отношений между двумя государствами в пограничной области. Сватовство же, очевидно, по мысли его инициатора — Александра Невского,—должно было помочь решению этой задачи. Александр Невский, повидимому, считал, что таким путём можно будет заинтересовать норвежского короля в заключении мирного соглашения и легче будет договориться по спорным вопросам. А если сватовство удастся, то мирное соглашение будет гораздо прочнее и можно будет наладить постоянные мирные отношения между обоими государствами.

Стремление Александра сделать соглашение более прочным и длительным видно и из другого факта. Когда норвежские послы прибыли в Новгород, Александр устроил им хороший приём и вручил богатые дары для короля Хакона, чтобы расположить к Руси послов и короля.

Почему же всё-таки сватовство не удалось? Автор источника объясняет это нападением татар на Русь. Действительно, в

---

[1] Кто был этот Микьял, т. е. Михаил? Термин «рыцарь» (riddari), т. е. представитель высшего аристократического слоя населения, для Новгорода должен быть передан словом «боярин». Для 50-х и 60-х годов XIII в. мы знаем несколько представителей новгородского боярства с именем Михаил: Михаил (Михалка) Степанович, посадник с 1255 по 1257 г., Михаил Фёдорович из Ладоги, посадник с 1257 по 1268 г., Михаил Пинищинич, участник событий 1256—1257 годов. Нам кажется почти очевидным, что из этих трёх лиц именно Михаил Фёдорович и был руководителем посольства 1251 года. Мы знаем, что его родина Ладога — самый северный город новгородской земли, своего рода последняя станция на собственно русской территории на пути из Новгорода в Заволочье — с XI в. была тесно связана с Заволочьем. Ладога являлась уже в XI в. исходным пунктом для экспедиций на Север (вспомним записанный в Ладоге рассказ Гюряты Рогвича в Начальной летописи); эту роль она, вероятно, сохранила и позднее. Поэтому, когда Александр стал подбирать состав посольства, он, очевидно, всем другим кандидатам из числа бояр предпочёл ладожанина как человека, лучше других знакомого со сложными отношениями Крайнего Севера.

[2] Сага о Хаконе, см. выше.

[3] См. выше, стр. 114, прим. 6.

[4] См. Шаскольский И. Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой. «Военно-исторический журнал» № 7 за 1940 г., стр. 91.

[5] По указаниям саги, карелы вступали в постоянные столкновения с норвежскими чиновниками в Финмаркене («Между ними постоянно было немирье, грабежи и убийства»); эти чиновники имели в саамской тундре только одну функцию — сбор дани с саамов. Очевидно, карелы вооружённым путем препятствовали сбору дани норвежскими чиновниками и отнимали собранную последними дань.

[6] Есть все основания полагать, что это соглашение, явившееся результатом длительных переговоров между правительствами двух больших европейских государств, не могло быть устным; оно вероятно, было зафиксировано в определенном документе — мирном договоре.

1252 г. на Руси происходит обострение внутриполитической борьбы, закончившееся новым татарским набегом. Татарское войско царевича Неврюя изгнало Андрея Ярославича из Владимира и разграбило ряд городов. Вполне понятно, что Александру в это время было уже не до сватовства[1].

Итак, посольство 1251 г. свидетельствует о том, что в середине XIII в. в саамской тундре столкнулись государственные интересы Новгорода и Норвегии, что новгородские владения придвинулись к пределам Норвегии и что, следовательно, вся Карелия (прионежская и беломорская) и значительная часть страны саамов (в первую очередь ближайшая к Новгороду часть страны — Кольский полуостров[2]) к этому времени стали периферийными владениями Великого Новгорода. В существующие у нас представления о размерах Новгородского государства в XIII в. вносятся, таким образом, существенные коррективы.

Описанное известие заставляет нас несколько изменить и наши представления об общем состоянии Руси в первые годы после нашествия Батыя. 40-е и 50-е годы XIII в. были самыми тяжёлыми в жизни нашей родины. Почти все русские города лежали в развалинах, чернели пожаришами деревни и села. Вся страна жила воспоминаниями о страшном нашествии; князья вынуждены были выполнять волю победителей. А победители именно в эти годы готовили и проводили оформление своего господства (введение «числа»). И даже Новгород, не затронутый нашествием, вынужден был склонить голову перед завоевателями.

Несмотря на это русская государственность не была раздавлена, и попрежнему Русь говорила с Западом полным голосом. Шведы и немцы в 1240—1242 гг. попытались использовать ослабление Руси после нашествия Батыя, но получили такой сокрушительный отпор на Неве и Чудском озере, что с тех пор долго боялись нападать на русские пределы[3]. В 40-е и 50-е годы и Швеция и Ливония с уважением и страхом смотрели на своего восточного соседа. В конце 40-х годов в далёкой полярной тундре возникла угроза для русских государственных интересов. Правда, норвежцы угрожали даже не русским промышленникам (их там ещё не было), а лишь русским вассалам — карелам, и, конечно, конфликт на дальнем севере не мог иметь большого значения для всей системы внешних отношений огромного Новгородского государства. И если, тем не менее, новгородский князь в страшные годы после нашествия Батыя счёл нужным заняться урегулированием конфликта карелов с Норвегией, то отсюда явствует, что русская государственность даже в самый тяжёлый момент своей истории сохранила свою мощь и продолжала вести активную внешнюю политику на Западе.

С другой стороны, показательно и отношение норвежцев к переговорам. Есть все основания полагать, что норвежцы в стране саамов (во всяком случае, в её западной части) были значительно сильнее, чем карелы, ибо Норвегия была рядом, тогда как основные территории Карелии (Приладожье, Прионежье) были далеко, Новгород — почти за 3 тыс. вёрст. И, тем не менее, норвежское правительство, судя по тексту саги, охотно пошло на заключение мирного соглашения с послами Александра Невского, которое, повидимому, не давало преимуществ ни одной из договаривающихся сторон[4]. Это показывает, насколько высок был тогда международный престиж русской государственности.

Рассказ о посольстве в Норвегию даёт нам, пожалуй, наиболее существенный материал для характеристики дипломатической деятельности Александра Невского (ибо всё, что мы об этой стороне его деятельности знали раньше, весьма фрагментарно)[5]. Текст саги прямо указывает, что посольство было отправлено самим Александром («прибыли... послы Александра, конунга Хольмгарда»). Руководящая роль Александра в отправке посольства подтверждается и фактом сватовства, только отец мог просить руку норвежской принцессы для одного из своих сыновей[6].

Попытаемся представить себе конкретную обстановку середины XIII в., чтобы правильно представить размах описываемых событий. За 3 тыс. вёрст от Новгорода русские данники-карелы вступили в борьбу с пред-

---

[1] Возможно и другое объяснение. Сватовство было, конечно, дипломатическим приёмом, имевшим целью расположить норвежского короля в пользу соглашения с Новгородом. Когда же оказалось, что соглашение может быть проведено и может оказаться достаточно прочным и без династического брака, Александр под благовидным предлогом отказался от сложного и дорогостоящего сватовства.

[2] Принадлежность Кольского полуострова Новгороду в XIII в. доказывается и другими источниками. Так, например, в рядных грамотах новгородских князей Кольский полуостров под древним названием «Тре» с 1265 г. упоминается в числе новгородских волостей.

[3] В 1245 г. столь же сокрушительный отпор от Александра Невского получили литовцы, нападавшие на Торопец и Бежецк.

[4] «...установили мир... так, чтобы не нападали друг на друга ни кирьялы, ни финны». (Сага о Хаконе, см. выше).

[5] До сих пор мы знали лишь о неоднократных переговорах Александра с Ордой, — причём о задачах, ходе и о результатах этих переговоров мы можем большей частью лишь догадываться, — а также о посольстве папы к Александру с предложением союза; активная роль Александра Невского в приёме посольства заключалась лишь в том, что он решительно отказал папским послам.

[6] Нужно отметить, что Александр в эти годы не жил постоянно в Новгороде; здесь жил в качестве князя его сын Василий. Но Василий был скорее наместником своего отца, и основные вопросы новгородской жизни попрежнему решал Александр. Перед отправкой посольства Александр, вероятно, побывал в Новгороде.

ставителями чужеземного государства. При тогдашних представлениях (точнее, при почти полном отсутствии представлений) о географии только государственный деятель такого масштаба, как Александр Невский, мог разобраться в этих сложных событиях, определить, с каким именно государством столкнулись русские власти, и наметить единственно правильный путь для разрешения конфликта Посылать за 3 тыс. вёрст вооруженные силы было бы слишком трудно и дорого. Можно было бы, конечно, учитывая напряженную общеполитическую обстановку на Руси, просто махнуть рукой на какие-то стычки на Крайнем Севере и предоставить карелов самим себе, как это и сделали преемники Александра в конце XIII и начале XIV в. при возобновлении конфликта в саамской тундре [1]. Но именно здесь Александр показал себя подлинно великим государственным деятелем, заботящимся не только о повседневных делах, но и об интересах всей страны в целом и о перспективах внешней политики русского государства. К 1251 г. Александр Невский упрочил и укрепил границы государства с тремя главными западными соседями — Швецией, Германией и Литвой. Необходимо было закрепить отношения с четвертым соседом — Норвегией, и тогда Русь могла быть спокойна за всю свою западную границу. Заключение прочного мирного соглашения с Норвегией должно было, вероятно, по мысли Александра, установить надолго нормальные, мирные отношения между Норвегией и Новгородом и тем самым обеспечить русские интересы в стране саамов. Александр вёл переговоры как глава великой державы европейского Севера и высоко поднял международное значение русской государственности.

[1] Столкновения карелов с норвежцами в западной части страны саамов возобновились в конце XIII в. и достигли наибольшей силы в начале XIV века. Новгородские власти (как можно заключить из норвежских источников) не вмешивались в эти столкновения, предоставив карелам и русским ушкуйникам полную свободу действий.

ПАМЯТИ Ф. И. УСПЕНСКОГО

Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР, посвящённая вопросам византиноведения

В. Альтман

В ознаменование исполнившегося в этом году столетия со дня рождения выдающегося русского византиниста академика Фёдора Ивановича Успенского Отделение истории и философии Академии наук СССР созвало в апреле с г сессию, посвящённую памяти Ф. И. Успенского На трёх заседаниях сессии был заслушан ряд докладов крупнейших знатоков истории Византии и выработаны практические мероприятия для усиления византиноведческой исследовательской работы советских научных учреждений.

Во вступительном слове секретарь Отделения истории и философии АН СССР акад В. П. Волгин кратко охарактеризовал деятельность и жизненный путь Ф. И Успенского, его роль в развитии русской исторической науки и в международном византиноведении. С именем Ф И Успенского связан расцвет византиноведения в России, сказал акад. Волгин, его перу принадлежат крупнейшие работы по социально-экономической истории Византии, по общественно-политической идеологии, по истории взаимоотношений и связей славянских государств с Византией. Итоги своих исследований Успенский дал в большом трёхтомном труде «История Византийской империи», представляющем собой, как и другие его труды, ценнейший вклад в русскую и мировую науку. Под руководством Успенского журнал «Византийский временник» занял одно из первых мест в ряду научных исторических журналов мира. Творческая энергия Успенского проявилась также в его деятельности как организатора и бессменного директора Русского археологического института в Константинополе и редактора «Известий» этого научного учреждения.

Академик Волгин отметил, что данная сессия, так же как и сессия по вопросам византиноведения, созванная Отделением в прошлом году, должна способствовать усилению работы на этом, очень важном, но до сих пор несколько отстающем участке нашего исторического фронта.

Прежде чем приступить к рассмотрению намеченных вопросов, собравшиеся почтили память Ф И Успенского вставанием

Первым был заслушан доклад чл.-корр. АН СССР Е А. Косминского на тему «Советское византиноведение и его задачи». Доклад так подчеркнул высокую политическую актуальность византиноведческих проблем. Благодаря успехам доблестной Красной Армии была восстановлена тесная, братская связь между оторванными ранее друг от друга славянскими народами Эта политическая и культурная связь будет всё больше и больше укрепляться. Перед нашей наукой и научной общественностью стоит большая задача—наиболее полно и глубоко изучить историю придунайских и балканских стран, испытавших сильнейшее влияние Византии, причем часть из них даже входила в состав Византийской империи.

Е. А. Косминский указал на известные

достижения советских византиноведов со времени прошлогодней византиноведческой сессии Отделения истории и философии. Если в прошлом году отметил докладчик, мы говорили об общих задачах, планах, выступления участников носили программный характер и имели целью главным образом возбудить интерес к истории Византии, то истекший год дал конкретные научные результаты, и в повестке данной сессии уже стоит ряд специальных исследовательских работ, посвященных отдельным проблемам истории Византии Тем не менее одна из важнейших очередных задач — выявить и собрать византиноведческие силы в нашей стране, а также подготовить новые кадры В этом отношении уже имеются определенные результаты Работа большинства наших византиноведов объединена вокруг ленинградской и московской византиноведческих групп в составе Института истории Академии наук СССР Обе группы осуществляют обширный план научно исследовательской работы, хронологически охватывающей всю историю Византии — от ее начала до падения — и включающей темы по экономической, политической культурной и правовой истории Византии Особое внимание уделяется международным связям Византии и ее влиянию на другие страны В планы работ групп входит изучение истории русского византиноведения и издание трудов В Г Васильевского и Ф И Успенского а также продолжение издания трудов В В Латышева о надписях Причерноморья Московская и ленинградская группы ведут работу по подготовке учебной литературы по византиноведению В настоящее время заканчивается составление сборника переводов текстов по истории византийского феодализма В печати находится подготовленный советскими византиноведами «Византийский сборник»

Е А Косминский наметил проблематику и остановился на наиболее интересных работах византиноведов Он указал также ряд византиноведов, работающих в других городах Союза (Свердловск, Пенза и др) и выдвинул серьезную задачу — не только установить теснейшую связь между византиноведами и востоковедами Москвы и Ленинграда, но также включить в эту работу и следователей, работающих в Армении, Грузии, в среднеазиатских советских республиках и т д

Важным мероприятием является основание в Ленинграде кабинета по византиноведению который должен сосредоточить рукописные и печатные труды касающиеся византийской истории и вести библиографическую работу Кабинет этот должен помочь в деле изучения имеющихся в нашей стране огромных рукописных фондов которые еще далеко не изучены Необходимо также поднять изучение вспомогательных наук по византиноведению в частности греческо-византийской палеографии

Не менее важной задачей является широкая популяризация истории Византии и организация преподавания ее в высших учебных заведениях Пока только в одном Ленинградском университете читается общий курс и ведутся специальные семинары по византиноведению, в составе кафедры славяноведения здесь образован византиноведческий цикл Другие университеты должны последовать этому примеру В Институте истории Академии наук СССР создана аспирантура по византиноведению, имеется также аспирантура по этой специальности и в Московском университете

Докладчик остановился на некоторых принципах византиноведческой работы Особенно подчеркнул он задачу установления тесной связи изучения истории Византии с изучением истории других стран Европы и Востока Ничего не может быть более вредного и опасного для любой исторической дисциплины, как замыкание в самой себе, сказал он К чести наших византиноведов, следует сказать что они никогда не становились на этот неправильный путь Ф И Успенский, как и его учитель В Г Васильевский сумели связать вопросы византиноведения с широкими вопросами исторического знания И мы должны поддерживать постоянную связь с историками Запада и особенно с историками славянских народов и народов Ближнего Востока.

С задачей широкого охвата византиноведческой проблемы тесно связана и важнейшая задача изучения истории византийской культуры Мы должны ближе подойти к изучению византийской археологии и византийского искусства Выдающихся специалистов в области византийского искусства у нас немало Их необходимо привлечь к работе историков византиноведов

Доклад на тему «Ф И Успенский как византолог» сделал Б Т Горянов Он осветил основные факты биографии Ф И Успенского и значение его многочисленных трудов Особенно большое внимание докладчик уделил анализу социально экономических и культурно исторических исследований акад Успенского, доставивших этому выдающемуся русскому ученому мировую славу[1]

Далее с докладом о неопубликованных материалах Ф И Успенского выступил Н С Лебедев Он указал, что ненапечатанные рукописи акад Успенского, хранящиеся в архиве Академии наук СССР в Ленинграде, представляют большой интерес для исторической науки и должны быть изучены и приготовлены к опубликованию

Центральное место в научном наследстве Успенского занимает его капитальный труд «История Византийской империи» Первый том его был издан в 1913 г первая половина II тома — в 1927 году Таким образом должны быть изданы вторая половина II тома и весь III том За исключением нескольких глав весь необходимый для издания материал сохранился В архиве Академии наук СССР в Ленинграде находятся на хранении и другие рукописи акад Успенского, представляющие большой научный интерес Они довольно значительны по объему и нуждаются в специальном обследовании и изучении Однако уже сейчас из большого количества рукописей вы-

[1] Материал, содержащийся в докладе Б Т Горянова изложен в статье, напечатанной в «Историческом журнале» № 12 за 1944 год

делены наиболее важные по теме, которые должны быть изданы в первую очередь. Сюда прежде всего относятся работы Ф. И. Успенского о значении для народов Европы, а также для Византии появления на арене мировой истории монголов и турок. Точно так же весьма ценной и подлежащей напечатанию в ближайшее время является хранящаяся в том же архиве рукопись сделанного Ф. И. Успенским перевода доклада Лиутпранда Кремонского о его посольстве в Константинополь в 968 году. Этот исторический памятник, одинаково необходимый как для византиноведов, так и для медиевистов, до Успенского на русский язык переведен не был. Наконец, с научной точки зрения, ценна переписка Ф. И. Успенского, относящаяся почти целиком к дореволюционному времени и состоящая преимущественно из писем, адресованных самому Успенскому. Их около 500. Среди них письма Бузескула, Иконникова, Васильевского, Кондакова, Латышева и многих других историков. Содержание писем весьма разнообразно и богато интересным материалом для византиноведения и его истории.

Проф. М. В. Левченко в обстоятельном докладе «К истории византийских димов», посвященном исследованию классовой природы венетов и прасинов («зелёные» и «голубые») дал углубленный анализ борьбы отдельных слоев населения столицы и крупнейших городов Византии. Эта борьба, игравшая большую роль во внутренней истории Византийской империи в первый период её существования, явилась выражением классовых противоречий византийского общества.

До появления работы Ф. И. Успенского «Партии цирка и димы в Константинополе», говорит докладчик, все византиноведы XV—XIX вв. (Гиббон, Фридлендер, Вилькон, Рамбо) отрицали связь партий цирка с политическими движениями и доказывали, что борьба венетов и прасинов не имела социально-политических оснований, что венеты и прасины были только фракциями ипподрома. Ф. И. Успенский первый доказал, что цирковые партии были не только спортивными организациями, что они имели военные и гражданские функции и являлись организациями народа.

Е. Э. Липшиц доложила о результатах своей многолетней работы над юридическими источниками, освещающими важнейший вопрос — о влиянии славянской общины на процесс феодализации византийского общества. В результате обстоятельного обзора истории славянской колонизации на территории империи докладчица устанавливает следующие, наиболее существенные моменты. Славянские поселения представляли собой в VI—VIII вв. сельские территориальные общины с чертами, характерными для высшей стадии варварства. Они получили в рассматриваемую эпоху широкое распространение по всей территории империи, располагаясь и в балканских и в малоазийских ее областях (в последних — в результате насильственных переселений, практиковавшихся византийскими императорами). Излюбленными районами поселений славянских племен были глухие, лесистые местности, часто вблизи рек и озер. В их хозяйстве отмечается широкое развитие скотоводства и земледелия (злаки). Признание ими верховенства империи влекло за собой подчинение византийским властям или их ставленникам, отбывание воинской повинности, уплату налогов и податей (наравне с низшими категориями свободных византийского общества), в худших случаях следовало закрепощение.

По данным «Земледельческого закона» Е. Э. Липшиц констатировала, что закон был ориентирован на регламентацию жизни сельских поселений, имеющих ярко выраженные черты высшей стадии варварства — стадии сельской территориальной общины—марки. Поселения эти локализовались в глухих и заброшенных лесистых областях, близ проточных вод. Хозяйственная жизнь этих сельских общин характеризуется широким развитием скотоводства и разнообразных видов земледелия. Система санкций закона приравнивала юридическое положение членов общины к положению низшей категории свободных, подлежащих налоговому обложению.

Сопоставление тех и других, независимо друг от друга полученных выводов, дает основание утверждать, что происхождение «Земледельческого закона» стоит в непосредственной связи с распространением славянских поселений на территории империи. Именно этим можно объяснить бросающееся в глаза сходство отразившихся в законе обычаев с описаниями быта славянских племен, игравших столь важную роль для империи в современную закону эпоху.

Однако вывод этот требует существенного уточнения. Вряд ли можно считать, что закон применялся лишь славянскими общинами. Против такой интерпретации памятника говорит ряд веских соображений. Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие в законе какой-либо этнической характеристики. Географическая же характеристика памятника совпадает с пределами империи в эту эпоху. Экстенсивная система сельского хозяйства, рассчитанная на разработку заброшенных и вновь осваиваемых земель, в сочетании с характером ландшафта, наиболее распространенного в империи, не вносит в этом отношении какого-либо более узкого локального ограничения. В результате военных событий VI—VIII вв. число покинутых и разоренных земель должно было быть очень значительно и в европейских и в азиатских областях. Достаточно напомнить о широком размахе аваро-славянских нападений, которые неоднократно опустошали Фракию, Македонию и Грецию и доходили до самого Константинополя. Не менее пострадала и Малая Азия от военных вторжений иранских и арабских войск, заполняющих историю этого времени. Запущенное и разоренное хозяйство во всех этих областях в равной степени нуждалось в восстановлении.

При этих условиях наиболее жизнеспособной формой сельского хозяйства в раннефеодальной Византии оказалась свободная крестьянская община с ее традициями коллективного труда и остатками коллективной

собственности на землю Огромную роль в распространении общинных порядков, несомненно, сыграла славянская колонизация Местные общины, находившиеся еще недавно в состоянии глубокого упадка, расцвели новой жизнью в связи с славянской колонизацией VI—VIII вв т. е в связи с процессом варваризации восточных (и западных) областей бывшей «мировой» Римской империи

Вместе с тем в глазах византийского фиска естественно выросшие и сплоченные сельские общины имели важные преимущества. К ним была легко приложима система круговой поруки Эти коллективные налогоплательщики принадлежавшие к тому же к незащищенному привилегиями классу населения, служили наиболее надёжным источником налоговых поступлений Они же несли на себе тяготы воинской повинности.

Таким образом сельская община превратилась в основную экономическую опору византийского централизованного государства, придя на смену полурабской форме колоната.

О степени распространения крестьянской общины и ее удельном весе в общей экономике византийского государства можно судить по многочисленным мероприятиям византийских императоров X—XI вв направленным к защите общинных земель от расхищения и к защите крестьянства от закрепощения местными феодалами По характерному определению новеллы Романа II (935), «крестьянские общины из числа многих других выполняют многочисленные полезные функции, как платежом государственных налогов, так и отбыванием воинской повинности»

Всё изложенное дает основание предполагать, что «Земледельческий закон» очевидно, имел назначением фиксировать результаты стихийных изменений, происшедших в аграрном строе империи в VI—VII вв и выразившихся в глубоком внедрении в него общинных порядков По своему содержанию закон исходил прежде всего из правопорядков, свойственных славянским общинам, как наиболее важной для империи в рассматриваемую эпоху группы новообразованного крестьянства Черпая материал своих постановлений из неразрушенных ещё обычаев славянских племёч, закон использовал эти обычаи в интересах империи и втискивал их в прокрустово ложе римско византийских правовых норм Таким образом «Земледельческий закон» явился своеобразной кодификацией славянского обычного права, своеобразным lex slavice, что и создало ему исключительную популярность у славянских народов.

Однако значение этой кодификации выходило далеко за пределы одних только славянских общин Закон с полным основанием может рассматриваться как замечательный памятник новых, более прогрессивных, чем колонат, общинных отношений, установившихся в аграрном строе раннефеодальной Византии Закон, разумеется, не исчерпывал всего многообразия сельскохозяйственных условий своей эпохи Задачей его являлась регламентация только наиболее важных для того времени форм крестьянского землевладения, именно сельской территориальной общины, своеобразной византийской параллели западноевропейской марки

Образование кадров свободного крестьянства в империи не могло не вызвать подъема производительных сил, оживления экономики страны Запущенные и заброшенные прежде пашни возделывались вновь Покинутые округа оживали Именно благодаря этому экономическому подъему, подчеркивает Е Э Липшиц, империя успешно вышла из кризиса VII—VIII вв и приобрела силы для дальнейшего длительного существования

В докладе «Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII веках» проф Н В Пигулевская сообщила основные данные своего исследования о торговых связях Византии с Востоком

Ремесло и торговля, высоко стоявшие в Византийской империи, говорит докладчица, претендовали на первое место не только в Средиземноморье, но и в Передней Азии В эпоху Римской империи шелк, производившийся в Китае, стал известен в Средиземноморье. Это была дорогая ткань Из шелка шили праздничные одежды и культовые одеяния, о нём мечтали невесты, готовя подвенечные наряды, шелком покрывали алтари, его, как предмет роскоши приносили в дар богам, надевали во дворцах и богатых виллах, его с жадностью уносили варвары в качестве добычи

К концу V и до начала VII в н э торговля шёлком на Ближнем и Среднем Востоке приобрела особенно большое значение В доставке и продаже шелка оказались заинтересованы не только главная соперница Византии—Персия, но и Эфиопия, арабские княжества всей Передней Азии, согды и тюркский каганат И в этом случае Константинополь наследовал связи, традиции и задачи Рима, который стремился освободить и захватить ближайшие торговые пути

Во внешней политике Византии на Востоке доминирующим моментом было стремление обезопасить торговые пути Сухопутная дорога в Китай тянулась через Иран, Среднюю Азию и цепь оазисов, в экономической жизни которых караванная торговля играла решающую роль Морской путь за шелком и ароматами вел к острову Цейлону и южным берегам Индостана Необходимость иметь базы на восточных берегах Африки и в южноарабских государствах, находившихся под влиянием Эфиопии, привела к оживленным сношениям Византии с Эфиопией и впоследствии — к христианизации последней

Для обеспечения караванного пути Византия предприняла ряд дипломатических шагов В V и VI вв мирные договоры с Ираном в первую очередь имели целью гарантировать непрерывность коммерческих операций и носили характер торговых соглашений (договоры Феодосия и Юстиниана)

Согды, заинтересованные в сбыте своего шелка, шли навстречу стремлениям Византии получить доступ в обход Ирана к торговым путям в Средней Азии При господстве эфталитов, а потом тюрок оказалось невозможным заключить непосредственные соглашения Византии с согдами.

Торговля шелком, указывает докладчица, была прервана арабским завоеванием, но она возобновилась и стала одним из движущих факторов в эпоху крестовых походов, а затем — в период морского господства Генуи и Венеции.

Е. Ч. Скржинская в своем докладе «Византия и итальянские колонии в XIV веке» остановилась на значении генуэзской торговли и соперничестве Генуи с Византией в Восточном Причерноморье.

Падение подлинного могущества и исключительного политического значения Византийской империи измерилось уже во второй половине XI века. Византия оказалась под ударами извне — с востока и с запада. Важный рубеж в жизни Византии определился военной катастрофой 1071 г. и последовавшими за ней событиями — неосторожным соглашением Алексея Комнина с Венецией в 1082 г. и вторжением участников первого крестового похода.

Решающий наплыв иностранцев в византийскую столицу в XII в. встретил отпор со стороны византийцев. Захват и разграбление Константинополя крестоносными рыцарями в 1204 г. поощрили генуэзцев, которые раньше венецианцев воспользовались возможностями, вытекавшими из первых успехов крестоносцев, и осели в Сирии. Итальянцы—венецианцы и генуэзцы, жившие в Константинополе, оказали разлагающее влияние на экономику Византии. Генуэзцы сыграли далеко не последнюю роль в ослаблении и падении Византийской империи.

Проникновение (XII—XIII вв.) и укрепление (XIII—XIV вв.) итальянцев на Леванте, говорит Е. Ч. Скржинская, развивалось драматически, при острой вражде между византийцами — стороной слабеющей и склоняющейся к гибели — и итальянцами — стороной крепнущей и торжествующей. В то же время соперничали между собой и итальянцы (венецианцы и генуэзцы). «Внутреннее» завоевание Константинополя происходило на фоне собственно византийских междоусобий, борьбы двух Андроников (II и III) и двух Иоаннов (V и VI).

Наибольшей силы экономический захват Константинополя достиг в XIV в. в связи с проникновением генуэзцев из Перы. Генуэзцы воспользовались опытом своих врагов-венецианцев и стали полными хозяевами константинопольской торговли.

В заключение Е. Ч. Скржинская привела интересные выдержки из произведений современных этим событиям византийских историков.

В обсуждении докладов приняли участие академики В. П. Волгин и Б. Д. Греков, члены-корреспонденты АН СССР Е. А. Косминский и В. И. Пичета, профессора А. В. Мишулин, Б. Н. Заходер, А. С. Бергер и др.

К. Р. Симон ознакомил собравшихся с состоянием и направлением работы в области библиографии византиноведения, проводимой Фундаментальной библиотекой общественных наук Академии наук СССР.

В заключение сессия приняла развёрнутое постановление, в котором подчеркнула важность задачи всемерного содействия развитию византиноведения в нашей стране. С этой целью было признано необходимым:

1. Приступить к систематическому изданию статей по византиноведению, критических и библиографических обзоров и хроники ввиде непериодических сборников под общим названием—«Византийский временник».

2. Возбудить перед Президиумом Академии наук СССР ходатайство об утверждении решений Всесоюзного археологического совещания о восстановлении работы б. Русского археологического института в Константинополе и провести подготовительные организационные работы в этом направлении.

3. Ознаменовать память Ф. И. Успенского изданием его трёхтомной «Истории Византийской империи» и ненапечатанных статей по византиноведению.

4. Завершить начатое Академией наук СССР издание трудов акад. В. Г. Васильевского.

5. Произвести систематическое обследование рукописных фондов Ленинградской публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, Государственного исторического музея, библиотеки Академии наук СССР и Всесоюзной Публичной библиотеки имени В. И. Ленина в целях подготовки к печати неизданных первоисточников по истории Византии.

6. В целях ускорения работы по подготовке новых кадров в области византиноведения рекомендовать Комитету по делам высшей школы при СНК СССР ввести в программу исторических факультетов университетов общий курс по истории Византии, ряд семинаров и специальных курсов, а также историю византийской литературы, наметить изучение византийских греческих текстов и греческой палеографии.

7. Издать в качестве пособия работу М. А. Шангина «Византийское книжное письмо», выполненную им по заданию Института истории АН СССР, а также хрестоматию по социально-экономической истории Византии, подготовляемую к печати группой по истории Византии Института истории АН СССР.

8. Поставить перед Наркомпросом РСФСР вопрос о введении в программу нескольких средних школ преподавания греческого и латинского языков в качестве факультативных предметов.

9. Разработать план издания переводов произведений византийских историков и других источников по истории Византии.

10. Провести подготовительные работы к изданию серии памятников византийского искусства.

11. Рекомендовать Институту истории привлечь к работе византиноведческих групп соответственных специалистов из числа научных сотрудников Института истории искусств и Института истории материальной культуры Академии наук СССР.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ СССР

ДЕРЖАВИН Н., акад. *Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского.* «Советская наука». М. 1944. 128 стр.+ карта. 3 р. 45 к.

Тема работы Н. С. Державина не новая: к этой проблеме не раз возвращались дореволюционные исследователи, но нельзя сказать, чтобы им удалось её разрешить. Украинский историк-националист М. С. Грушевский отрицал единство восточных славян, объединённых в Киевском государстве. Ему подражали белорусские историки-националисты. С другой стороны, некоторые исследователи проводили великодержавную точку зрения, отказываясь признавать белорусский и украинский языки самостоятельными, и считали их лишь наречиями великорусского языка (Н. Н. Булич, А. И. Соболевский, Е. Ф. Карский, частично А. А. Шахматов). Впрочем, Е. Ф. Карский после Октябрьской революции изменил свою точку зрения на белорусский язык. Отнесение белорусского и украинского языков к наречиям есть фактическое отрицание существования отдельных белорусского и украинского народов. В этом отношении особенно усердствовали польские буржуазные учёные типа В. Студницкого и С. Грабского. Первый осмелился даже сказать, что «ни о каком белорусском народе не может быть и речи... ибо народ — понятие политическое, а белоруссы никаких собственных традиций не имеют»[1]. Грабский поступил ещё «радикальнее»: он причислил белоруссов-католиков к полякам. Польские историки Вишневский и Яблоновский пытались доказать польское происхождение украинского и белорусского народов. Отсюда совершенно понятно, что изучение этногенеза трёх братских народов является актуальной проблемой, и поэтому нужно всячески приветствовать появление работы акад. Державина на эту тему.

★

Свой труд Н. С. Державин начинает с изучения населения восточноевропейской части территории СССР в доисторические времена. В настоящее время благодаря трудам акад. Ю. Готье, П. Ефименко, С Киселёва и др. такое обобщение стало вполне возможным. В особенности следует отметить огромные заслуги советской археологии по изучению трипольской культуры. В этом отношении работы Е. Кричевского и Т. Пассек имеют мировое значение Однако вне исследовательского внимания Н. С. Державина осталась территория Белоруссии. Между тем белорусская советская археология произвела полный переворот в наших представлениях о доистории Белоруссии. К. Поликарпович открыл палеолитические стоянки в Белоруссии, наличие которых здесь вообще отрицалось буржуазными археологами. Очень хорошо представлен в белорусской археологии неолит, но на век бронзы и меди ещё не обращено достаточно внимания. Он не выделен из общей массы неолитических памятников Белоруссии.

Три тома археологических исследований и материалов, изданных Академией наук БССР,— показатель расцвета белорусской советской археологии.

Изучая скифо-сарматскую проблему, Н. С. Державин отмечает, что скифы восприняли культуру своих предшественников на занимаемой ими территории, «т. е. кимеров или иберов и этрусков» (стр. 16). Н. С. Державин первый из всех учёных упомянул об этрусках на юге нашей страны, но следует отметить, что это упоминание ошибочно: этруски никогда не жили на территории нашей страны.

Во второй главе Н. С. Державин касается двух важных проблем: антской и готской. Анты, по справедливому замечанию Н. С. Державина,— «не только предки восточных славян, но и создатели всей их культуры» (стр. 34) Они представляют собой «связующее звено между скифами и позднейшими восточными или русскими славянами» (стр. 31).

Вызывает недоумение оценка Н. С. Державиным так называемой готской проблемы Н С Державин решительно отвергает то, что было высказано в историографии относительно готов, отрицает и готскую миграцию с севера на юг, что противоречит известным нам фактам[2]. Готы, по мнению Н. С. Державина, — автохтоны, «одно из

[1] Studnicki W. Sprawa Polska, str. 493. Poznan 1910.

[2] См Удальцов А. Теоретические основы этногенетических исследований. «Известия Академии наук СССР» Серия истории и философии. Т. I, № 6, стр 259.

местных племён» (стр. 38), это прежде всего «военная дружина». Эти соображения — произвольная гипотеза. Пожалуй, читатель подумает, что готы — предки славянского племени. Остатки памятников готского языка и письменности дают полное основание отнести готский язык к германскому.

А. Д. Удальцов справедливо отметил, что в Причерноморье готы подвергались «культурному воздействию коренного населения Причерноморья» и что «эти готы были в этническом отношении в значительной степени уже не теми готами, которые жили на Висле» [1].

Н. С. Державин справедливо отмечает, что восточнославянские племена образуют в целом русский народ и что в период племенных объединений не закончился процесс сложения великого русского народа: «Наш народ вырастал из межплеменных скрещений, растворявших предшествовавшее племенное наследие в новом племенном образовании» (стр. 48). Однако в это определение следует внести известные ограничения: 1) славянские племена, будучи автохтонами, всё же мигрировали внутри территории; 2) они соприкасались с неславянскими племенами и впитывали их в себя; происходил сложный процесс скрещения племён и формирования русского народа. Не следует пренебрегать миграцией волынян и дреговичей в Забужье: дреговичей — по направлению к Западной Двине, полочан — в бассейн Вилии и Среднего Немана, что было отмечено П. А. Ивановым и М. В. Довнар-Запольским, а также скрещения с монголо-татарскими этническими элементами. Ведь топонимика некоторых украинских сёл на Полтавщине не славянская: Ромодан, Диканька, Балаклея, Тахтаул и др. Значит, процесс формирования русского народа был более сложным и не столь прямолинейным, как предполагает Н. С. Державин.

Утверждая, что этруски жили на юге нашей страны, Н. С. Державин находит «этрусское наследие в русском языке». Он пишет, что эти «этрусцизмы в одинаковой мере присущи всем названным трём языкам, а не только одному великорусскому» (стр. 53). Поскольку этрусков никогда не было на юге России, в Причерноморье, постольку от «новой теории» Н. С. Державина следует отказаться.

Анализируя термин «русь», Н. С. Державин полагает, что в отдельные периоды он имел разное значение: сначала как племенное, присущее только югу, затем термином «русь» обозначались все восточные племена (см. стр. 79). Самый термин «русь» «представляет собою отложение в русском языке древнейшего племенного термина, восходящего к терминологической группе этруск, принадлежавшей одному из древнейших, доисторических дославянских племён или группе племён на территории восточноевропейской части СССР» (стр. 77). Это утверждение — логический вывод, вытекающий из гипотезы об этрусках на юге России. Заметим, что В. О. Ключевский, отмечая эволюцию значения термина «русь», также утверждал, что «термин Русь и Русская земля является термином политическим: так стала называться вся территория, подвластная русским князьям, со всем её христиано-русским наследием» [2]. Ценны соображения Н. С. Державина по поводу норманской теории А. А. Шахматова, точнее Шахматова — Арне, так как Шахматов оперирует материалами и выводами шведского учёного. За Арне пошёл П. Смирнов в своём «Волжском пути». Г. Вернадский нашёл норманов на Волге, на Дону и на Севере. Приазовско-черноморская Русь, по мнению Вернадского,— норманская [3].

Н. С. Державин вслед за Б. Д. Грековым отмечает, что термин «русь» распространился с юга на север. Однако в наше время ещё живы старые теории. Так, Вернадский полагает, что такое толкование вызвано «политическими соображениями». Конечно, запоздавший норманист не мог сказать ничего иного.

Н. С. Державин, следуя арабским источникам, намечает три племенные группировки восточных славян — Славии, Куявии и Артании. Точка зрения Б. Д. Грекова, как нам кажется, более правильна: он считает их политическими объединениями [4].

А. А. Шахматов и Б. Д. Греков отмечают два культурно-политических центра восточного славянства: один — в черте влияния скандинавского, другой — хозарского. Н. С. Державин к этим двум центрам, находившимся «в сфере взаимовлияния скандинавского и финского» и «хазар и Востока», вслед за В. А. Пархоменко прибавляет третий — югозападный — «Уличи с тиверцами и древляне, — находившийся в сфере западнославянского и византийского взаимовлияний» (стр. 87). Впрочем, о третьем центре приходится только догадываться.

Н. С. Державин, отмечая наличие связей между восточными славянами, справедливо приходит к выводу, что «в этих связях росла и крепла своеобразная культура, отличная от Востока и Запада... общая в своих основах для всех древнерусских племён и оставшаяся общею, как субстрат культуры современного русского народа в составе трёх образующих его братских народов — великороссов, украинцев и белоруссов» (стр. 87).

Очень сложен вопрос об образовании трёх братских русских народов. К тому же он достаточно был запутан буржуазной историографией; она изучала его вне всякой связи с определённой социально-экономической и культурно-политической обстановкой, в которой происходило формирование трёх братских русских народов. Не проводя демаркационной линии между категориями «народ», «народность» и «нация», буржуазная историография ещё более вносила пу-

---

[1] Удальцов А. Указ. соч., стр. 259—261.

[2] Ключевский В. Курс русской истории, стр. 201. М. 1908.

[3] Vernadsky G. Ancient Russia, p. 261—275.

[4] См. Греков Б. Борьба Руси за создание своего государства, стр. 37. Ташкент. 1942.

таницу в этот сложный вопрос. Самый же процесс формирования трёх братских русских народов, в сущности, трактовался ими метафизически. А. Д. Удальцов, безусловно, прав, утверждая, что, «переходя непосредственно к отдельным проблемам этногенетики, необходимо точно договориться о научной терминологии и прежде всего о понимании нами тех основных этнических единиц (племя, народ, народность или национальность), с которыми приходится оперировать в процессе научного исследования. В этом отношении у нас господствуют полный разброд и разноголосица; устранение этих недостатков должно быть первым шагом на пути превращения наших этнографических исследований в действительную науку» [1]. Положив в основу своего изучения «теоретических основ этногенетических исследований» мысли товарища Сталина, высказанные им ещё в 1913 г в его замечательной работе «Марксизм и национальный вопрос», А. Д. Удальцов дал чёткое определение тем категориям, которыми приходится оперировать исследователю этногенетических проблем.

Отправляясь от «теоретических основ этногенетических исследований», принятых А. Д Удальцовым и притом единственно правильных, поскольку исследователь в своих теоретических установках исходит из положений марксистско-ленинско-сталинской теории, процесс образования трёх братских русских народов можно представить в следующем виде.

В период первобытной общины существуют племенные славянские объединения (поляне, северяне, кривичи, вятичи, радимичи, дреговичи, древляне и др.). Эти племенные объединения являются, согласно высказываниям товарища Сталина, «категорией этнографической» [2].

При переходе от первобытной общины к классовому обществу, на основе племенного деления, возчикают племенные княжения — объединения территориально-политического значения — предпосылка государственного строя. Этот важный общественно-политический момент в жизни восточнославянских племён отмечен нашим летописцем: «И по сих братьи держати почаша род их княжение в Полях, (а) в Деревлях свое, а Дреговичи свое, а Словени свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже Полочане». В этот дофеодальный период общественно-политической жизни восточных славян создаются предпосылки для формирования новой категории, «народ», на основе слияния нескольких племён. В глазах нашего летописца все славянские племена представляют собой единую Русь: «Се бо токмо Словенеский язык в Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Север, Бужане, зане седоша по Бугу, после же Волыняне». С объединением славянских княжений под властью киевского князя происходит слияние их в единый народ. Этот процесс был отмечен «Повестью временных лет», когда её составитель стремился дать историческое обоснование проблеме, откуда «Русская земля стала есть», как известное этническое и политическое единство. «Русская земля» как новое этническое и политическое образование противополагает себя другим этническим образованиям: половцам, ляхам и т. д. Хотя Киевское государство во второй половине XI в. вступает в период феодальной раздробленности, тем не менее сохраняется этническое единство и в феодально раздробленной Руси. Ведь князья-феодалы, с точки зрения летописца, продолжали оставаться князьями «Рустии», которые ведут борьбу с половцами «за землю Рускую». Неблагоприятно сложившаяся внешнеполитическая обстановка остановила дальнейший процесс окончательного формирования единого русского народа. Изменившиеся социально-экономические и культурно-политические условия привели к образованию трёх братских русских народов. Параллельно процессу формирования великорусского, украинского и белорусского народов на базе местных говоров происходит формирование языков этих народов. Это два параллельных процесса, тесно связанных друг с другом. По этому поводу Н. С. Державин замечает: «Хозяйственно-экономическое и культурно-историческое развитие русского народа — сначала в обстановке феодальной раздробленности, а затем в обстановке ликвидации феодализма и подъёма капитализма,— привело постепенно к сложению в недрах русского народа трёх новых этнографических и культурно-исторических областных образований — великороссов, украинцев (малороссов) и белорусов, трёх братских народов, образующих в составе великого Союза Советских Социалистических Республик каждый в отдельности особую нацию и все вместе в своём единстве — русский народ как мощное племенное целое» (стр. 98).

Несмотря на феодальную раздробленность и постепенное нарастание предпосылок «для дальнейшего углублённого развития исконных, местных, хозяйственно-бытовых и культурных племенных особенностей» (стр. 97) всё же до 1237—1240 гг. можно говорить об этническом единстве Руси. Разрыв народности, как справедливо отметил В. О. Ключевский, был только следствием татарского завоевания, когда северозападные и югозападные земли подпали под власть литовского и польского государств, а северовосточная Русь объединилась вокруг Московского княжества. При изучении столь важного вопроса, как вопрос этногенеза трёх братских русских народов, должен быть принят во внимание этот «разрыв народности».

Однако политическая обстановка, в условиях которой происходил процесс формирования трёх братских русских народов, была неодинакова. Северозападные и югозападные русские земли подпали под чужеземное господство, под власть литовских князей, тогда как северовосточные русские земли находились в объединённом Русском государстве, образовавшемся в процессе вековой борьбы северовосточной Руси с монголо-татарами,

[1] Удальцов А. Указ. соч., стр. 253.

[2] И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 9. М. 1936.

в процессе роста экономических связей между отдельными областями. Эта конкретная политическая обстановка имела огромное значение для ускорения или замедления процесса образования трёх братских русских народов. Образование великорусского народа при наличии своего государства шло более ускоренным темпом, чем формирование украинского и белорусского народов, так как отсутствие централизованного государства и недостаточное развитие экономических связей между областями задерживали этот процесс. К тому же югозападные русские земли оказались политически разъединёнными, находясь под властью Польши (Галицкая Русь) и великаго княжества Литовского. Однако наступление католической реакции на русскую народность (ограничение православных в правах, запрещение строить православные церкви, изданное в 1481 г., и пр.) было мощным фактором, содействовавшим развитию тяготения «литовской» Руси к северовосточной и укреплению сознания её этнического единства с северовосточной Русью.

Сложение трёх братских русских народов происходит на базе известного экономического, культурного и политического единства, на базе растущих социально-экономических и политических связей. Поэтому окончательное сложение великорусской, белорусской и украинской народностей как особых этнографических типов следует отнести приблизительно к XVI в., времени, когда образовались и народные языки с их морфологическими и фонетическими особенностями. Памятниками белорусского языка являются переводы библии Георгия-Франциска Скорины, статут 1529 г., перевод евангелия Василием Тяпинским, катехизис Симона Будного, переводные повести и др. На Украине памятником украинского языка (руського) является Пересопницкое евангелие 1556—1561 годов. Фонетические особенности украинского языка уже можно отметить в Галицко-Волынской летописи XIII в. И в централизованном Русском государстве Ивана III и Ивана IV письменность отходит от церковно-славянской традиции и более или менее приближается к народному языку.

В основе этногенеза трёх братских русских народов лежит отдельное «племенное скрещение» на базе общественного развития. Но так как значение отдельных славянских племён в процессе образования той или другой народности было далеко не одинаковым, то следовало бы отметить, какие славянские племена главным образом легли в основу образования каждой из трёх братских народностей.

Так, основными славянскими племенами— предками белорусского народа — были дреговичи, полоцкие кривичи и радимичи; волыняне, древляне и литовцы имели второстепенное значение

Если вслед за А. А. Шахматовым Н. С. Державин полагает, что формирование великорусской народности было результатом скрещения двух племенных образований — «северорусов кривичей и южнорусов вятичей» (стр. 91), то дополнительным этническим элементом были и полоцкие кривичи, которые под влиянием литовских набегов оставляли Подвинье. Равным образом в сложении великороссов значительную роль играли новгородские славяне. Нельзя также не отметить скрещение с неславянскими племенами.

Точно так же формирование украинского народа произошло благодаря скрещению славянских этнических элементов с неславянскими, которые с X в. массами оседали в бассейне Среднего Днепра вплоть до массового поселения Витовтом татар на Полтавщине. Однако в образовании украинской народности не славянские, но ославянившиеся элементы играли второстепенную роль.

Мы не можем пройти также и мимо ряда фактических неточностей, допущенных автором в рецензируемой работе. Так, следует признать ошибочным мнение о существовании палеолитической культуры, «так называемого Неандертальского типа» (стр. 4). Такой культуры вообще не было. Неверно также утверждение, будто уже к периоду «верхнего палеолита относится начало скотоводства и мотыжного земледелия» (стр 4). Археолог с этим, разумеется, не согласится.

Необходимо также исправить следующие фактические ошибки.

Витовт окончательно захватил Смоленск не в 1395, а в 1404 г., так как после поражения его на Ворскле в 1399 г. в Смоленске вспыхнуло противолитовское восстание (1401—1404) (стр. 119). Белорусское Подляшье, точнее, воеводство Подляшское, отошло к Польше в 1569 г., так что утверждение, будто все белорусские земли оказались в составе Литвы по решению Люблинского сейма 1569 г. (стр. 119), является ошибочным. Витовт никогда не подчинял своей власти Крым (стр. 115). Он только часто ходил на крымских татар[1].

Акад. Н. С Державин утверждает, будто после 1569 г. «на Украину приливает новая значительная колонизационная волна северных и северозападных украинцев, поляков и белоруссов» (стр. 116). Если Н. С. Державин понимает под поляками «магнатов, шляхту и их слуг», т. е. классово враждебный украинскому народу социальный элемент, то он, конечно, прав. Но их процент был ничтожным. Необходимо это объяснить. Равным образом сомнительно его утверждение о значительной колонизационной волне на Украину белоруссов. Вслед за М. П. Погодиным и В. О. Ключевским, вопреки М. А. Максимовичу, М. С. Грушевскому, Н. С. Державин преувеличивает запустение Украины — превращение её почти в пустыню (стр. 115). Ошибочно утверждение, будто Берестье (Брест) и Пинск — украинские города (стр. 114). Так думали и думают националистические украинские историки и лингвисты. В действительности Берестье и Пинск были исконными белорусскими городами, экономически связанными с основными белорусскими городскими центрами. В этом можно убедиться, просмотрев «Писцовые книги XVI века». В южной части Гродненщины можно говорить лишь о сме-

[1] Lowmiancki W. Witold — wielki ksiaże Litewski. str. 88. Wilno. 1930.

шанных говорах: североукраинском и южнобелорусском. Н. С. Державин называет Смоленскую область белорусской (стр. 119). В действительности белорусской была только западная её часть: ни Можайск, ни Вязьма белорусскими никогда не были. Что касается западной Волыни с городами Холмом и Белзом, то она отошла к Польше в 1366 г., а не в 1377 (стр. 110).

Н. С. Державин пользуется термином «Галиция» для обозначения Галицкой земли в XIII в. (стр. 110). Едва ли следует им пользоваться. Этот термин ведь был введён Австрией после первого раздела Речи Посполитой. Ошибочным является утверждение Н. С. Державина, будто польские паны после смерти Казимира III избрали Ягайла кандидатом на польский престол (стр. 113). В действительности, по договору, престол перешёл к Людовику Венгерскому, после смерти которого польской королевой стала Ядвига, дочь Людовика. Она вышла замуж за Ягайла, что и отмечено автором (стр. 113). В 1392 г., в силу Островского соглашения, Витовт ещё не стал великим князем (стр. 113). Он был лишь пожизненным наместником польского короля. Ошибочно утверждение, будто массовый переход в католичество литовских и русских феодалов начался после 1386 года (стр. 114).

Относительно литовских феодалов это наблюдение правильно. Что касается русских (белорусских и украинских), то переход в католичество надо отнести только ко времени церковной унии 1569 года. Н. С. Державин замечает, что «католики и вновь обращённые в католичество пользовались значительными преимуществами и привилегиями» (стр. 114). Действительно, конфессиональная статья привилея 1413 г. лишала православных феодалов права занимать государственные высшие должности и участвовать в государственном совете, точнее, скажем, в господарской раде (стр. 114). М. К. Любавский, однако, полагает, что на практике эта статья не соблюдалась. В 1563 г. она была отменена. Православные феодалы во всех гражданско-правовых отношениях пользовались одинаковыми правами с католиками (привилеи 1432, 1434, 1447, 1492, 1506, 1529 гг.).

Справедливым является замечание Н. С. Державина, что избрание Ягайла на польский престол «было продиктовано великодержавными интересами и агрессивными устремлениями польского панства на украинские и белорусские земли и весьма мало соответствовало государственным, политическим и культурным интересам Литвы. Тем не менее, Ягайло принял унизительные для литовского народа условия польских панов» (стр. 113). Всё же этим общим наблюдением ещё не решён вопрос, что же побудило Ягайло с братьями пойти на соглашение с панской Польшей, как он мог заключить такой противогосударственный акт. Очевидно, были такие мотивы, которые побудили Ягайло принять предложение жениться на королеве Ядвиге и таким путём получить польский престол. В историографии этот вопрос достаточно ясно освещён. С одной стороны, полякам и литовцам угрожала общая опасность со стороны Ордена; с другой — положение Ягайла было не очень прочным на престоле, и унией с Польшей он и его родственники предполагали укрепить его. Таким образом, до битвы 15 июля 1410 г. у Грюнвальда и Танненберга уния с Польшей политически была необходима для Литвы. Ведь она тогда уже потеряла нижнее течение Немана и область Жмудь. Литовские феодалы, в сущности, были не против унии вообще, а против условий унии 1386 г., которая лишала Литву государственной самостоятельности и превращала великое княжество Литовское в провинцию Польши. Впрочем, условия этой унии не долго соблюдались: в 1392 г. они были уничтожены в результате борьбы литовских и русских феодалов во главе с Витовтом против магнатов Малой Польши, поскольку последние руководили тогда всей политической жизнью феодального польского государства.

Н. С. Державин Литовское государство именует «Литовско-Русским» (стр. 119). В дореволюционной историографии был в употреблении и термин «великое княжество Литовское» (В. Антонович, А. Барбашев). Этот термин документальный, тогда как первый несколько искусственный. Если же пользоваться искусственным термином, то было бы правильнее назвать литовское государственное образование «литовско-украинско-белорусским», а с 1569 г. — «литовско-белорусским», так как все украинские земли были отторгнуты от Литвы на Люблинском сейме.

Этногенетические исследования в советской науке—явление новое. Славянским этногенезом пока занимаются только Н. С. Державин и А. Д. Удальцов. Советским специалистам, в сущности, приходится начинать с начала, пересматривая все вопросы, которые неправильно освещались буржуазной западноевропейской и русской историографией. Поэтому следует быть очень осторожными в своих высказываниях, избегая гипотез, идущих вразрез с хорошо проверенным конкретным материалом.

Проф. В. Пичета

СТРУМИЛИН С. Г., акад. Промышленный переворот в России. Москва. Госполитиздат. 1944. 48 стр. 1 руб. *

Экономическая история является отстающим участком нашей исторической науки. Советские историки не часто делают историко-экономические проблемы предметом своих специальных исследований. Немного внимания уделяется этим вопросам в общеисторических трудах.

Учебник истории СССР для высших учебных заведений начинается цитатой из «Краткого курса истории ВКП(б)». «История развития общества есть, прежде всего, история развития производства», — но истории развития производства в нем отводится очень мало места, несколько больше — истории производственных отношений, основное же внимание авторов поглощено политической историей.

Экономисты тоже немного публикуют работ по истории народного хозяйства. Тем более следует приветствовать выход в свет работы на такую важную историко-экономическую тему, как промышленный переворот в России, работы, принадлежащей перу маститого экономиста, уже ранее опубликовавшего ряд исследований по экономической истории нашей родины.

Небольшая по объему книжка С. Г. Струмилина богата интересными фактами и рядом ценных мыслей об экономическом развитии нашей страны в первой половине XIX века. Но в то же время некоторые положения автора вызывают серьёзные возражения как узко фактического характера, так и принципиального порядка.

Книжка С. Г. Струмилина состоит из краткого введения и 4 небольших глав.

В первой главе С. Г. Струмилин даёт сжатую характеристику промышленной революции в Англии. Вторая глава носит название «От мануфактуры к фабрике в России». В третьей главе — «Промышленный подъём» — автор занят главным образом описанием народнохозяйственной обстановки, в которой развивалась дореформенная промышленность, а отчасти наблюдениями над некоторыми сторонами динамики этой промышленности. Содержание четвертой главы — «Разложение мануфактуры» — несколько шире её заглавия. Кроме разложения мануфактуры автор исследует в ней динамику производительности труда в обрабатывающей промышленности дореформенной России.

Характеризуя промышленную революцию в Англии, С. Г. Струмилин подчеркивает, что она была не только технической революцией: «Из новой техники вырастала новая экономика и новые общественные отношения» (стр. 12). С этим положением автора нельзя не согласиться. Менее удачно, мне кажется, он устанавливает хронологические рамки промышленного переворота в Англии. Автор считает, что завершение промышленной революции имело место в Англии еще в XVIII в., и категорически высказывается против отнесения этой даты к следующему XIX столетию. Свое мнение С. Г. Струмилин обосновывает двумя аргументами. Во первых, он думает, что, «называя ее (промышленную революцию в Англии. — *В. Я.*) «промышленной революцией XVIII в е к а», Маркс и другие исследователи тем самым как будто вполне определенно датируют ее завершение в этой стране до начала XIX века» (стр. 8).

Вторым аргументом является динамика темпов потребления хлопка в Англии за 1750—1820 годы: «Если всю эту динамику темпов представить ввиде кривой то сразу станет ясно, что в е р ш и н а этой кривой промышленного переворота окажется между 1785 и 1800 гг., т е ц е л и к о м в п р е д е л а х XVIII в е к а» (стр. 11).

Оба эти аргумента трудно признать убедительными.

В самом деле, в новой отрасли английской промышленности — в обработке хлопка — в начале возникшего в ней технического переворота, когда её абсолютные размеры были невелики и капитал, привлекаемый повышенной прибылью, легко мог в достаточных размерах притекать в нее из других отраслей народного хозяйства, естественно, темпы роста были особенно бурными. Их некоторое замедление при одновременном увеличении прироста в абсолютных величинах вовсе не означает обязательного замедления технического прогресса данной отрасли.

В подтверждение можно привести такую таблицу [1]:

Годы	Цена фунта пряжи № 40	Цена необходимых для получения фунта пряжи 18 унций хлопка	Разница на расходы по прядению и прибыль
	в шиллингах (ш.) и пенсах (п.)		
1784	10 ш. 11 п.	2 ш. —	8 ш. 11 п.
1797	7 ш. 6 п.	3 ш. 4 п.	4 ш. 2 п.
1812	2 ш. 6 п.	1 ш. 6 п.	1 ш. —
1822	1 ш. 4,75 п.	— 9 п.	— 7,75 п.
1832	— 11,25 п.	— 7,25 п.	— 4 п.

Таким образом, с 1784 по 1797 г. стоимость прядения снизилась вдвое, с 1797 по 1812 г. — вчетверо, дальше снижение пошло значительно более медленным темпом. Следовательно, наибольший технический прогресс в бумагопрядении приходится на начало XIX века.

Как указывает С. Г. Струмилин, бумагопрядение было самой передовой в технике.

---

* От редакции. Публикуется в порядке обсуждения.

[1] Ellisson «The Cotton Trade of Great Britain» L. 1886. Цит. по Шульце-Гевернитц Г. «Крупное производство. Его значение для экономического и социального прогресса». Этюд из области хлопчатобумажной промышленности. Перевод с нем. Л. Б. Красина. Стр. 48. СПБ. 1897.

ском отношении отраслью английской индустрии эпохи промышленной революции. Следовательно, для всех остальных отраслей промышленности завершение технической перестройки относится к ещё более позднему времени.

Наши источники весьма единодушны в этом отношении[1]. С. Г. Струмилин приводит цифры о мощности паровых машин в английской промышленности в 1800 г., которые наглядно подтверждают чрезвычайно слабую её машинизацию в то время даже в хлопчатобумажном производстве. Чтобы нагляднее представить себе это, достаточно сопоставить мощность машин в обработке хлопка с числом рабочих в бумагопрядении (в ткачестве паровая машина впервые появляется лишь в 1806 г.)[2]. Это сопоставление показывает, что на одного рабочего приходилось меньше 0,01 лошадиной силы.

Рост городского населения был особенно значителен в 20-х годах[3]. Добыча угля — а ведь рост её в Англии отражает прежде всего рост применения паровых двигателей — даёт наибольшие темпы прироста в 30-х годах[4].

Исходя из этих фактов, современные английские историки обычно относят завершение промышленной революции в своей стране к тому или иному из десятилетий первой половины XIX века[5].

Того же мнения держатся и советские историки[6].

Маркс называл промышленную революцию в Англии промышленной революцией XVIII в., исходя, повидимому, из того факта, что она началась в XVIII в. и к этому периоду относятся важнейшие технические изобретения. Указаний на завершение промышленной революции в XVIII в. мы у него не найдем. Но, с другой стороны, Маркс говорит о слабом ещё применении машин в начале XIX века[7].

Во второй главе своей работы, исследуя переход от мануфактуры к фабрике в России, С. Г. Струмилин сначала сопоставляет темпы роста ввоза хлопка в Англию в 1750—1820 гг. и в Россию в 1819—1869 годах. Это приводит его к выводу, «что хотя промышленный переворот в крепостной России запоздал в бумагопрядении лет на 50—60 по сравнению с Англией, но зато взлет темпов роста здесь был даже круче, чем в Англии. Вот почему тот путь, который Англия прошла лет за тридцать, в России был пройден за одно двадцатилетие, факт мало известный, но тем более заслуживающий внимания» (стр. 17).

С. Г. Струмилин указывает, что «достижения других отраслей в машинизации, в особенности таких, где значительную роль играли принудительные формы труда, были значительно скромнее. Но и в Англии успехи других отраслей, кроме бумагопрядения, за XVIII в. были не столь уж значительны. И во всяком случае тот уровень развития, какого они достигли к концу промышленной революции в Англии, был в основном пройденной ступенью и в России ещё в пределах крепостной эпохи» (стр. 17).

В качестве примера С. Г. Струмилин берёт «наиболее технически отстававшую у нас отрасль—чёрную металлургию» (стр. 17). Он указывает, что уже в крепостной период, с 1842 г., она применяла пудлингование, а с 1857 г. — бессемерование и другие технические новшества, которые не были известны английской металлургии до 1800 года.

Далее, автор приводит данные о выработке хлопчатобумажных тканей на механических и ручных станках за 1866 г.[8], полагая, что те же соотношения можно принять и для 1860 года. Эти данные, по его мнению, показывают, что механические станки ещё до реформы давали больше продукции, чем ручные станки.

Заканчивая главу, С. Г. Струмилин останавливается на зарождении в России машиностроения и на ввозе машин из-за границы.

Данные по динамике внутреннего производства и импорта машин за 1830—1860 гг. приводят автора к выводу, что «в отличие от механического бумагопрядения, давшего наивысшие темпы роста уже в 40-е годы XIX в., другие, более отсталые отрасли ручного труда перестраивались на машинный лад несколько позже. Однако особенно бурная перестройка мануфактур в фабрики и в этих отраслях, повидимому, прошла у нас ещё до 1861 года» (стр. 20).

Выводы данной главы (в сущности, они являются основной мыслью всей книги) С. Г. Струмилин формулирует так: «Как бы мы ни датировали начальный и конечный моменты промышленного переворота в Англии и в

---

[1] Например, Sinclair в 1825 г. писал: «In all manufacturing establishments... the machinary is in the greatest part of wood» (Analysis of the Statistical Account of Scotland II, p. 200. Цит. по Clapham «An Economik History of Modern Britain»). Оуэн подчеркивает изменения в английской промышленности за годы войны Англии с наполеоновской Францией. См. «Report to the Committee of the Association for the relief of the manufacturing and labouring poor».

[2] Clapham «An Economic History of Modern Britain». Vol. I, p. 113.

[3] Вебер А. «Рост городов в XIX столетии». Пер. с английского А. Котельникова. СПБ. 1903.

[4] «Мировые экономические кризисы», под ред. Е. Варга. Т. I, стр. 474. М. 1937.

[5] Что такого рода датировка является общепринятой у современных английских историков, указывает «A Dictionary of British History, edited by A. Brendon», p. 281. L. 1937. Библиографические обзоры трудов по истории промышленного переворота также руководствуются такой датировкой. См. «The Industrial Revolution 1750—1850. A Select Bibliography by Eileen Power», 1927.

[6] См. Лавровский В. «Парламентские стораживания общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX в», стр. 13, 172; Зутис Я. «Промышленный переворот». БСЭ. Т. 47

[7] К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 335. изд. 1930 года.

[8] Мою поправку к этому исчислению С. Г. Струмилина см. ниже. стр. 132.

России, но решающие сдвиги в этой перестройке в Англии, повидимому, следует отнести примерно на 1770—1800 гг., а в России, говоря грубо, на 1830—1860 годы. Конечно, перестройка мануфактур в фабрики продолжалась у нас ещё очень долго и после крестьянской реформы, захватывая все новые отрасли индустрии. Но после реформы развитие капитализма в России вширь и вглубь протекало уже более спокойными темпами. Россия к концу крепостной эпохи отставала от Англии в своем развитии по меньшей мере лет на 50—60. Отставание это, несомненно, произошло благодаря господству крепостного строя в России. Но по мере его разложения темп перестройки нарастал, и в общем она все же прошла у нас, несмотря на крепостной строй. А некоторое запоздание во времени этой перестройки привело лишь к тому, что она прошла у нас даже в более широких масштабах, чем это было возможно в английских условиях XVIII в., и, во всяком случае, не в менее бурных темпах» (стр. 21). Свои выводы С. Г. Струмилин заканчивает замечанием «Наиболее плодотворным при этом было бы изучение интересующего нас процесса перестройки в отраслевом разрезе» (стр. 23). С этим замечанием нельзя не согласиться. Изучать историю промышленности углубленно надо, конечно, по отраслям. Именно так шло исследование истории промышленности в тех странах, где она лучше изучена, как, например, в Соединенных Штатах[1] и Англии. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» развитие крупной промышленности исследовал по отраслям.

Попытаемся проследить изменения в организации и технике русской дореформенной промышленности по главнейшим отраслям, насколько это возможно в рамках данной рецензии. Начнем с хлопчатобумажной промышленности, в которой указанные изменения были наиболее значительны.

Процесс хлопчатобумажного производства распадается на три основные стадии: бумагопрядильное, бумаготкацкое и ситценабивное производства.

В России хлопчатобумажное производство возникло и развивалось, если можно так выразиться, в порядке, обратном последовательности трёх основных стадий производственного процесса. Сначала в XVIII в. возникла набойка по импортным миткалям (набойка по холсту была издавна известным мастерством в России). Потом сравнительно скоро появилось ткачество из импортной пряжи, быстро вытеснившее импорт миткаля. Последним и значительно позже, уже в XIX столетии, возникло бумагопрядение.

Набойка и ткачество возникают ввиде мануфактуры и вскоре распространяются также ввиде мелкого товарного производства. При этом эти две формы оказываются тесно связанными между собою: с одной стороны, мелкое товарное производство вырастает в мануфактуру, с другой — мануфактура порождает мелкое производство. Владельцы ткацких мануфактур очень часто часть покупаемой ими пряжи (сначала импортной, а впоследствии также и отечественной) перерабатывали на своих предприятиях, а часть отдавали ткать крестьянам на дом за сдельную плату. Часто ткацкие предприятия представляли собой лишь раздаточные конторы, причем владельцы этих контор обычно имели сновальные заведения для подготовки пряжи к ткачеству.

Владельцы ситценабивных мануфактур или покупали миткаль или имели раздаточные конторы. Нередко в руках одного предпринимателя находились и ткацкая и ситценабивная мануфактуры. Так, например, нынешняя Краснопресненская Трехгорная мануфактура, принадлежавшая до Октябрьской революции семье Прохоровых, в 30-х годах XIX в. состояла из ситценабивного и ткацкого предприятий, причем часть пряжи раздавалась для ткачества крестьянам вне Москвы.

Ручного прядения хлопка в России, в противоположность Англии, почти не было[2].

Механическое прядение хлопка появляется впервые на казенной Александровской мануфактуре в начале XIX в., но оно распространяется сначала очень медленно. В 30-х годах его развитие несколько ускоряется, в 1835 г. в Петербурге возникает даже акционерная бумагопрядильня с капиталом в миллион рублей. Быстрый рост бумагопрядильного производства имеет место в 40-х годах, в особенности во второй половине. В 1845 г. ввоз хлопка впервые превысил ввоз пряжи, достигнувший в этом году максимального уровня. С 1846 г. ввоз пряжи быстро падает. Бумагопрядильни в 40-х годах создаются сразу как крупные предприятия. Веретёна приводятся в движение паром. Для бумагопрядилен строятся большие корпуса, в несколько этажей. В 50-х годах строительство бумагопрядилен делает дальнейшие успехи. В 1843 г. в России насчитывалось 350 тыс. хлопчатобумажных веретен, в 1849 г. — уже 600 тыс., в 1853 г. — миллион, в 1860 г. — полтора миллиона (без Польши).

Интересно отметить, что в Германии в 1860 г. насчитывалось всего 1800 тыс. хлопчатобумажных веретен, во Франции — 5 млн., а в Великобритании — 28 млн.

Таким образом, приходится говорить не о перевороте в технике и организации бумагопрядения, а о создании в России крупной механизированной бумагопрядильной промышленности без предшествующего мелкого бумагопрядильного производства. В этом состоит одно из отличий истории бумагопрядения в России от его истории в Англии.

---

[1] См., например, уже классический труд Clark «History of Manufactures in the United States».

[2] Ручное прядение хлопка в незначительных размерах имело место в Астрахани, т. е. за пределами Московско-Ивановского района и Петербурга. См. Любомиров П. «Начальные моменты в истории хлопчатобумажной промышленности в России» «Исторический сборник» № 5. М. и Л. 1936 г. Институт истории Академии наук.

Бумагопрядение создаётся у нас при наличии уже развитых ткацкого и ситценабивного производств, в то время как в Англии бумагопрядение, ткачество и ситцепечатание растут параллельно. Создание прядильного производства при наличии уже существующих ткацкого и ситценабивного производств было для русской промышленности более лёгким делом, чем если бы пришлось создавать все три производства одновременно. В этом в значительной степени (но, конечно, не только в этом) кроется объяснение высоких темпов развития бумагопрядения в 1845—1860 годах. В ситценабивном производстве первые машины появляются в конце 10-х годов. В 30-х годах получили некоторое распространение «цилиндропечатные» машины, как их называли современники. Но всё же эльзасец Штейнбах, один из основателей получившей впоследствии большую известность московской фирмы Э. Циндель, характеризуя ситцевое производство в России в конце 30-х годов XIX в., писал в «Bulletins de la Societé Industrielle de Mulhouse» (1840, p. 468): «Набивка ручной формой и её гравировка достигли большого совершенства, но автор был поражен слабым распространением набивных машин».

Цилиндропечатные машины приводились в движение при помощи конного привода. Со второй половины 40-х годов входят в употребление перротины.

Введение на более крупных и технически лучше оборудованных ситцевых предприятиях паровых двигателей имело место в 40-х годах. Так, например, в Иванове в 1850 г. на трёх фабриках были паровые машины, 24 предприятия имели только конный привод, 69 мелких заведений, производивших не все операции, не имели никаких двигателей. В 50-х годах применение пара в ситцевом производстве сильно возросло, но всё же конный привод вышел из употребления только после крестьянской реформы.

Ручная набойка стала сокращаться со второй половины 30-х годов, её окончательный упадок относится к первой половине 50-х годов.

Механический ткацкий станок появился у нас задолго до крестьянской реформы, но ручное ткачество ещё долго сохраняло преобладание. Вытеснение механическим ткачеством ручного относится уже к пореформенной эпохе.

С. Г. Струмилин приводит таблицу с данными за 1866 г., согласно которой механические станки, составляя всего 17,5% общего числа станков, дали «до 62% общего итога ткацкой продукции» (стр. 19). Принимая примерно те же соотношения и для 1860 г., он видит в этом доказательство, что «преобладание фабрики над мануфактурой со всеми её кустарными придатками достигнуто было и в бумаготкачестве ещё в крепостной России уже к началу 60-х годов» (стр. 19).

С. Г. Струмилин не приводит источника, на основании которого он составил свою таблицу, но, судя по цифрам, это, конечно, данные Н. Я. Масленникова [1], который сам указывал, что цифры, приводимые им, охватывают только 60% ткацкой продукции (5371 тыс. кусков из 9 млн.) и что недоучет целиком падает на мелкое производство. Внеся необходимую поправку, получим для механических станков только 37% всей продукции. Но мы располагаем и данными, относящимися к 1859 году. Это — исчисление специалиста того времени и знатока текстильной промышленности — Шерера,— который оценивал ручное производство в 1900 тыс. пудов, а механическое — в 400 тыс. пудов. Если внести небольшую поправку, чтобы сделать цифры Шерера более сравнимыми с цифрами Масленникова по методам исчисления, то на долю механического ткачества придётся около пятой части продукции. Исчисление Шерера не отличается точностью (цифры Масленникова надёжнее), но оно ещё раз показывает, что в бумаготкацком производстве преобладание фабрики над мануфактурой достигнуто было лишь после 1861 года. В качестве иллюстрации связи фабрики с мелким производством можно привести данные за 1869 г., т. е. уже после реформы, по такому первоклассному предприятию, как Никольская мануфактура Саввы Морозова. Здесь при наличии огромной прядильни, возникшей ещё во второй половине 40-х годов, красильно-отделочной фабрики, механической ткацкой одновременно имелись ручные станки и кроме того раздавалась пряжа «мастеркам» (100 человек), на которых работало 25 700 кустарей при 6525 рабочих во всех отделениях фирмы.

Указания Ленина о трёх стадиях развития капитализма в промышленности, о взаимной связи мелкого производства, мануфактуры и фабрики, история хлопчатобумажной промышленности подтверждает полностью.

Хлопчатобумажная промышленность ко времени падения крепостного права выросла в ведущую отрасль русской обрабатывающей промышленности как по размерам (около трети всех рабочих), так и по организации и технике.

В других отраслях изменений в технике было меньше, и они начались позже (как и в Англии). Но всё же по нескольким крупным отраслям они были весьма значительными.

В суконной и шерстяной промышленности, в вотчинных и посессионных фабриках крупных сдвигов незаметно. На крупных купеческих фабриках, базировавшихся на вольнонаёмном труде, во второй половине 40-х годов и в особенности в 50-х годах появляются паровые машины и даже — правда, в весьма скромном количестве — механические ткацкие станки. В Московской губернии, где преобладали купеческие фабрики, в 1853 г. 29 крупных фабрик с 15 635 рабочими имели паровые машины, обычно по сравнению с числом рабочих очень небольшой мощности, что указывает лишь на частичную механизацию производства. 15 фаб-

[1] См. Масленников Н. «К вопросу о развитии фабричной промышленности в России. Рост хлопчатобумажного производства в период с 1866 по 1870 год». «Записки Русского географического общества по отделению статистики». Т. VI. 1889.

рик с 3124 рабочими пользовались водяными двигателями. 25 небольших в большинстве случаев предприятий с 2054 рабочими имели конные приводы. 120 предприятий с общим числом 12 168 рабочих никакими двигателями не располагали. В последнюю группу вошли мелкие предприятия и некоторое количество крупных, главным образом дворянских мануфактур. В 1853 г. в Московской губернии в шерстяной промышленности мощность паровых двигателей на одного рабочего была втрое меньше, чем в бумагопрядильной.

Процесс механизации производства в льняной промышленности сравнительно недавно подвергся изучению в нашей литературе, в работе Цейтлина «Технический переворот в льнопрядении и начало машинизации производства льняной пряжи в России» (М. 1936). Автор относит начало распространения механического льнопрядения в нашей стране к 50-м годам, в особенности ко времени после Крымской войны.

Даже в сахарной промышленности, где резко преобладали помещичьи заводы, в 50-х годах началось вытеснение примитивных по технике «огневых» заводов «паровыми». Закончился этот процесс после реформы — в 70-х годах.

В перечисленных отраслях было занято накануне реформы около 70% всех рабочих обрабатывающей промышленности.

В металлургической промышленности, как это показал С. Г. Струмилин в другой своей работе — «Чёрная металлургия в России и СССР»,— изменения в технике были весьма незначительными. В сущности, можно отметить почти единственный серьёзный сдвиг технического характера — введение пудлингования, которое, по подсчёту С. Г. Струмилина, дало в 1860 г. половину всего добываемого железа. «На довольно безрезультатные опыты по освоению бессемеровского процесса потребовалось у нас с 1857 г. по 1876 г. до 20 лет» [1]. Горячее дутьё до 1870 г. не применялось. В 1859 г. «преобладали мелкие водяные двигатели. На паровые двигатели в общем итоге мощности падает всего 4,7%... Никакого повышения средней энерговооружённости труда в русской металлургии за целых два века мы, во всяком случае, отметить не можем... Наиболее мощный из факторов производительности — рост энерговооружённости труда — за весь период крепостного права в чёрной металлургии, повидимому, отнюдь не содействовал общему прогрессу» [2].

В организационном отношении в металлургии перемен не было.

С. Г. Струмилин, датируя переход мануфактуры в фабрику в России 1830—1860 гг., делит этот период на два равных отрезка: 1830—1845 и 1846—1860 годы. В первом из них, по его мнению, «хотя фабрики и завоёвывают всё возрастающий удельный вес на рынке наряду с мануфактурой, но не достигают ещё явного перевеса над ней... После 1845 г. фабричная продукция в ряде отраслей начинает уже определённо вытеснять продукцию мануфактур с рынка, приходя к экономическому господству на этом рынке» (стр. 28).

На основании приведённых мной, весьма кратких из-за недостатка места, данных о развитии техники и организации производства в важнейших отраслях индустрии я полностью присоединяюсь к данному положению С. Г. Струмилина только в отношении хлопчатобумажной промышленности. По другим отраслям обрабатывающей промышленности можно лишь говорить о наступлении для некоторых из них со второй половины 40-х или с 50-х годов той стадии, которую хлопчатобумажная промышленность прошла в 1830—1845 годах.

Таким образом, последние пятнадцать лет перед реформой являются для нашей обрабатывающей промышленности знаменательной эпохой бурного роста и организационно-технической перестройки.

Выявление этого факта, привлечение к нему внимания историков являются, несомненно, крупной научной заслугой С. Г. Струмилина. Он совершенно прав в том, что эта перестройка «прошла у нас даже в более широких масштабах, чем это было возможно в английских условиях XVIII века» (стр. 21). Сказанное выше о состоянии английской промышленности в конце XVIII и начале XIX в. вполне подтверждает это и позволяет даже утверждать, что в организационно-техническом отношении русские промышленные предприятия, работавшие на вольнонаёмном труде, накануне реформы отставали от английских предприятий соответствующих отраслей меньше чем на 50—60 лет. Но отсталость народного хозяйства России конца крепостной эпохи по сравнению с английским народным хозяйством была, конечно, гораздо более значительной. На этом я ещё остановлюсь ниже.

Справедливо, конечно, что капитализм зародился в России ещё при господстве феодальной формации. Но вряд ли можно согласиться с парадоксальным утверждением С. Г. Струмилина, что «после реформы развитие капитализма в России вширь и вглубь протекало уже более спокойными темпами» (стр. 21). Достаточно вспомнить хотя бы указание Ленина, что в конце XIX века развитие горной промышленности шло «в России быстрее, чем в Зап. Европе, отчасти даже быстрее, чем в Сев. Америке» [3].

С. Г. Струмилин посвящает третью главу своей работы — «Промышленный подъем» — народнохозяйственной обстановке, в которой протекала описанная организационно-техническая перестройка промышленности, а также динамике русской промышленности до реформы.

В этой главе исключительно интересна попытка построить индексы движения цен в Петербурге за 1803—1913 годы. В зарубежной научной литературе, особенно в ан

[1] Струмилин С. «Чёрная металлургия в России и в СССР», стр 275. М. и Л. 1935.
[2] Там же, стр. 220, 221.

[3] Ленин Соч. Т III, стр 381.

глийской и американской, история цен изучается давно, накопилось много работ[1].

У нас история цен всегда была забытым участком.

Особенно интересен индекс цен на хлопчатобумажные изделия, свидетельствующий, по справедливому выражению автора, о целом перевороте в технике и организации производства и в уровне производительности труда в хлопчатобумажной промышленности дореформенной России.

Менее удачна характеристика социально-экономической обстановки, в которой развивалась дореформенная промышленность. Известный сельский хозяин 30—40-х годов Вилькинс опубликовал два раза (в 1832 и 1843 гг.) примерный бюджет барщинного крестьянина нечернозёмной полосы. Схема расчёта не была в обоих случаях совсем одинаковой: например в составе денежного расхода во втором бюджете есть большой расход на покупку хлеба (21 р. 05 к из общей суммы денежного расхода 47 руб.), который в первом бюджете отсутствует, зато в первом бюджете имеется расход на наём работника, аренду сенокоса и уплату помещику за разрешение уйти зимой в отхожий промысел, которого нет во втором бюджете. Делать из сопоставления этих бюджетов (их сам Вилькинс не сопоставляет) вывод о росте денежных оборотов деревни «за одно десятилетие на 150%» и о «темпах разложения натурального хозяйства», как это делает С. Г. Струмилин, вряд ли возможно. Зато безусловно показательными являются данные о росте внутренней и внешней торговли в последнее десятилетие перед реформой, которые приводит С. Г. Струмилин (Кстати сказать, около двух пятых оборота Нижегородской ярмарки в 40-х годах приходилось на текстильные товары)

Правильность взгляда автора на значительный рост денежного хозяйства в последнее десятилетие перед реформой подтверждает также рост вкладов в дореформенных кредитных установлениях, достигших на 1 января 1858 г. огромной по тому времени суммы — 1012 млн. рублей[2].

Полезно привести также и некоторые другие факты, характерные для разложения натурального хозяйства в 40—50-х годах.

Французский учёный Манту, автор исследования о промышленной революции в Англии, которое получило в английской исторической литературе репутацию классического[3], подчёркивает значение каналов в народном хозяйстве Англии последней трети XVIII века. Останавливается на этом и Энгельс.

В России роль внутреннего водного транспорта для роста внутренней и отчасти внешней торговли в последние два десятилетия перед реформой была тоже значительной. В 1810 г. была открыта Мариинская водная система. Её недостатком первоначально было отсутствие обходных каналов вокруг входящих в неё озер. Такие каналы постепенно строились и были закончены к 50-м годам. В результате время следования от Рыбинска до Петербурга сократилось более чем вдвое, а фрахт тоже снизился почти в два раза Было прорыто ещё несколько каналов меньшего значения в других местах Европейской России.

Первый пароход в России появился в 1815 году. Это было «судно с печкой», спущенное на воду петербургским заводчиком Бердом. Но до второй половины 40-х годов пароходство росло очень медленно. Со второй половины 40-х годов, а в особенности в 50-х годах, развилось волжское пароходство: накануне реформы в Волжском бассейне плавало 220 пароходов[4]. Наконец, в 1843—1851 гг. была построена Николаевская железная дорога между Москвой и Петербургом.

Характеризуя сельское хозяйство юга России, Ленин указывал на неразрывную связь между развитием промышленности в центральной части нечерноземной полосы и торгового земледелия на окраинах и подчёркивал роль внешнего рынка для роста товарного земледелия. Эти указания Ленина приложимы и к дореформенному времени

По оценке Аксакова в его известном «Исследовании о торговле на украинских ярмарках» (СПБ. 1858), сбыт хлопчатобумажных товаров на этих ярмарках составлял четвёртую часть всего их производства в России. Для Поволжья и всей вообще восточной части России аналогичную роль играли Нижегородская и Ирбитская ярмарки

Вывоз хлеба из России начинает сильно расти со второй половины 40-х годов, после отмены хлебных пошлин в Англии Растёт вывоз льна, шерсти При наличии таможенного протекционизма это расширяло внутренний рынок для промышленности центральных нечернозёмных губерний, которые сами в свою очередь были рынком для хлеба земледельческих районов.

Торговые связи с Англией не только содействовали расширению внутреннего рынка для русской промышленности. Англия долго снабжала Россию дешёвой пряжей, английское машиностроение после разрешения в 1842 г. парламентом вывоза всякого рода машин поставляло русской текстильной промышленности машины.

Техническая революция в русской хлопчатобумажной промышленности, о которой говорит С. Г. Струмилин, была освоением ан-

---

[1] Из недавних работ интересна Warren and Pearson «Wholesale Prices for 213 years». New York. 1932 Об американской историко-экономической литературе см. мою статью «Развитие исторической науки в Соединённых Штатах Америки» («Исторический журнал» № 12 за 1944 год)

[2] См. Яцунский В. «Примечания к наглядным пособиям по истории народного хозяйства России в XVIII—XX веках». Вып. VIII. Денежное обращение, кредит, государственные финансы М. 1925.

[3] См характеристику книги Манту у Eileen Power «The Industrial Revolution 1750—1850. A Select Bibliography», p. 12.

[4] См. Шубин А. «Волга и волжское судоходство». М. 1927, а также Яцуч ский В. «Транспорт СССР, история его развития и современное состояние». М. Транспечать. 1926.

глийской техники в значительной степени под руководством английских специалистов.

Но, подчёркивая разложение натурального крепостного хозяйства в 40—50-х годах, ни в коем случае нельзя забывать, что это всё же было натуральное крепостное хозяйство и между нашей хозяйственной обстановкой 40—50-х годов и английской эпохи промышленного переворота было колоссальное различие. С. Г. Струмилин отнюдь не забывает этого. В центральной главе своей книги (второй) он указывает, что «для проникновения и широкого внедрения машин в русскую промышленность крепостной строй, конечно, являлся сильнейшим тормозом» (стр. 13). Но дальнейшего анализа влияния этого факта на развитие промышленности и её народнохозяйственную роль у него нет, если не считать кратких замечаний об узости рынка и низком уровне культуры при крепостном строе и об ускорении благодаря развитию машинной индустрии разложения и неизбежной ликвидации феодально-крепостнического уклада.

Англия эпохи промышленного переворота была уже страной, значительно развитой в торгово-промышленном отношении. В 1801 г. в городах жило около трети всего населения Англии и Уэльса [1]. Немногим меньше была доля городского населения в Шотландии. Лондон — столица небольшого острова — был самым большим городом в мире: в нём было 959 тыс жителей [2], т. е. в два с лишним раза больше, чем в Москве и Петербурге, вместе взятых.

О профессиональном составе населения Великобритании мы имеем приблизительные данные только с ценза 1811 года. В этом году из 2544 тыс. семейств 896 тыс. жили доходами от сельского хозяйства и 1648 тыс. семейств — от промышленности и других неземледельческих занятий [3]. Эти цифры несмотря на их неточность всё же наглядно показывают значительный уровень торгово-промышленного развития страны.

Промышленный переворот двинул народное хозяйство далеко вперёд. Великобритания заняла исключительное место в мировом хозяйстве, какого никогда не занимала в мире ни одна страна ни раньше, ни позже. Вот маленькая статистическая иллюстрация этого факта: в 1800 г Великобритания добывала 87%, в 1850 г. — 60% мировой добычи угля; в 1790 г. она выплавляла 17%, в 1800 г.—30%, в 1850 г.—52% мировой выплавки чугуна [4]; в 1832 г. она имела 69%, в 1861 г. — 66% мирового количества хлопчатобумажных веретён. Её промышленность, и ранее вывозившая свои изделия, приняла экспортное направление. Англия стала «мастерской мира» (the workshop of the world).

Британская буржуазия после промышленного переворота повела успешную борьбу за власть с землевладельческой аристократией. Результатом были парламентская реформа 1832 г. и отмена хлебных пошлин в 1846 году.

Стало развиваться рабочее движение.

В нашем обычном понимании с термином «промышленный переворот» связывается представление об этой картине в истории общественного развития Англии. Энгельс подчёркивает колоссальный рост городов Англии. Он говорит, что Англия «состоит теперь из совершенно других классов,— мало того, является совершенно другой нацией, с другими нравами, другими потребностями. Промышленная революция имеет для Англии то же значение, что политическая революция для Франции» [5]. Он указывает, что «самым важным детищем этого промышленного переворота является английский пролетариат» [6].

В России 40—50-х годов города тонули в деревенском крестьянском море. В крепостной и некрепостной деревне натуральное хозяйство, безусловно, сохраняло ещё преобладание.

Те самые бюджеты Вилькинса, хорошо знавшего нечернозёмную полосу, на которые ссылается С. Г. Струмилин, могут служить наглядной иллюстрацией этого господства натурального хозяйства в нечернозёмной деревне: весь денежный расход крестьянина на одежду и обувь сводится в этих бюджетах к расходу на покупку рукавиц.

В чернозёмной полосе помещик не оставлял крестьянину возможности иметь товарную сельскохозяйственную продукцию. «Руководство по управлению имением с. Архангельским» полковника Семёнова, помещика хлебородного Раненбургского уезда, Рязанской губернии, может служить неплохой иллюстрацией этого положения. Государственные крестьяне имели несколько бо́льшие возможности сбывать часть продуктов своего хозяйства, но всё же их товарные ресурсы были весьма ограничены. По единодушному свидетельству современников, на рынке резко преобладал помещичий хлеб.

[1] Вебер А. «Рост городов в XIX столетии». Пер. с англ. А. Котельникова. СПБ. 1903.

[2] «Annuaire Statistique de la France». 1936. Aperçus Internationaux

[3] Mulhall «Dictionary of Statistics. Относящееся к XVIII в. исчисление Юнга преувеличивает процент торгово-промышленного населения. См. Тойнби А. «Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии». Пер. с англ. с предисловием проф. А. И. Чупрова 2-е изд. М. 1912

[4] Россия выплавляла в 1790 г 32%, в 1800 г. — 24%, в 1850 г. — 5% и в 1860 г.— 4% мировой выплавки. Удельный вес Великобритании и удельный вес России (по чугуну) в мировом хозяйстве вычислены мною на основании Beck «Geschichte des Eisens»; Mulhall «Dictionary of Statistics»; «Weltmontanstatistik, hrsg. von Preussischen Geologischen Landesanstalt»; Annuaire «Statistique de la France», Hermann «Statistische Schilderung von Russland», Hermann «Die Wichtigkeit des russischen Bergbaues». Материалы по истории и статистике железоделательного производства в России. Кашинцев Д. «История металлургии Урала». М. и Л. 1939.

[5] К Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. III, стр. 314.

[6] Там же.

Потребление хлопчатобумажных тканей в год на душу населения по моим приблизительным подсчетам, выражается такими цифрами в 1816—1820 гг — 1 5 аршина, в 1841—1845 гг — 4 5 аршина, в 1856—1860 гг — 7 5 аршина[1] Таковы результаты бурного развития хлопчатобумажной промышленности Иначе говоря, в основном население потребляло домотканные изделия И это не только в чисто земледельческих губерниях В промышленной Владимирской губернии после 1861 г наблюдалось непрерывное сокращение посевов льна что свидетельствовало о не закончившемся еще переходе на покупные ткани в этой губернии даже после реформы

Роль других отраслей крупной промышленности в народном хозяйстве была значительно меньше, чем роль хлопчатобумажного производства Крупная промышленность, применявшая вольнонаемный труд и работавшая при помощи машин сформировалась еще при крепостном праве К имевшейся издавна торговой буржуазии прибавилась крупная промышленная буржуазия — это немаловажный факт Потомки дореформенных фабрикантов будут впоследствии играть видную роль в политике — стоит вспомнить Гучковых Но когда это будет?

А разве можно ивановских оброчных крестьян крепостных графа Шереметева, назвать пролетариатом в настоящем смысле этого слова?!

Рост населения наших городов и промышленных сел вроде Иванова, до реформы был совсем незначительным по сравнению с ростом английских городов в эпоху промышленного переворота Достаточно сравнить Иваново с Манчестером

Разве можно в свете этих фактов говорить о промышленном перевороте в России уже при крепостном праве, не меняя общепринятого у нас смысла этого понятия, какими бы узкими национальными рамками мы ни ограничивали его значение?

Изменилось ли лицо страны в результате начавшегося перехода мануфактуры в фабрику в такой мере, как изменилось лицо Англии вследствие промышленного переворота?

Мне кажется социально-экономические результаты описанных выше изменений в организации и технике русской дореформенной промышленности можно формулировать примерно следующим образом В промышленности начался переход от мануфактуры к фабрике В хлопчатобумажной промышленности фабрика уже подчинила себе мануфактуру со всеми ее кустарными придатками Из новой техники вырастали новая экономика и новые общественные отношения Но эта новая экономика и новые отношения имеют еще скромный удельный вес в народном хозяйстве и общественной жизни, частично окутаны старыми отношениями (ведь вольнонаемные рабочие являются в большинстве оброчными крепостными крестьянами) Господствующими являются старая экономика и старые отношения, хотя они и находятся уже в процессе разложения Внеэкономическое принуждение остается основным регулятором экономической жизни почти двух пятых[2] населения страны и накладывает отпечаток на всю ее жизнь.

Формирование крупной машинной индустрии, конечно, сыграло свою роль в разложении крепостного хозяйства

Что касается сопоставления путей нашего экономического развития с историей экономического развития других стран то, мне кажется, более плодотворным было бы сопоставление не с Англией, а со странами континентальной Европы С Г Струмилин совершенно прав что «промышленный переворот в Англии открыл собой новый этап в развитии мирового капитализма И в этом его особое историческое значение» Он прав, что в других странах «его значение ограничивалось уже более узкими национальными рамками данной страны» (стр 3)

Но различие между промышленным переворотом в Англии и в других странах состоит не только в этом Промышленный переворот в других странах опирался на достижения английской техники, в освоении которой в весьма значительной степени состоял в этих странах переход мануфактуры в фабрику Поэтому если в Англии изобретение и внедрение машин было вполне назревшим результатом всего ее предшествовавшего социально экономического развития, то в странах континентальной Европы освоение английской техники происходило на более низких ступенях социально экономического развития, чем та, на которой произошло изобретение первых машин в Англии Уровень социально экономического развития страны, конечно, сказывался как на времени, когда освоение английской техники приняло в ней сравнительно широкие размеры так и на степени самостоятельности её технической мысли Поэтому, например, не случайно во Франции не только раньше, чем в Германии, начинается внедрение машин, но и появляются уже в самом начале XIX в такие изобретатели, как Жаккар (Jacquard) и Жирар (Girard)[3], несколько позднее, в 30 х годах, — Перро, подобных которым в Германии того времени не было и изобретения которых получили широкое распространение в самой Англии.

В Германии в особенности в Пруссии, внедрение машин начинается при наличии значительных феодальных элементов в со-

---

[1] Метод расчёта см Яцунский В «Примечания к наглядным пособиям по истории народного хозяйства в России XVIII—XX веков» Вып VII Развитие главнейших отраслей промышленности М 1924.

[2] По 10-й ревизии 1858 г, помещичьи крестьяне составляли 37% населения России, барщинные помещичьи крестьяне — примерно 27% населения России

[3] В нашей литературе получила распространение не соответствующая французскому произношению транскрипция фамилии Jacquard, которую обычно пишут Жаккард, в то время как фамилию Girard пишут правильно — Жирар Например см Данилевский В «Очерки истории техники XVIII—XX вв», стр. 32, 47. М и Л. 1934

циально-экономической жизни страны. Поэтому и развитие капитализма в Германии не только началось позднее, чем во Франции, но и приобрело некоторые специфические черты. Эти черты особенно ярко проявились в сельском хозяйстве, но, конечно, они сказывались и на экономическом развитии страны вообще [1].

Ленин подчёркивал эту сторону в развитии германского капитализма, говоря о прусском пути развития капитализма в земледелии.

В 1884 г в письме к Бебелю Энгельс указывал, что в Германии «промышленная революция... в полном разгаре, тогда как во Франции и в Англии она в главных чертах уже завершена. Там разделение на город и деревню, на промышленные и сельскохозяйственные области, достигло уже такой степени, что оно подвергается лишь медленным изменениям». Несколько ниже, в том же письме, Энгельс писал: «Наш промышленный переворот, приведённый в движение революцией 1848 г. с её буржуазными достижениями (как бы слабы они ни были), был в громадной степени ускорен, благодаря 1) устранению внутренних препятствий в 1866—1870 гг. и 2) французским миллиардам, которым в конце концов пришлось дать капиталистическое применение» [2].

Таким образом, Энгельс датировал промышленную революцию в Германии второй половиной XIX века. В России машины начинают получать распространение в промышленности на значительно более низком уровне социально-экономического развития страны, чем это имело место в Германии. В силу этого в России крупная промышленность капиталистического типа, хотя и окутанная частично, как это было указано выше, элементами феодальной экономики, появляется ещё при крепостном праве. Здесь в значительной мере надо искать исторические корни того последующего одновременного сосуществования в нашей стране нескольких общественно-экономических укладов, о котором писал в 1918 г. Ленин [3]. Три из пяти укладов, о которых говорил Ленин, были наследием дореволюционной России. Наличие в России нескольких одновременно существующих общественно-экономических укладов, конечно, затрудняет для историка определение периода, к которому надо относить промышленный переворот в России. Но всё же мне кажется, что его надо относить к тому времени, когда капиталистический уклад, хотя бы и переплетающийся с феодальными пережитками, экономически подчинил себе докапиталистические уклады. Это, конечно, имело место не в дореформенной, а в пореформенной России. Таким образом, говорить о промышленном перевороте уже в дореформенной России, безусловно, нельзя.

В последней главе центральной темой является разложение мануфактуры. С. Г. Струмилин прослеживает изменение числа рабочих на одно предприятие в целом по всей промышленности с 1845 по 1863 год. Установив снижение этой цифры с 59 человек в 1845 г. до 38 человек в 1860 г. и 31 — в 1863 г., автор делает отсюда вывод об усиленном разложении мануфактуры в этот период. Разложение мануфактуры, по мнению С. Г. Струмилина, выразилось в ликвидации более слабых мануфактур и в превращении «ряда многолюдных мануфактур в гораздо менее многолюдные на первых порах фабрики и, стало быть, известное снижение среднего размера предприятий по числу рабочих» (стр. 42).

«Изгнанные с мануфактур рабочие, вовсе не претендуя на извлечение прибылей, хотели всё же жить, и потому волей-неволей они становились, используя свои профессиональные навыки, «самостоятельными производителями-кустарями, работая большей частью за полцены на того же предпринимателя-мануфактуриста и выпадая таким образом из учёта «фабрик» (стр. 43).

Подтверждение своему толкованию этих цифр С. Г. Струмилин видит в росте продукции. Конкретных примеров он не приводит. В нашей современной научной литературе С. Г. Струмилин является непревзойдённым мастером экономико-статистического анализа. Однако в данном случае с его приёмом анализа нельзя согласиться. Во-первых, среднее число рабочих на предприятии было весьма различным в разных отраслях промышленности, и кроме того мануфактуры, базирующиеся на принудительном труде, были большей частью крупнее по числу рабочих, чем предприятия, применяющие вольнонаёмный труд. Поэтому динамика среднего числа рабочих на предприятии по всей промышленности в целом может отражать различные тенденции, а иногда даже нивелировать противоположные тенденции. Во-вторых, дореформенная промышленная статистика по методам собирания и сводки данных была не лучше пореформенной, в которой статистика числа предприятий, как это много раз отмечалось в литературе, была самым слабым местом [4].

Если от метода анализа перейти к выводу, то, мне кажется, картина была сравнительно сложной. Несомненно, происходило свёртывание посессионных мануфактур. В вотчинных предприятиях в различных отраслях развитие шло не одинаково. В сахарной промышленности имел место рост числа предприятий и числа рабочих, причём росли главным образом более крупные «паровые» заводы; число «огневых» заводов, примитивных по технике, со второй половины 50-х годов стало сокращаться. В вотчинных суконных фабриках был застой, а отчасти даже упадок. В применявшей вольнонаёмный труд хлопчатобумажной промышленности развитие шло по схеме трёх стадий развития капитализма в промышленности, установленных Лениным на основе материала пореформенной эпохи. В 1845—1860 гг. мануфакту-

[1] Об этом, в частности, см. в цитируемом ниже письме Энгельса к Бебелю.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 434, 436.

[3] См. Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 513.

[4] См. Ленин. Соч. Т. III, стр. 354—364.

ра, теснейшим образом связанная с мелким производством (раздача основ на дом), существовала в ткацком производстве и отчасти в ситценабивном. При этом подавляющее большинство ткачей работало в избах и светёлках. Утверждать, что в эти годы происходит перемещение части ручных ткачей из крупных предприятий в избы и светёлки, повидимому, нельзя.

Недостаток места не позволяет мне остановиться на разборе с методологической стороны той очень заманчивой и опасной в данном случае попытки подойти к изучению роста производительности труда по данным о валовой продукции на рабочего по всей промышленности в целом, которую делает в последней главе С. Г. Струмилин. Во всяком случае его упрёки по адресу Туган-Барановского, не заметившего организационно-технической перестройки хлопчатобумажной промышленности накануне реформы, вполне правильны.

Я не исчерпал всего богатого содержания маленькой книжки С. Г. Струмилина (например я не касался очень интересных замечаний его о кризисах в русской дореформенной хлопчатобумажной промышленности).

С. Г. Струмилин мастерски вскрыл мало известные, новые для многих историков и весьма важные факты истории нашей дореформенной промышленности. Как это часто бывает, он переоценил размеры и историческое значение вскрытых им фактов. В данной статье я старался по мере сил внести необходимые поправки и дополнения в его построение. Но это не умаляет значения проделанной С. Г. Струмилиным большой исследовательской работы. Его маленькая книжка остаётся крупным научным достижением. Хотелось бы, чтобы его почин привлёк «внимание исследователей к этой благодарнейшей теме» (стр. 5).

В. Яцунский

«Из боевого прошлого русской армии Документы о доблести и героизме русских солдат и офицеров». Под редакцией проф. Н. Коробкова. Главное архивное управление НКВД СССР. Огиз. Госполитиздат. 1944. 184 стр. 5 руб.

Главное архивное управление НКВД СССР, подготовив сборник «Из боевого прошлого русской армии», сделало хорошее, нужное и весьма полезное дело, особенно для политико-воспитательной работы среди советских солдат и офицеров.

Героизм и доблесть солдат и офицеров русской армии показаны в ряде документов очень удачно и ярко: в документах о походах Суворова, о Бородинском сражении 1812 г., о героической обороне Севастополя в 1854—1855 годах. Пропагандист и агитатор, преподаватель истории и особенно офицер Красной Армии с благодарностью воспользуются многими документами вошедшими в сборник. Отметим, что для советского читателя этот сборник — первая подборка документального материала на такую важную тему. Издание это своего читателя найдёт и принесёт ему пользу, несмотря на то что оно, к сожалению, не лишено недостатков, от своевременного устранения которых могло бы существенно выиграть.

Из предисловия мы узнаём, что «публикуемые документы извлечены из фондов Центрального государственного военно-исторического архива и частично из Центрального государственного военно-морского архива». Под каждым документом обозначены шифр архивохранилища, где находится оригинал документа, номер дела и соответствующие его листы. Порядок расположения документов внутри глав принят строго хронологический, за исключением одного отступления от этого принципа в отношении сравнительно небольшой группы документов, относящихся к Бородинскому сражению 1812 г., что и оговорено особо в предисловии.

Судя по всему сказанному, рассматриваемая книга является тематической научной публикацией архивных источников. Такое издание было бы нужным, крайне ценным и совершенно новым по своей теме. Однако при ближайшем ознакомлении с книгой убеждаешься в том, что она не совсем оправдала это назначение. Небольшая по объёму (11½ п. л.), она посвящена очень большому периоду в истории русских войн, насыщенному военчыми событиями,— с начала XVIII до второй половины XIX века. В шести главах книги показан в документах героизм солдат и офицеров русской армии в «наиболее значительных кампаниях XVIII и первой половины XIX века» (стр. 4—5). Эти шесть глав: I. Северная война (4 документа), II. Семилетняя война (11 документов), III. Сражения и походы А. В. Суворова (9 документов), IV. Отечественная война 1812 года (50 документов), V. Поход русских войск за границу (1812—1813 гг.) (7 документов) и VI. Героическая оборона Севастополя (1854—1855 гг.) (39 документов). В книгу вошли, само собой разумеется, не только не все сохранившиеся в обследованных архивах документы, характеризующие героические черты русского солдата и офицера, но и включённые документы в большинстве случаев представлены только более или менее краткими отрывками и выдержками. Таким образом, перед нами вырисовывается другой тип издания, тип тематической хрестоматии из отрывков архивных документов, которая ставит своей целью не научную публикацию новых историко-архивных источников, а хрестоматийную подборку известного количества выдержек из архивных документов. Такая цель не менее важна, нежели первая; успеш-

ное её достижение — не менее сложная, не менее нужная и не менее благодарная задача, стоявшая перед составителями и редактором издания. К сожалению, и эта задача не разрешена. В сборнике смешаны черты и признаки обоих типов издания: научной публикации архивных источников по определённой теме и тематической хрестоматии.

Тема поставлена была очень широко — важнейшие войны России за время с 1700 по 1856 год. Естественно, что приводимая документация освещает их неравномерно. Но эта неравномерность слишком бросается в глаза. Северная война, великая национальная война, которую Россия вела в течение 21 года (1700—1721) и которая была насыщена многочисленными фактами героизма и доблести русских солдат и офицеров, начиная от Петра I и его ближайших сподвижников и кончая «первым русским солдатом» С. А. Бухвостовым и простыми рядовыми, представлена всего четырьмя отрывками (док. №№ 1—4). В то же время «Поход русских войск за границу» (датированный почему-то 1812 и 1813 гг., хотя известно, что поход этот продолжался и в 1814 г., военные действия велись и в 1815 г., в главе этой приведены документы и 1814 г.) представлен семью отрывками (док. №№ 75—81). Дело, конечно, не в том, что в обследованных архивах якобы сохранились только эти документы. Что это действительно не так, можно подтвердить двумя фактами: 1) все четыре отрывка по Северной войне взяты не из архива, хотя под ними и приведены ссылки на фонд ВУА, д. № 1436, а перепечатаны из сборника «Книга марсова», издания 1766 г., о чём и сказано в примечании к ним на стр. 6; 2) один из семи отрывков по кампаниям 1812—1814 гг. (док. № 80) перепечатан из позднейшего труда историка.

Учитывая широту взятой темы и небольшой объём издания, при отборе документов должна была быть соблюдена строжайшая принципиальность. Если бы издание представляло собой научную публикацию (даже выборочную, в отрывках) архивных источников по определённой теме, то оно должно было бы содержать только эти источники, извлечённые из определённых архивов. Однако из 120 отрывков, составляющих сборник, 19, т. е. одна шестая часть, являются перепечаткой из источников печатных (№№ 1, 2, 3, 4, 25, 74, 80, 82, 83, 84, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 95, 99 и 108).

Если бы издание представляло собой тематическую хрестоматию, оно должно было бы привлечь гораздо большее количество различного типа источников (хотя бы в большинстве своём извлечённых из архивов, но совсем не обязательно только из данных архивов или непременно документов того или иного типа). К сожалению, такой строгой принципиальности при отборе материала для включения в сборник не было проявлено. В целом книга «Из боевого прошлого русской армии» является в большей мере тематической хрестоматией. Тем тщательнее нужно было бы продумать включение каждого отрывка.

В сборнике представлены следующие типы источников: а) журналы военных действий той или иной армии, той или иной воинской части; б) официальные донесения, реляции, рескрипты, рапорты командиров; в) приказы командования; г) свидетельства, выданные командованием отдельным солдатам, морякам, их родственникам, удостоверяющие проявленную в боях доблесть; д) письма современников; е) сообщения современной печати, например газет; ж) воспоминания, записки, дневники современников

Первые четыре типа документов представлены в сборнике довольно значительным числом отрывков, но такие интересные и ценные для данного сборника источники, как письма, воспоминания, отрывки из современной печати, привлечены и использованы совершенно недостаточно. Приведённые же немногочисленные отрывки имеют случайный характер. Такое положение опять-таки нельзя объяснить тем, что в архивах сохранились только такие источники. Ведь большая часть этого типа документов, приведённых в сборнике, взята не из архивохранилищ, а из различных печатных изданий и является не публикацией, а хрестоматийной перепечаткой. Из богатейшей мемуарной литературы, в памятниках которой порой очень верно и ярко отразились героизм и доблесть солдат и офицеров русской армии, в сборнике использованы только «Записки об осаде Севастополя» Н. В. Берга (док. № 108) и воспоминания очевидца о сражении под Балаклавой из «Военного сборника» № 5 за 1859 г. (док. № 84).

Из громадного эпистолярного наследия современников и участников военных событий, в котором запечатлены героизм и доблесть солдат и офицеров русской армии, в сборнике напечатаны всего четыре документа: № 63 — «Письмо фельдмаршала Кутузова генералу Витгенштейну о преследовании армии Наполеона» от 2 (14) ноября 1812 г., отысканное в архиве и представляющее, несомненно, большой интерес; № 90 — отрывок «Из письма хирурга Пирогова о подвигах матроса Кошки», взятый из известных «Севастопольских писем Н. И. Пирогова» (СПБ. 1899); два отрывка, №№ 7 и 8, из писем немецких офицеров о сражении при Цориндорфе в 1758 г., где русская армия разбила пруссаков. К сожалению, в сборнике не приведены письма Л. Н. Толстого из Севастополя, письмо ротмистра Н. Депрейса о последней боевой схватке знаменитого партизана А. С. Фигнера с врагами в 1813 г., письма М. И. Платова, письма русских военных деятелей XVIII в., наконец, любопытнейшие письма врагов русской армии, в которых они нередко отмечали несравненный героизм и великую воинскую доблесть солдат и офицеров русской армии.

Разумеется, составители сборника были ограничены его небольшим объёмом и не могли включить ряд важнейших материалов, которые бы украсили и оживили сборник. А вместе с тем в нём помещено довольно много документов, небогатых по содержанию, от отсутствия которых сборник только бы выиг-

рал. Зачем, например, дан документ № 27 («Из приказа начальника штаба 1-й западной армии генерал-майора Ермолова»), когда следующий за ним документ № 28 («Из рапорта генерал-майора Кульнева генералу Витгенштейну о сражении у местечка Друи») освещает полнее, точнее и ярче то же событие?

Аналогичный пример с документами №№ 26 и 30 Рассмотрев эти два документа, нужно предпочесть документ № 26 документу № 30, так как последний не дает ничего нового по сравнению с документом № 26 Можно было бы опустить документы №№ 2, 5, 6, 9, 19, 27, 30, 33, 51, 65, 66, 71, а на их место включить важные и интересные документы, которые сделали бы сборник ещё более ценным и полезным для советского читателя. В частности желательно бы увидеть в сборнике документы о наиболее ярких проявлениях личного воинского героизма и доблести в войнах 1700—1856 годов.

К этой документально-исторической книге приложен «Указатель имён», но составлен он и отредактирован очень небрежно. Так, в указателе на букву *В* упомянут некий Варшавский — генерал-фельдмаршал, а на букву *П* — Паскевич И. В, князь Варшавский. Одно и то же лицо здесь раздвоилось. Инициалы Паскевича даны неверно. И В., а следует И. Ф. На стр 143, к которой отсылает указатель от имени генерал-фельдмаршала Варшавского, ни слова нет о личности Паскевича, а речь идёт лишь о «трех батальонах егерского генерал-фельдмаршала князя Варшавского полка», т е. о воинской части, носившей имя Паскевича. Точно так же не следовало включать в указатель имен Аракчеева А. А и прилагать о нем справку на страницах 69 и 113 говорится не лично об Аракчееве или его действиях, а о полках его имени. Значится в указателе и такой деятель. «Безбородко А А.— генерал-майор, впоследствии известный русский дипломат». В тексте речь идет вовсе не о князе Александре Андреевиче Безбородко, крупнейшем русском дипломате, канцлере, а о его младшем брате, графе Илье Андреевиче Безбородко, военном деятеле, генерал-майоре, отличившемся при взятии Измаила. Генерал-майор Г. М. Берг, служивший в русской армии в 1812 г., неизвестно почему превращён в указателе в графа, хотя графского достоинства ни тогда, ни позже он не имел Известный русский писатель и переводчик Н. В. Берг назван в указателе «военным писателем». Вряд ли с таким определением можно согласиться: военным писателем Берг никогда не был. Все отмеченные недоразумения приведены только по трём первым буквам алфавита — **А**, **Б** и **В**. Но и с другими дело обстоит не лучше.

Следует пожелать, чтобы при последующих изданиях сборника указанные недостатки были устранены.

С. Дмитриев

ЛИХАЧЕВ Д. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII веков. Госполитиздат. Л. 1945. 104 стр. + 15 рис. 4 руб.

Новгород Великий, его памятники, литература, искусство, история — вечная и неисчерпаемая тема русской науки. Библиография о Новгороде насчитывает сотни больших и малых исследований, статей и публикаций. Однако ещё ни разу не было сделано попытки дать целостную, обобщенную картину истории культуры великого города, ни разу отдельные стороны его жизни — литература, искусство, материальная культура и пр. — не были показаны во взаимной связи.

Тем более никто не рисковал развернуть эту тему в популярном, доступном для широкого читателя изложении. Потребность же в подобной книге не только по Новгороду, но и по другим центрам древнерусской культуры необычайно обострилась в связи с Великой отечественной войной и чудовищными актами немецкого вандализма, нанесшими особенно огромный ущерб сокровищницам национальной культуры — древнерусским городам, их памятникам и музеям.

Трудную и ответственную задачу — дать целостную и живую картину развития новгородской культуры — ставит перед собой рецензируемая книга, показывающая новгородскую культуру преимущественно на материале истории литературы, летописания, архитектуры и живописи. Книжка невелика по объёму, написана простым и изящным языком; в ней нет аппарата, но автор поднимает на её страницах волнующе свежие и увлекательные научные темы, поэтому книжка производит впечатление интересного и своевременного исследования. В книге кратко изложено много новых наблюдений автора и вновь установленных фактов, часть которых капитально обоснована им в его диссертации «Новгородские летописные своды XII века» [1].

О явлениях далёкого прошлого родины автор говорит объективно и с глубокой любовью, без столь привычных за последние предвоенные годы поспешных и несправедливых оценок специфических особенностей средневековой культуры, как например роли церкви и её идеологии в развитии русской общественной мысли и т. п Радуют взволнованный, патриотический, в лучшем смысле этого слова, тон книги, проникающее все страницы и заражающее читателя чувство любви к родине, лишённое искусст-

[1] См. автореферат в «Известиях Отделения литературы и языка АН СССР». Т. III за 1944 г., вып. 2—3.

венной аффектации, простое и задушевное.

Во введении автор кратко и образно рисует роль Новгорода в истории русской культуры, место его памятников в истории русского искусства и заканчивает кратким перечнем страшных разрушений, причинённых Новгороду фашистскими варварами.

Глава I — «Княжеский Новгород» — освещает древнейший период новгородской культуры, до начала XII века. Дав общую характеристику Новгорода и его общественного строя, автор определяет его значение в истории русской государственности и укреплении киевской державы. На страницах, посвящённых памятникам архитектуры XI—XII вв., интересны и свежи соображения о целостности замысла городского архитектурного ансамбля и значении в нём храмов Юрьева и Антониева загородных монастырей (стр. 15—16). При всей высоте строительного искусства в раннем Новгороде едва ли, однако, есть основания считать работающего в Киеве конца XII в. мастера Петра Милонега новгородским выходцем (стр. 16). Характеризуя раннюю монументальную живопись в Новгороде, правильнее говорить не об «античных», а об эллинистических традициях византийского искусства. Автор вносит ряд интересных новых фактов в оценку древнейшей книжности и литературы Новгорода: участие в летописании сына Мономаха, Мстислава, которому принадлежит ряд записей; прочность и чистота русского литературного языка, теснейшая связь письменного и разговорного языков.

Глава II — «Установление политического строя Новгорода» — посвящена культуре XII в. — времени сложения своеобразных общественных порядков Новгорода после переворота 1136 г. и связанных с этим новым этапом новгородской истории изменений во всех областях культуры. Здесь интересны страницы о роли Нифонта в переустройстве новгородской церкви и в превращении новгородского «владыки» в фактического руководителя политической жизни города (стр. 21—23). Далее следует сжатая и выразительная характеристика архитектуры XII—XIII вв., её демократизации в новых условиях вечевого строя. Живопись этой поры автор показывает на довольно подробном анализе особенностей фресок Нередицы. Едва ли стоило здесь вводить весьма сомнительную гипотезу о том, что известный фресковый портрет князя Ярослава изображает отца Александра Невского, хотя эта версия и очень соблазнительна. Характеризуя новгородское летописание XII в., автор вскрывает факт переработки старого летописания в духе антикняжеских тенденций и большей демократизации. Автором этой редакции является известный уставщик Антониева монастыря Кирик, составитель канонических «Вопрошаний»; летопись демократизируется не только по содержанию, но и по языку, в который проникают народные элементы. В свете этих новых наблюдений становится более выразительной и частная летописная деятельность священника церкви Иакова — Германа Вояты,— ещё более усиливающая характерные народно-демократические черты формы и содержания Новгородской летописи.

В главе III—«Новгород в годы борьбы с немцами и шведами» — также наиболее интересны страницы, посвящённые литературе и книжности, которые переживают в XIII—XIV вв. период расцвета в связи с притоком в Новгород литературных сил из разорённых монголами среднерусских областей. На ряде удачных примеров автор показывает развитие новгородского летописания, расширение его кругозора, укрепление характерных черт его литературного стиля— крепкое бытовое просторечие, «как бы отразившее язык вечевых собраний», свежесть и образная импрессионистичность записей, развитие скептического, осуждающего отношения к городским междоусобицам, глубокое сознание правоты русского дела в тяжёлой борьбе с немцами и другими врагами, родственное высоко этической тенденции позднейших новгородских былин. В этой главе нужно было бы больше сказать о новгородском крепостном зодчестве и его выдающихся памятниках: укреплениях Новгорода, Порхова, Копорья.

В главе IV — «Эпоха расцвета новгородского искусства (Предренессанс в Новгороде)» — автор очень остро и убедительно ставит назревший вопрос о связи истории русского искусства XIV в. с историей европейского Возрождения. Он освещает глубокую идейную основу, на которой сделал первые шаги Предренессанс (психологическая теория Паламы и движение исихастов, оправдание античности и пр.). «Поразительно, что многие черты общеевропейского Предвозрождения сказались в новгородской живописи с большею силою, чем где бы то ни было. Вместе с тем нигде в Европе живопись XIV в. не была представлена в таком обилии памятников и в такой превосходной сохранности» (стр. 49—50). Автор даёт, далее, очень яркие характеристики важнейших фресковых циклов XIV в., подмечая, в частности, связь росписи Волотова с религиозным вольнодумством, которое приводит в XIV в. к возникновению ересей. Столь же впечатляюща характеристика творчества Феофана Грека.

Прекрасным дополнением к страницам о новгородской живописи является едва ли не наиболее удачная часть книжки, где автор характеризует интерес к искусству новгородского летописца и новгородских паломников, оставивших лучшие для своего времени по своей точности и полноте описания памятников Иерусалима и Царьграда. С особым волнением читатель вспомнит забытые и очень понятные нам теперь горестные и гневные слова «Беседы о святынях Царьграда» по поводу варварских разрушений, причинённых в 1204 г. памятникам Константинополя крестоносцами (стр 59). Характеризуя послание архиепископа Василия о рае, где горы, отделяющие рай от моря, украшены грандиозной композицией деисуса, автор справедливо пишет. «Фантазия новгородцев клонилась к тому, чтобы горы украсить фресками» (стр. 61).

Поворот новгородской культуры XV в. освещён в главе V — «Идеологическая борьба новгородского боярства с Москвой». Деятельность Евфимия II, показанная автором параллельно в области искусства и ли-

тературы, приобрела особую выразительность мельчайшее искусство фрески проявляет черты упадка; архитектура и литература обращаются к образам прошлого, обосновывая местный патриотизм Новгорода и его сопротивление Москве, создавая «своего рода культ новгородской независимости». Здесь было бы полезно использовать такие произведения новгородской станковой живописи, как «Битва суздальцев с новгородцами» и «Молящиеся новгородцы», которые *обогатили бы рассказ автора.*

Рост противоположных, прогрессивных тенденций автор показывает на тонком анализе знаменитого «Жития» Михаила Клопского (глава VI — «Сторонники воссоединения с Москвой в Новгороде»), в котором он подчёркивает фольклорно-народную основу, противоположную по форме и содержанию витиеватым произведениям, связанным с боярскими кругами.

Автор показывает на материале новгородской литературы (глава VII — «Воссоединение Новгорода с Русским государством») продолжение борьбы, обострившейся с присоединением Новгорода. Трагизм конца новгородской независимости читатель воспринимает сквозь усиливающиеся «растерянность и тревожность записей летописцев», рост мистических настроений, ожидание конца мира, тревожные знамения, возникновение легенд о конце Новгорода и сгущение церковной окраски сепаратистских настроений: «Идея защиты новгородской независимости и величия его прошлого после завоевания Новгорода Москвой сменяется идеей божественной неприступности его святынь» (стр. 83).

На широком историческом фоне рисует автор ересь жидовствующих (глава VIII — «Гуманистическое движение в Новгороде»). Здесь снова, как в главе о новгородском Предренессансе, читатель ясно ощущает мировые связи новгородской культуры, которая готовится передать свои достижения строительству культуры объединенной Русской земли.

Глава IX — «Новгород в составе Русского государства»—снова возвращает читателя к последним памятникам архитектуры Великого Новгорода, в котором уже господствуют московские формы. На фоне значительного подъёма монументального искусства в Новгороде выступают последние произведения новгородской литературы повести о белом клобуке, о видении пономаря Тарасия, житие Антония Римлянина.

Последние главы: X — «Грозный в Новгороде» — и XI—«Борьба новгородцев с польско-шведской интервенцией» — являются *чисто повествовательной исторической* концовкой, дающей краткий обзор основных явлений истории древнего Новгорода.

Можно, конечно, сказать, что автор многого не показал читателю, много памятников не ввёл в свою книжку. Так, можно было бы больше и ярче сказать о былинах новгородского цикла, новгородском ремесле, новгородской станковой живописи (XII—XV вв.). Однако всё это было бы уместно, если бы автор писал книгу большего объёма. Но и то, что он вложил в изданную популярную книжку, вызовет большой интерес и благодарность самых широких читательских слоёв.

Книжка Д. С. Лихачёва — прекрасный вклад в нашу, пока небогатую научно-популярную литературу о культуре древней Руси. Она, несомненно, заслуживает повторного расширенного издания.

Проф. Н. Воронин

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

BUCHAN JOHN. Oliver Cromwell. London. 1942. 554 p. First published. 1934.
БЬЮКЕН ДЖ. Оливер Кромвель.

Биография Кромвеля, принадлежащая перу Джона Бьюкена, заслуживает внимания историка. Её автор — маститый, известный англо-шотландский писатель (род. в 1875 г.) — написал немало исторических повестей и романов, пользующихся большой популярностью. Особенностью его произведений является сочетание большого беллетристического таланта с широкой эрудицией, тщательным изучением источников и литературы вопроса. Рецензируемая работа о Кромвеле также представляет собой одновременно и научное произведение и исторический роман. Как научная работа биография снабжена обширным списком использованной литературы и источников, имеет аппарат подстрочных примечаний, указатель имён и пр. Как беллетристическое произведение книга построена по типу пятиактной драмы-трагедии. В ней пять частей («книг»), представляющих каждая основные этапы жизненного пути Оливера: I. Сельский хозяин (The countryman), II. Командир кавалерии (The cavalry commander), III Сокрушитель короля (The king-breaker), IV. Главнокомандующий армии (The lord-general) и V. Государь (The prince).

Книга написана прекрасным литературным языком, изобилует живыми историческими *описаниями* и меткими *характеристиками*, читается легко и с интересом. Она неоднократно переиздавалась. В 1934 г. её переиздавали пять раз.

Историка-специалиста интересует главным образом то, что дал Бьюкен нового в освещении и понимании Кромвеля, какие стороны жизни и деятельности Оливера наиболее им освещены, какова общая оценка, данная им вождю английской революции.

Бьюкен не сделал каких-либо новых документальных открытий, он использовал, по существу, уже давно известные источники и основную, ставшую классической литерату-

ру Тем не менее автор сумел по-новому осветить и истолковать ряд моментов в жизни Кромвеля В этом и заключается главное достоинство новой биографии, в которой Бьюкен ставил прежде всего задачу дать углубленную психологическую характеристику Оливера Кромвеля

Уже в первой части книги читатель встречает ряд живых образов и сильных акцентов, относящихся к ранней, дореволюционной жизни Кромвеля касающихся его лично, его семьи, его окружения Традиционные, идущие от XVI в пуританские настроения семьи Кромвеля ярко показаны на молодом Оливере Хорошо отражены и другие фамильные черты рода Кромвеля, сказавшиеся на будущем протекторе хозяйственность, деловитость, методичное, упорное занятие сельским хозяйством Бьюкену удалось показать благотворное влияние сельской обстановки на выработку характера Кромвеля Деревенские условия приучили Оливера к занятию спортом (особенно верховой ездой), укрепили его физические силы, дали запас душевной бодрости воспитали склонность к здоровой простой жизни Вот каким рисует Бьюкен Кромвеля в момент избрания его в члены парламента в 1628 г: «Оливер достиг теперь полной возмужалости Он был высокого роста, широкоплечий, с большой благородной головой, покрытой густыми темными волосами, ниспадавшими прядями на его воротник В нем чувствовались мужественность, страстность, решительность Он любил хорошую компанию, веселую деревенскую шутку Его манеры были просты, вкусы нетребовательны, он никогда не был близок к аристократическим кругам» (стр 69—70)

Бьюкену удалось хорошо подчеркнуть и другую особенность молодого Кромвеля — его интерес к общественности Кромвель и до 1640 г не был захолустным, провинциальным сквайром как его иногда представляли Он не замыкался в узкую семейную скорлупу и не погружался только в хозяйственные расчеты У него было много друзей и знакомых Он принимал активное участие в делах своего графства и города (участие в милиции, суде и т п) У него были связи с Лондоном Он интересовался не только тем, что делается в столице, но и тем что происходит заграницей Особенно интересовала его Тридцатилетняя война, ведшаяся тогда на континенте Европы «Самая религия Кромвеля — замечает автор — была не такая, которая бежала от мира или замыкалась в себя но была верой человека, готового к битве» (стр 70)

Во второй части биографии показан период 1642—1646 гг, политическая деятельность Кромвеля в парламенте освещена сравнительно кратко и не дает нам нового в понимании Кромвеля этого времени Зато военная деятельность Кромвеля его роль как организатора революционной парламентской армии показана прекрасно Тщательно изучив состояние военного дела в дореволюционной Англии автор приходит к выводу, что Кромвелю пришлось, по существу, заново строить национальную армию Бьюкен правильно отмечает, что основная причина успехов военной деятельности Кромвеля заключается в том что он опирался на демократические элементы «Ряды его войска были полны индепендентами, сепратистами, анабаптистами баптистами носящими следы происхождения от континентального анабаптизма» (стр 164) По социальному составу солдаты Кромвеля принадлежали к обеспеченному самостоятельному крестьянству «Молодежь из Кембриджа и Хентингдона, молодые люди фермеры фригольдеры и дети фригольдеров» (стр 165)

Уже в наиболее крупных битвах этого периода—при Марстон Муре и Нэзби—проявились полностью выдающиеся тактические качества Кромвеля стремительность кавалерийской атаки, уменье маневрировать (фланговый удар) способность быстро оценивать обстановку боя в целом и наносить удар по наиболее уязвимому месту противника (стр 150 167)

В третьей части книги Кромвель показан как победитель разбивший Карла на поле битвы, а затем возведший его на эшафот и установивший в Англии вместо монархии республику Хронологически в этой части книги освещен период 1646—1649 годов Положительной стороной ее является прежде всего показ характеристика лидеров пресвитерианской и индепендентской партий, ведших в то время между собой ожесточенную борьбу (стр 230—234) Правильно подчёркнуты автором колебания Кромвеля в тот период в вопросе о замене монархии республикой На Путнейской конференции осенью 1647 г у Кромвеля еще не было сложившейся точки зрения на политическое устройство новой Англии В дальнейших своих политических взглядах Кромвель многим был обязан левеллерам, хотя на Путнейской конференции он и выступал против них (стр 253). Для понимания политических взглядов Кромвеля в конце гражданской войны особенный интерес по мнению Бьюкена, представляет письмо Кромвеля своему родственнику Роберту Гамонду от 25 ноября 1648 года Гамонд был губернатором на острове Уайт, он «стерег» короля, пытавшегося бежать на континент Кромвель в этом письме как бы давал инструкции родственнику губернатору «В этом необыкновенном письме — замечает Бьюкен — отразилась вся история внутренней жизни Оливера здесь и фрагменты старой философии Айртона, некоторые идеи левеллеров собственные, весьма запутанные толкования Кромвелем различных текстов писания» (стр 292) Местами в письме встречается нечто апокалиптическое но в общем чувствуется, что Кромвель в это время шел к разрыву с прошлым что, хотя с большим усилием, все же он вступал на путь республики «Разве Salus populi suprema lex не является высшим правилом?» — спрашивал своего адресата Кромвель (стр 291)

Дав в общем верную картину душевных переживаний и колебаний Кромвеля в один из наиболее ответственных моментов его жизни, Бьюкен самое событие 30 января 1649 г оценивал неправильно По его мнению, расправа с королем была делом небольшого решительного и вооруженного меньшинства «на глазах оцепеневшей от ужаса нации» (стр 310) Бьюкен как бы за-

бывает здесь всю историю гражданской войны, козни и вероломство Карла I, его вину как возбудителя междоусобной войны, равно как и прежние его угрозы расправиться с лидерами оппозиции в случае своей победы (знаменитые «пеньковые галстуки»).

Ещё Гардинер — крупнейший специалист по истории английской революции (вторая половина XIX в.) — в своё время несмотря на свои в общем умеренные конституционные взгляды должен был признать, что казнь короля логически вытекала из борьбы парламента с королём, «что если бы её не произошло, нация была бы ввергнута в неизвестное будущее» [1].

Бьюкен в данном вопросе как бы возвращается к старому, кларендонскому воззрению, по существу давно уже оставленному в английской науке.

В четвёртой части книги встречает возражение трактовка Бьюкеном вождя партии левеллеров Джона Лильберна. Бьюкен характеризует Лильберна терминами «узкий», «самовлюблённый», «глупый», «тщеславный» и т. п. Эти выражения совершенно не соответствуют действительному образу вождя демократической партии (стр. 326). Бьюкен даже упрекает Лильберна в том, что он просил у парламента компенсации за убытки, понесённые им в результате ареста и тюремного заключения при старом режиме (стр. 328). На самом деле, требование Лильберном компенсации было вполне естественным явлением. Сумма, отпущенная ему парламентом, лишь отчасти вознаграждала Джона за его бедствия в прошлом. Примеры таких петиций в парламенты от лиц, пострадавших в результате незаконных арестов, были в ту эпоху обычным явлением. Джон Лильберн вовсе не являлся исключением. Вообще не только Лильберн, но и левеллеры освещены в книге бегло, во всяком случае, гораздо меньше, чем они этого заслуживали, особенно если учесть их немаловажную роль в жизни Кромвеля — сначала как его друзей и союзников, а потом кровных врагов и недругов.

Военные походы Кромвеля в Ирландии и Шотландии в биографии освещены достаточно полно и ярко. Интересно отметить, что Бьюкен высмеивает точку зрения Карлейля, восторгавшегося жестокостями Кромвеля в Ирландии (стр. 338), и резко осуждает беспощадную расправу Оливера с защитниками Дрогеды и других ирландских городов (стр. 346—347).

Подчёркивая «грубый национализм» Кромвеля в ирландском вопросе, Бьюкен, однако, указывает, что взгляды Кромвеля на ирландцев, как на низшую расу, не были исключением. Подобные воззрения были широко распространены и среди других индепендентов, их высказывал также и знаменитый поэт революции Джон Мильтон (стр. 339—341). Несколько странно у Бьюкена сравнение Кромвеля с Страффордом, бывшим во времена Карла I наместником Ирландии. По мнению Бьюкена, правление Страффорда было «более либеральным» и «беспристрастным» по сравнению с правлением Оливера (стр. 356). С этим трудно согласиться, если вспомнить, что Ирландия в 1641 г. восстала именно в результате предшествовавшей политики «чёрного Тома». Вернее было бы сказать, что Кромвель возобновил и завершил колонизаторскую политику своего предшественника.

С интересом читается пятая часть книги, охватывающая период с 1653 г. и до смерти Кромвеля. Этот раздел биографии особенно насыщен материалом. Детально освещены отношение Кромвеля к созываемым им парламентам, выработка им и его сторонниками различных проектов новых конституций, напряжённая, в высшей степени активная и энергичная внешняя политика протектората. Автор особенно подчёркивает колониальную политику Кромвеля — «мечта об империи» (стр. 504—505). Много уделено места описанию быта, дворцовой жизни и домашней обстановки Кромвеля в последние годы его жизни. В этой же части книги даётся заключительная, подытоживающая характеристика Кромвеля как государственного деятеля. По мнению Бьюкена, Кромвель был «человеком кризиса» (a man of a crisis), «великим импровизатором» (the great improviser), всю жизнь занятым поисками лучшей политической системы и так и не нашедшим её (стр. 518—519). «Когда он (Кромвель.— *В. С.*) умер, эксперименты были оставлены, начался снова утомительный возврат по старым путям» (стр. 521).

Книга многое освещает по-новому в жизни Кромвеля. Трактовка Бьюкеном Кромвеля как «ищущего политика» в общем правильно отражает сложную ситуацию периода последних лет «междуцарствия» (interregnum), закончившегося после смерти Кромвеля реставрацией Стюартов. Книгу Бьюкена с интересом прочитает не только историк-специалист, но и всякий интересующийся всемирной историей и, в частности, жизнью крупнейших исторических деятелей, одним из которых был Оливер Кромвель.

Проф. В. Семёнов

[1] Gardiner. Great civil war. Vol. IV, p. 327.

CHILDE V. GORDON. Prehistoric communities of the British Isles. London and Edinburgh, Chambers. Reprinted. 1942. XIV. 274 p. XVI pl.

ЧАЙЛД В. Доисторические общины Британских островов.

За два десятилетия до второй мировой войны археология Британских островов добилась бо́льших успехов, чем за весь предшествующий период. Многие пробелы были восполнены, впервые для археологии были раскрыты некоторые районы и периоды. Достаточно привести несколько примеров. Только в 1922 г. благодаря раскопкам Кен-

нингтонса выяснилась земледельческая культура начала железного века. Культура тех племён неолита, которые впервые поднялись выше простого собирательства, была впервые охарактеризована Лидсом в 1927 году. Наиболее замечательные мегалитические памятники Северной Ирландии подверглись изучению только с 1932 года. Ценнейшие археологические материалы находятся в ряде местных органов многочисленных археологических обществ и комиссий. Поэтому следует приветствовать тот факт, что за ответственное дело обобщения накопившегося материала взялся один из ведущих археологов Англии — Гордон Чайлд. Он широко известен своими трудами: «The Dawn of European Civilization» (3 ed. London. 1939), «The Danube in Prehistory (Oxford. 1929), «New Light on the Most Ancient East» (London. 1934), «Prehistory of Scotland» (London. 1935).

Чайлд принадлежит к передовой группе английских археологов,— а к ней относятся также Хаукес, Грехэм Кларк, Кирилл Фокс и некоторые другие,—которая уже давно не довольствуется голым вещеведением, формальным анализом сосудов, орудий, украшений и т. д., а стремится на основании вещественных памятников реконструировать экономику и культуру общества. Некоторые из английских археологов в этом направлении заходят далеко для буржуазной науки: так, например, Хаукес в рецензии на другую книгу Чайлда («What Happened in History». London. 1942), своего рода археологический комментарий к древней истории, говорит даже о ценности марксизма в качестве «рабочей гипотезы». Разумеется, в лучшем случае дело не идёт дальше не вполне последовательного проведения своего рода «экономического материализма», но на фоне фашизировавшейся археологии многих германских, австрийских и отчасти скандинавских учёных эта британская школа производит выгодное впечатление. В этой группе Чайлд, в меньшей степени полевой археолог, чем некоторые другие, особенно выделяется знанием археологической литературы и даром синтеза. У него детали всегда подчиняются обобщающей точке зрения, целью же синтеза является реконструкция общества и его культуры.

Книга (13 глав) охватывает время от конца палеолита до Ла-тенского периода и появления германцев, т. е. время складывания и расцвета на Британских островах родового строя. Характерно, что она носит не совсем обычное для буржуазной археологии заглавие: «Доисторические общины Британских островов». В первой главе автор после вводных замечаний говорит о географических и хронологических предпосылках своего труда. В отношении географических условий он следует за Фоксом, труд которого за короткое время выдержал четыре издания (C y r i l F o x «The Personality of England». Cardiff. 1938). Фокс подчеркнул, что для понимания колонизации Англии необходимо чётко различать равнинные и горные зоны. После труда Фокса английские археологи при характеристике той или иной культуры стали ещё внимательнее учитывать — и в этом одна из их сильных сторон — климатические, почвенные и прочие географические условия. В хронологическом отношении Чайлд придерживается обычного подразделения изучаемого им времени на 9 периодов, сравнительная таблица которых отдельно для Южной Англии, Йоркшира, горной Шотландии и Ирландии даётся на стр. 11 его книги.

Уже 2-я глава — «Экономика лесного периода» (стр. 16—30)— даёт представление о сильных и слабых сторонах исследовательского метода Чайлда. Самая сильная, на мой взгляд, сторона его метода — полный учёт географических условий и археологических культур эпипалеолита как Британских островов, так и ближайших к ним областей Европы. Англия тогда была ещё соединена сухим путём с континентом, и в этой крайней северозападной части Европы причудливо переплеталось местное развитие с иноземными влияниями, идущими в Англию и с юга, и с юговостока, и с востока. Эта пестрота, это разнообразие примитивных культур английского палеолита хорошо показаны Чайлдом. Слабая сторона его реконструкции — отсутствие чёткого критерия при определении причин появления новой культуры. Появление новой культуры объясняется не местным развитием, не внешним влиянием, а вторжением нового народа, носителя этой культуры. Я не хочу сказать, что автор стоит на вульгарных, миграционных позициях. Для него миграция — далеко не альфа и омега всего культурного процесса. И всё же он прибегает к миграции при каждом затруднительном случае более резкого разрыва традиции или особо яркого местного своеобразия. Таким образом, мстит за себя основной методологический порок — неуменье понять исторический процесс как смену эволюции её перерывами, скачками. В результате Чайлд, повидимому, слишком усложняет картину. Кроме племён, продолжающих традиции эпипалеолита, он предполагает вторжение из Галлии двумя волнами тарденуазцев (стр. 20—24), далее, по побережью Западной Шотландии и Англии, селятся рыболовы-азильцы, повидимому, из Южной Франции (стр. 24—26). Наконец, с востока в бореальную эпоху приходят и селятся в Юговосточной Англии народ культуры Маглемозе (стр. 26—30). Можно предполагать, что, в противоположность Фоксу, автор недооценил разнообразия географических условий Британских островов и в связи с этим и возможностей местного развития.

3-я глава носит несколько претенциозное название — «Неолитическая революция» (стр. 31—45). Вплоть до начала неолита, в течение почти всего периода своего существования на земле человек довольствовался охотой и собирательством. «Революцию» Чайлд усматривает в том, что в начале неолита человек стал уже не просто добывать, а производить пищу, в связи с зачатками земледелия и скотоводства. Эта новая экономика возникла где-то в восточно-сре-

диземноморской зоне, от Египта до Ирана, в степях с сухим, жарким климатом. Отсюда она перешла в Атлантическую Европу, причём приспособление её к местным условиям последней было трудным и долгим процессом. В частности именно Британские острова оказались, по словам Фокса, «areas of difficult settlement», т. е. областью, с большим трудом осваиваемой новыми поселенцами. Небольшие общины, с их небогатыми техническими ресурсами, относительно легче осваивали только некоторые районы Южной Англии. В этом свете Чайлд рассматривает знаменитую за последние годы в английской археологии виндмил-хильскую культуру. Она характеризуется следами довольно крупных поселений, окружённых рвом и снабжённых насыпью поверх болотистой почвы, а также своеобразной посудой, мастерскими каменных изделий, а в области религии — фаллами и женскими изображениями. Это уже скотоводы, разводящие быков, овец, гусей, свиней, и земледельцы, культивирующие пшеницу. Их вторжение из Франции Чайлд считает возможным датировать довольно точно: началом Атлантического периода, т. е. началом III тысячелетия до н. э. В этом отношении, как и для мегалитов, Чайлд предпочитает, и, думается, не без основания, очень короткую хронологию, хотя и сейчас ещё многие археологи отводят тысячелетия для отдельных стадий неолита.

Большая по размерам 4-я глава (стр. 46—80) посвящена «мегалитической религии». Автор начинает с ориентировки в различных типах мегалитических сооружений, насчитывая их не менее 10. Он тщательно распределяет их во времени и пространстве, и даже такой строгий критик, как Хаукес, несмотря на оспаривание им некоторых деталей классификации и периодизации Чайлда, признаёт эту главу крупным вкладом в археологическую науку (журнал «Man» за 1944 г.). В конце главы, в параграфе под названием «Религия и экономика», Чайлд делает выводы о выделении родовой знати, для которой предназначались мегалитические сооружения, о чём свидетельствует и контраст между их «экзотическим» характером и традиционной простотой рядовых могил. Начинает выясняться и тип деревни того времени, судя, например, по раскопкам Макалистера у Карроукиля. Чайлд подчёркивает наличие «торговых» связей с континентом, в частности с Испанией. Для всего неолита он устанавливает смешение массы местного населения с группами переселенцев как с побережья Атлантики, так и из Центральной и, может быть, Восточной Европы. Но, считая пришлый элемент количественно менее значительным, он тем самым размежёвывается с расистскими теориями фашистской археологии.

В 5-й главе (стр. 81—90) — о неолитических охотниках и скотоводах — Чайлд останавливается на культуре Питерборо, изученной Лидсом в 1927 году. Её носители могли быть потомками мезолитических охотников лесной зоны. Некоторую аналогию ей представляют неолитические стоянки сходного типа в Финляндии и России. Далее Чайлд переходит к культуре Scara Brae, которой он посвятил в 1931 г. специальную монографию.

Глава 6-я посвящена одной из любимых Чайлдом тем — культуре колоколообразных сосудов («Beaker folk», p. 91—118). Чайлд попрежнему полагает, что местное развитие неолитической экономики в Англии было прервано вторжением воинственных круглоголовых завоевателей, принёсших с собой культуру колоколообразных сосудов. Он считает их выходцами из Испании, откуда они рассеялись по Сардинии, Сицилии, Верхней Италии, Центральной Европе, Южной Франции, Бретани. В Центральной Европе они соединились с не менее воинственным народом «боевых топоров», создав таким образом смешанную расу и смешанную культуру. В Англию дважды вторгались воины этих переселенцев. Хаукес в упомянутой выше рецензии указывает на местное, в частности ирландское, происхождение кинжалов, которые переселенцы якобы принесли с собой. Сохранение местных традиций при постройке постоянных жилищ не менее показательно. Чайлд суммирует большой и свежий материал. Он приписывает завоевателям некоторую унификацию культуры и быта Англии и Ирландии. Они частично слились с местным населением, частично подчинили его себе. К этому времени относится постройка крупных святилищ (henges), тоже символизирующих культурное единство страны. Общий экономический и культурный подъём подготовляет переход к бронзовому веку.

7-я глава (стр. 119—134) трактует о результатах слияния. Культура пищевых сосудов (food vessels — не очень удачное название) характеризуется больше с формальной, археологической стороны (форма сосудов, оружия, орнаментика), но Чайлд пытается установить связи, с одной стороны, с Испанией, с другой стороны — с Данией и Северной Германией. Вывоз некоторых изделий якобы достигал Бельгии и даже Польши. Повидимому, эти «торговые» связи преувеличены.

8-я глава (стр. 135—162) — о культуре Уэссекса и о народе погребальных урн — даёт картину дальнейшего расслоения общества в результате того, что немногочисленные руководящие круги накопили большие богатства путём прибыльной торговли и эксплоатации подчинённых им рядовых общинников. Быт аристократии ярко отражается в роскоши их кремационного инвентаря и погребальной обрядности. Из Центральной Европы пришла развитая техника золотых дел мастеров.

В 9-й главе (стр. 163—186) — «Древнейшие промыслы и торговля Британии» — Чайлд подчёркивает значение местной меди и олова. Так как в погребениях того времени (середина II тысячелетия до н. э.) отсутствует материал для характеристики кузнецов и горняков, Чайлд предполагает, что они образовывали особую группу, которая не имела доступа к церемониальному погребению знати. Таким образом, мы знаем

о них только по их продукции. Чайлд довольно подробно прослеживает успехи и распространение металлической техники в древнем и среднем бронзовых веках. В позднем бронзовом веке, по его словам, происходит «индустриальная революция». Она заключалась в изобретении глиняной формы, в которой стали отливать металлические вещи, в частности оружие. Наряду с этим применяется и ковка. Распространяются сплавы золота с серебром или медью. Извне появляются и перерабатываются новые типы орудий и оружий (в частности длинные мечи). В конце бронзового века появляются специальные мастерские и жилища металлургов, например пещера Стэнкоп в графстве Дерхем. В конце главы Чайлд специально касается Шотландии.

10-я глава — об агрикультурной революции (стр. 187—211) — вызвала возражения критики. Если ранее особое значение имело скотоводство, то к концу бронзового века, в связи с ростом народонаселения, всё быстрее развивается земледелие. И в этом случае Чайлд постулирует вторжение земледельческого народа из Дунайской равнины. Завоеватели смешались с народом погребальных урн и создали смешанную культуру. Раскопан ряд поселений. Виден рост техники, появляется лёгкий плуг. Земля приобретает новую ценность, и от этой эпохи дошли первые следы межевания земельных участков. Появляются и первые укрепления, свидетельствующие не только о военизации общества, но и о накоплении запасов (сохранились следы зернохранилищ). Наконец, впервые входит в употребление железо. Критика оспаривает некоторые сближения с культурами континента. В этой главе особенно видна недооценка Чайлдом возможностей местного развития.

11-я глава (стр. 212—227) — о вторжении носителей ла-тенской культуры — трактует о первом появлении кельтов в Англии. В этой главе ценен свежий археологический материал. Чайлд детально прослеживает появление кельтов в Шотландии (культуры Эбернети, укрепления и стены которой напоминают описания Цезаря). В результате вторжения кельтов (III в. до н. э.) страна покрылась замками господ, поставивших в зависимость от себя окрестные селения. В это же время часть кельтов из района Марны заняла восточную половину Йоркшира. Так называемая аррасская культура характеризует быт знати пышными погребениями (не кремация), колесницами, боевыми конями, оружием художественной работы и украшениями.

12-я глава (стр. 228—249) посвящена кельтским торговцам в Югозападной Англии. Эта часть страны была окончательно освоена кельтами только к IX периоду. Основной приманкой служило местное олово. Кельты выделяются захоронениями покойников, своеобразным могильным инвентарём, новым типом каменных укреплений и поселений около них. Всё это с замечательной чёткостью изложено в начале главы. Деревни Гластонбери и Мир по богатству материала являются классическими, общеевропейского значения, памятниками эпохи. И в этом случае Чайлд с большой эрудицией, но и с некоторыми натяжками прослеживает «торговые» связи с другими странами Европы.

Заключительная — 13-я глава (стр 250—263) — трактует о германцах, кельтах и пиктах Речь идёт о вторжении бельгов, которые, по мнению Чайлда, являются результатом скрещения кельтов с германцами, с преобладанием германского элемента. Археология в этом случае подтверждает свидетельство Цезаря. Снова побеждает практика кремации, в земледелии находит себе применение тяжёлый плуг (лат. carnex). Вторжение произошло около 75 г. до н. э. и было массовым, а не авантюрой кучки знатных воинов. Однако сохранились и местные племена. Среди них можно различить кельтов и так называемых пиктов (докельтское население, или ранние кельты). Чайлд старается уточнить археологическими данными распределение этих этнических элементов. И всё же вопрос о пиктах остаётся нерешённым.

Работа Чайлда не лишена недостатков, какими являются увлечения «вторжениями» и «торговыми связями». В методологических приёмах автора много наивного.

Несмотря на указанные недостатки следует приветствовать появление этого труда как явление, передовое для современной буржуазной науки: в этой работе автор отошёл от мертвящих традиций буржуазного вещеведения.

С. Лясковский

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Иностранные книги по истории нового времени.

I. (1640—1789)

GARRETT M. *European history. 1500—1815.* New York. American book company. 1940. XII, 715 p.

ГАРРЕТ М. *История Европы.* 1500—1815.

MARRIOTT J. *The Eastern question.* An historical study in European diplomacy. 4th ed. Oxford. Clarendon press. 1940. XII, 602 p

МЭРРИОТ ДЖ. *Восточный вопрос.* Историческое исследование в области европейской дипломатии.

FAY C. *English economic history mainly since 1700.* Cambridge. Heffer. 1940. VII, 253 p.

ФЭЙ К. *Экономическая история Англии преимущественно с 1700 года.*

KEIR D. *The constitutional history of modern Britain 1485—1937.* 2d ed. London. Black. 1943. VIII, 568 p.

КЕЙР Д. *Конституционная история Британии 1485—1937.* 2-е изд.

The English revolution 1640. Three essays. Ed. by C. Hill. London. Lawrence & Wishart. 1940. 136 p. (The Marxist text book reviews. № 4)

Английская революция 1640 г. Три очерка. Изд. Ч. Хиллом.

WOLFE D. *Milton in the puritan revolution.* New York — London. Nelson. 1941. XIV, 496 p.

УОЛЬФ Д. *Мильтон и пуританская революция.*

WINSTANLEY G. *The works of Gerard Winstanley.* With an appendix of documents relating to the digger movement. Ed. with an introduction by G. H. Sabine. Ithaca — New York. Cornell university press. 1941. 686 p.

УИНСТЭНЛИ ДЖ. *Сочинения Джерарда Уинстэнли. С приложением документов, относящихся к движению диггеров.* С предисловием Дж. Сабине.

PETEGORSKY D. *Left-wing democracy in the English civil war.* A study of the social philosophy of Gerard Winstanley. London. Gollancz. 1940. 254 p.

ПЕТЕГОРСКИЙ Д. *Левое крыло демократии в английской гражданской войне.* Исследование в области социальной философии Д. Уинстэнли.

RUSSELL E. *The history of quakerism.* New York. Macmillan. 1943. XXV, 586 p.

РЭССЕЛЬ Э. *История квакерства.*

MACLACHLAN J. *Trade and peace with* old Spain *1667—1750.* A study of the influence of commerce on Anglo-Spanish diplomacy in the first half of the eighteenth century. With a foreword by H. Temperley. Cambridge. University press. 1940. XVI, 249 p.

МАКЛЭЧЛАН Ж. *Торговля и мир со старой Испанией 1667—1750.* Исследование о влиянии торговли на англо-испанскую дипломатию в первой половине XVIII века. С предисловием Г. Темперли.

TREVELYAN G. *The English revolution 1688—1689.* New York. Holt. 1939. 281 p.

ТРЕВЕЛИАН ДЖ. *Английская революция 1688—1689.*

WILSON CH. *Anglo-Dutsh commerce and finance in the eighteenth century.* Cambridge. University press. 1941. XVIII, 235 p. (Cambridge studies in economic history).

УИЛЬСОН Ч. *Англо-голландская торговля и финансы в XVIII веке.*

DAVIES C. *Warren Hastings and Oudh* London. Oxford university press. 1939. XV, 271 p.

ДЭВИС К. *Уоррен Гастингс и Оуд.*

GUTTRIDGE G. *English whiggism and the American revolution (1760—1783).* Berkeley and Los Angeles. University of California press. 1942. 153 p. (University of California publications in history. Vol. 28).

ГУТРИДЖ ДЖ. *Английские виги и американская революция (1760—1783).*

BOYD J. *Anglo-american union.* Joseph Galloway's plan to preserve the British empire 1774—1788. Philadelphia. University of Pennsylvania press. 1941. X, 185 p.

БОЙД ДЖ. *Англо-американский союз.* План Джозефа Галлоуея о сохранении целостности Британской империи, 1774—1788.

PITT W. *The war speeches of William Pitt the younger.* Selected by R. Coupland with a foreword by W. S. Churchill. 3d ed. Oxford. Clarendon press. 1940. XLVIII, 360 p.

ПИТТ. У. *Речи Уильяма Питта младшего по военным вопросам.* Подобраны Р. Коуплендом. С предисловием У. Черчилля.

GRAHAM G. *Sea power and British North America 1783—1820.* A study in British colonial policy. Cambridge. Harvard university press. 1941. XII, 302 p. (Harvard historical studies... Vol. XLVI).

ГРЭХЕМ ДЖ. *Морские силы и Британская Северная Америка 1783—1820.* Исследование в области британской колониальной политики.

MACKENZIE—GRIEVE A. *The last years of the English slave trade.* Liverpool 1750—1807. London. Putnam. 1941. XII, 332 p.

МАККЕНЗИ-ГРИВ Э. *Последние годы английской торговли рабами.* Ливерпуль в 1750—1807 годах.

QUINLAN M. *Victorian prelude.* History of English manners 1700—1830... New York. Columbia university press. 1941. 301 p. (Columbia university Studies in English and comparative literature. No 155).

КВИНЛЭН М. *Канун Викторианской эпохи* История английских нравов. 1700—1830.

BARKER E. *British statesmen. London Collins.* 1941. 48 p. (Britain in pictures).

БАРКЕР Э. Британские государственные деятели.

SAVELLE M. *The diplomatic history of he Canadian boundary 1749—1763.* New Haven. Yale university press. Toronto. Ryerson press; London, Milford. Oxford university press. 1940. XIV, 172 p. (The relations of Canada and the United States).

СЕВЭЛЛ М. *Граница Канады.* Из дипломатической истории 1749—1763 годов.

CLARK S. *The social development of Canada.* An introductory study with select documents. Toronto. University of Toronto press. 1942. 484 p.

КЛЕРК С. *Социальное развитие Канады.* Вводное исследование с избранными документами.

TAIT R. *Newfoundland.* A summary of the history and development of Britain's oldest colony from 1497 to 1939. New York. 1939. 260 p.

ТЭЙТ Р. *Ньюфаундленд.* Краткая история развития старейшей британской колонии (1497—1939).

KIEWIET C. *A history of South Africa.* Social and economic. Oxford. Clarendon press. 1942. XII, 292 p.

КИВИТ К. *Социальная и экономическая история Южной Африки.*

WILLBORN F. *The growth of American nationality.* 1492—1865. New York. Macmillan. 1943. XVI, 1042 p.

УИЛЛБОРН Ф. *Рост американской национальности* (1492—1865).

HANSEN L. *The Atlantic migration 1607—1860.* A history of the continuing settlement of the United States Ed. with a foreword by A. M. Schlesinger. Cambridge, Mass. Harvard university press. 1941. XIII, 391 p.

ГАНСЕН Л. *Атлантическая миграция 1607—1860.* История продолжающегося заселения Соединённых Штатов. С предисловием А. М. Шлезингера.

The Era of the American revolution. Studies inscribed to E. B. Greene. Ed. by R. B. Morris. New York. Columbia university press. 1939. XII, 415 p.

Период американской революции. Исследование Е. Б. Грина. Ред. Р. В. Морис.

The Barrington papers. Selected from the letters and papers of S. Barrington and ed. by D. Bonner-Smith. Vol. 1—2. London and Eton. 1937—1941. (Publications of the Navy records society. Vol. 77, 81).

Бумаги С. Баррингтона. Подготовлены к печати и изданы Д. Боннер-Смитом. Т. 1—2. Вышли в серии «Публикации Общества по изучению истории флота».

VAN—DOREN C. *Secret history of the American revolution.* New York. The Viking press. 1941. XIV, 634 p.

ВАН ДОРЕН К. *Секретная история Американской революции.*

DAVIDSON Ph. *Propaganda and the American revolution, 1763—1783.* Chapel Hill University of North Carolina press. 1941 XVI, 460 p.

ДЭВИДСОН Ф. *Пропаганда и Американская революция, 1763—1783.*

BURNETT E. *The continental congress* New York. Macmillan 1941. XVII, 757 p.

БЭРНЕТТ Е. *Континентальный конгресс.*

BARKER CH. *The background of the revolution in Maryland.* New Haven. Yale university press London. Milford. Oxford university press. 1940. X, 419 p. (Yale historical publications, Miscellany XXXVIII).

БАРКЕР Ч. *Основные предпосылки революции в Мэриленде.*

HOFFMAN R. *The revolutionary scene in New Jersey.* New York. American historical co. 1942. 303 p.

ГОФМАН Р. *Революция в Нью-Джерси.*

WARD CH. *The Delaware continentals 1776—1783.* Wilmington, Delaware. The historical society of Delaware. 1941. XIII, 620 p.

УОРД К. *Делавар в эпоху борьбы американских колоний за независимость.*

Diplomatic correspondence of the United States. Canadian relations 1784—1860. Selected and arranged by W. R. Manning Vol. I. 1784—1820. Documents 1—661. Washington. 1940. XXVII, 947 p. (Publications of the Carnegie endowment for international peace. Division of international law. Washington).

Дипломатическая переписка Соединённых Штатов. Отношения с Канадой. Т. I. 1784—1820.

George Washington as the French knew him A collection of texts. Edited and translated with an introduction by G. Chinard. Princeton. Princeton university press. 1940. XVIII 161 p.

Георг Вашингтон, каким его знали французы. Собрание текстов. Издано и переведено с предисловием Дж. Чайнард.

PADOUER S. *Jefferson.* New York. Harcourt, Brace & co. 1942. 459 p.

ПАДОВЕР С. *Джефферсон* (биография).

CHINARD C. *Thomas Jefferson the apostle of Americanism.* 2d ed. rev. Boston. Little Brown & co. 1939. XVIII, 548 p.

ЧАЙНАРД ДЖ. *Томас Джефферсон — провозвестник американизма* 2-е испр. изд. 1-е издание вышло в 1929 году.

Wolfe J. *Jeffersonian democracy in South Carolina.* Chapel Hill. University of North Carolina. 1940. XI,308 p. (The James Sprunt studies in history and political science. Vol 24, N. I)

УОЛЬФ ДЖ. *Джефферсоновская демократия в Южной Каролине.*

HATCHER W. *Edward Livingston.* Jeffersonian republican and Jacksonian democrat. Louisiana. Louisiana state university press. 1940. XIV,518 p.

ГАТЧЕР В. *Эдуард Ливингстон.* Республиканец, сторонник Джефферсона, и демократ, сторонник Джэксона.

LINK E. *Democratic-republican societies, 1790—1800.* New York. Columbia university press. 1942. XII, 256 p.

ЛИНК Е. Демократически-республиканские общества 1790—1800.

BURT A. *The United States, Great Britain and British North America.* From the revolution to the establishment of peace after the war of 1812. New Haven. Yale university press. 1940. VII, 448 p. (The relations of Canada and the United States. Sèries of studies prepared under the direction of the Carnegie endowment for international peace. Division of economics and history.)

БЭРТ А. *Соединенные Штаты, Велцкобритания и Британская Северная Америка.* От революции до мирного договора после войны 1812 года.

BIDWELL P. and FALCONER J. *History of agriculture in the Northern* United States 1620—1860. New York. Smith. 1941. XII, 512 p.

БИДУЭЛЛ П. и ФАЛЬКОНЕР ДЖ. *История сельского хозяйства в Северо-Американских Соединённых Штатах периода 1620—1860 годов*

COLEMAN J. *Slavery times Kentucky.* Chapel Hill. University of North Carolina press. 1940. XIV, 351 p.

КОЛЬМАН ДЖ. *Кентукки в период рабства.*

CROUSE N. *French pioneers in the West Jndies 1624—1654.* New York. Morningside. Heights. Columbia university press. 1940. 294 p

КРОУЗ Н. *Французские поселенцы в* Вест-Индии (1621—1664).

CALDWELL N. *The French in the Mississipi valley 1740—1750.* Urbana. University of Illinois press. 1941. 113 p. (Illinois studies in the social sciences. Vol. 26. N 3).

КОЛДУЭЛЛ Н. *Французские поселенцы в долине Миссисипи в 1740—1750 годах.*

Les canadiens francais et leurs voisins du Sud. Publ. sous la direction de G. Lanctot. Mont real, Valiquette; Toronto. Ryerson press. New Haven. Yale university press. 1941. IX, 322 p. (Les relations du Canada avec les 'Etats — Unis).

Канадцы-французы и их южные соседи. Опубликовано под руководством Дж. Ланкто.

COOK S. *The conflict between the California Indian and white civilization.* I. The Indian versus the Spanish mission. Berkeley—Los Argeles. University of California press. 1943. 194 p. (Ibero-Americana. 21).

КУК С. *Борьба между индейцами Калифорнии и европейской цивилизацией.* I. Индейцы против испанских миссионеров.

BAILEY J. *Diego de Vargas and the reconquest of New Mexico* 1692 — 1704 Albuquerque. University of New Mexico press 1940. 290 p.

БЭЙЛИ ДЖ. *Диего де Варгас и вторичное завоевание Новой Мексики.* [Восстания индейцев против испанцев и подавление их].

THOMAS A. *The plans Indians and New Mexico 1751—1778.* A collection of documents illustrative of the history of eastern fron tier of New Mexico. Albuquerque. Universiiy of New Mexico press. 1940. XV, 232 p. (Coronado cuarto centennial publications. 1540—1940. Ed. by C. P. Hammond. Vol. XI).

ТОМАС А. *Равнинные индейцы и Новая Мексика 1751—1778.* Собрание документов, освещающих историю восточной границы Новой Мексики.

Latin America and the enlightenment. Essays by A. P. Whitàker, R. D. Hussey, H. Bernstein, J. T. Lanning, A. S. Aiton and A. D. Marchant. Introduction by F. de Onis. Ed. by A. P. Whitaker. New York — London. Appleton century. 1942. 130 p.

Латинская Америка и эпоха просвещения. Очерки А. П. Уайтекера и др. Предисловие Ф. де Онис. Под редакцией А. П. Уайтекера.

SMITH G. *France 1598—1715.* London. Arnold. 1941. 192 p.

СМИТ Ж. *Франция (1598—1715).*

WADE I. *Voltaire and madame du Chatelet.* An essay on the intellectual activity at Cirey. Princeton. Princeton university press; London, Milford; Oxford university press. 1941. XII, 241 p. (Princeton publications in romance languages.)

УЭД И. *Вольтер и мадам дю Шатле.* Очерк интеллектуальной жизни в замке Сирэ.

MILLER J. *Boileau en France au dix-huitième siècle.* Baltimore, Maryland. Johns Hopkins press; London. Milford. Oxford universi ty press; Paris. Les belles lettres. 1942. 626 p. (The Johns Hopkins studies in romance literatures and languages. Extra vol. 18)

МИЛЛЕР ДЖ. *Буало во Франции XVIII века.*

DORN W. *Competition for empire, 1740—1763.* New York — London. Harper. 1940. XII, 426 p. (The rise of modern Europe. Ed. by W. L. Langer).

ДОРН В. *Борьба за власть 1740—1763.*

MAZZEI PH. *Memoirs of the life and peregrinations of the florentine Philip Mazzei 1730—1816.* Translated by H. H. Marraro. New York. Columbia university press. 1942. XVI, 4 46 p.

МАЦЦЕИ Ф. *Воспоминания о жизни и странствиях флорентинца Филиппа Маццеи, 1730—1816.* Пер. Г. Марраро.

THOMAS D. *Social and economic aspects. Swedish population movements 1750—1933.* New York. Macmillan. 1941. XXIII, 487 p. (Institute for social sciences. Stockholm university and Institute of human relations. Yale university).

ТОМАС Д. *Движение населения в Швеции за годы 1750—1933 с социальной и экономической точек зрения.*

COLLIS M. *The great within. London.* Faber & Faber. 1941 349 p.

КОЛЛИС М. *За великой стеной.* Очерки истории Китая.

WOLF A. A *history of science, technolgy and philosophy in the eighteenth century.* New York. Macmillan. 1939. 814 p.

ВОЛЬФ А. *История естествознания, технологии и философии в XVIII веке.*

WILLEY B. *The eighteenth century background.* Studies on the idea of nature in the thought of the period. New York. Columbia university press; London. Chatto & Windus. 1941 XIII, 302 p.

УИЛЛИ Б. *Идеологические основы XVIII века* Исследование представлений о природе в мышлении этого периода.

Сектор истории Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР.

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Вопросы истории на юбилейной сессии АН СССР

Происходившие в июле этого года торжества по поводу 220-летия Академии наук СССР отразили любовь и уважение к науке со стороны всей советской общественности, всего народа. В адрес старейшего научного учреждения страны поступило огромное количество приветствий, на заседания юбилейной сессии прибыло большое количество участников со всех концов нашей родины и из многих стран мира. Заседания общего собрания Академии наук и отделений, происходившие в Москве и Ленинграде, прошли с большим подъёмом, на них было заслушано в общей сложности около 50 научных докладов.

Заседание Отделения истории и философии 18 июля открылось вступительным словом академика-секретаря Отделения академика В. П. Волгина. Указав, что в юбилейные дни естественно подводить итоги работ, В. П. Волгин отметил, что среди многих достижений советской исторической науки есть одно, основное, принципиальное, в значительной степени обеспечившее все прочие,— это усвоение нашей исторической наукой метода диалектического материализма.

Основные положения диалектического материализма, говорит В. П. Волгин, будучи применены к жизни общества, впервые ставят учение об обществе на подлинно научную базу, дают исследователям ключ к научному пониманию общественных явлений.

Домарксовская историография даже в пору своего наивысшего подъёма не смогла создать для исторической науки прочной методологической основы. Историческая наука, как наука, отображающая объективный исторический процесс во всей его конкретности, во всём своеобразии форм, которые он принимает в различных человеческих обществах, и в то же время как наука, обобщающая, устанавливающая закономерности исторического развития, может строиться только на основе диалектического материализма.

Только диалектический материализм, заканчивает академик В. П. Волгин, даёт надёжную путеводную нить, позволяющую правильно ориентироваться в кажущемся хаосе общественных явлений и предвидеть их дальнейшее развитие. Гениальное применение диалектического материализма к анализу сложнейшей исторической обстановки, гениальный прогноз, основанный на этом анализе и полностью оправданный всем последующим ходом исторических событий, дали нам в годы Великой отечественной войны речи и приказы товарища Сталина. Они будут жить в веках как непревзойдённые образцы политической мысли, пользующейся подлинно научным, подлинно историческим методом[1].

Доклад на тему «Образование русского государства» сделал академик Б. Д. Греков.

Для решения проблемы о происхождении того или иного государства, говорит докладчик, необходимо знать два основных условия: степень развития общественных отношений изучаемого народа и общемировую обстановку, в которой живёт данный народ.

Образование русского государства падает на то время, когда после распада римской рабовладельческой державы на её территории слагались новые средневековые государства.

Славяне в этом процессе принимали непосредственное активное участие. В VI в. они, организованные по-военному («военная демократия»), перешли Дунай и стали оседать на Балканах. К середине VII в. на Балканах уже существовало несколько славянских государств, существовало уже и Чешское государство. Восточные славяне не отставали в этом отношении. Археологическая наука вскрыла много новых материалов, позволяющих судить о достаточно высоком уровне культуры антов и их общественного развития. На основании письменных, хотя и скудных, источников — арабских, византийских и русских («Повесть временных лет»)— можно сделать вывод, что в конце VI в. в Прикарпатье уже существовало большое объединение восточных славян под главенством племени дулебов-волынян. Эту организацию, по сообщению Масуди, возглавлял царь. Сопоставление письменных памятников с памятниками материальной культуры позволяет с уверенностью говорить об этом политическом объединении как о первой форме государственной жизни восточных славян.

Несколько арабских сообщений дают возможность проследить и дальнейшую историю восточнославянского государства. Они называют три государственных объединения: Славию, Куявию, Арсанию (или Аршанию). Славия — это Новгородская земля, Куявия — Киевская. Об Арсании существу-

[1] Полный текст вступительного слова и докладов на заседании Отделения истории и философии опубликован в журнале «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии. Т. II, № 3, 1945 год. Вступительное слово В. П. Волгина и доклад Б. Д. Грекова опубликованы также в журнале «Большевик» № 11—12 за 1945 год.

ют разногласия Но совершенно очевидно, что государственная жизнь у восточных славян после распада Дулебско-волынского союза не прекратилась Если судьба Арсании нам точно неизвестна, то истории Новгорода и Киева известны хорошо.

В середине IX в Новгород и Киев объединились под властью киевского князя.

Киевское государство, огромное по своей территории, наследует культуру и строится на базе общественного и политического развития предшествующих периодов. Киевское правительство осуществляет задачи, поставленные всем ходом истории восточных славян и растущего русского государства. Из поколения в поколение, что свидетельствует о серьезности задач и об устойчивости политического курса, киевские князья решают в сущности одни и те же задачи: установление западной границы (вопрос русско-польских отношений), разрешение хазарского вопроса, черноморско-дунайский вопрос. Последний тесно связан с русско-византийскими отношениями.

В международных отношениях Киевское государство заняло очень видное место Родственные связи киевских князей со всеми государствами Европы также подтверждают высокое положение Киевского государства в Европе.

Новый, имевший место впоследствии процесс объединения всего русского народа, заканчивает академик Б. Д. Греков, падает уже на другое время и связан с иными условиями, но фундамент этого здания заложен был в киевское и докиевское время.

С докладом «Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства», подтверждающим на археологическом материале принципиально важные выводы академика Б Д. Грекова, выступил доктор исторических наук П. Н. Третьяков.

Археологические исследования последних десятилетий приоткрыли завесу над большой и важной эпохой в исторической жизни восточного славянства — эпохой, предшествовавшей возникновению древнерусского государства.

Эти исследования показали, во-первых, что многие древнерусские племена, перечисленные в Начальной летописи, отчетливо обрисовываются археологическими данными, относящимися к VI—X столетиям нашей эры, что дает возможность не только уточнить местоположение этих племён, но и сделать существенные выводы относительно их характера Очевидно, что племена, прослеживаемые начиная с VI и до X столетия, более того сохранившие отчетливые следы и в XI—XIV столетиях, — не могли быть новообразованиями, возникшими в процессе сложения древнерусской государственности, как это полагали некоторые историки Они представляли собой устойчивые объединения восточного славянства, восходящие к далекому, первобытному прошлому и обладающие своеобразными этническими чертами.

Во-вторых, археологические исследования показали, что вторая половина первого тысячелетия нашей эры являлась временем, когда в среде восточных славян развертывался энергичный процесс распада первобытнообщинного строя. К VIII—IX столетиям не только на юге, но и на севере господствующей формой общественных отношений становится территориальная община Ее экономическую основу составляли пашенное земледелие, растущие ремесло и обмен.

В-третьих, на основании археологических данных удалось установить, что в течение VII—IX столетий восточнославянские племена, окрепшие в экономическом и социальном отношении, начинают движение на Верхнюю Волгу, в землю древней мери и главным образом на юг и юговосток, на Дон, Донец и Тамань Это было движение не отдельных групп, а целой массы земледельческого населения, стремящегося, повидимому, овладеть черноземными пространствами и пробиться к Черному морю. Появление росов на Чёрном море в первой половине IX столетия должно быть поставлено в непосредственную связь с этим движением славянства в южном направлении.

На заседании Отделения истории и философии 20 июля было заслушано два доклада.

С докладом на тему «Проблема сознания в свете диалектического материализма» выступил член-корреспондент АН СССР С. Л. Рубинштейн.

Член-корреспондент АН СССР Е А. Косминский посвятил свой доклад теме «Аграрная история Англии и русская историческая школа».

Русская историческая наука, сказал Е. А. Косминский, вправе гордиться крупнейшими завоеваниями Я не говорю уже о той огромной работе, которая проделана русскими учеными в области родной истории, в исследовании истории народов Востока, в ряде отделов древней истории, в истории Византии. Но и в изучении истории народов Западной Европы, которой наша наука занялась сравнительно недавно, она сумела занять почетное место. В частности ей принадлежит почетное место в разработке аграрной истории Англии. Эта тема представляла особый интерес для наших ученых, потому что в аграрном развитии наиболее передовой капиталистической страны они искали разрешения многих проблем, связанных с судьбой русского крестьянства. В то же время близкое знакомство с жизнью большой аграрной страны, сохранявшей еще много пережитков феодализма, какой была дореволюционная Россия, делало их особенно зоркими и тонкими наблюдателями западной аграрной старины. К истории Англии русских ученых притягивали кроме того интерес к учреждениям этой страны и исключительное обилие источников Исследовательская работа по аграрной истории Англии была начата в России М М Ковалевским и П Г. Виноградовым. Классические труды последнего составили фундамент для всех дальнейших исследований в этой области. Вторым поколением историков Англии у нас являются Д. М. Петрушевский, который дал замечательное исследование по аграрному развитию XIV в. и крестьянскому восстанию 1381 г., и А. Н. Савин, автор ряда замечательных по исключительной тщатель-

ности и точности анализа исследований по аграрной истории Англии XVI и XVII вв., явившихся крупным вкладом в мировую науку. Работа третьего поколения приходится уже на время после Великой Октябрьской социалистической революции. Отправляясь от марксистско-ленинского понимания исторического процесса, советские историки подвергают пересмотру аграрный строй Англии в эпоху «классического» феодализма, изучают классовую борьбу в английской деревне. Важнейшей их заслугой является изучение перемен, которые были внесены в аграрные отношения английской буржуазной революцией. Привлекая новый архивный материал, они изучают историю гибели английского крестьянства и процессы первоначального накопления. К третьему поколению принадлежат наряду с самим докладчиком В. М. Лавровский, С. И. Архангельский, В. Ф. Семёнов. Из числа аспирантов Института истории Академии наук СССР и студентов и аспирантов Московского университета в настоящее время создаётся четвёртое поколение аграрных историков Англии.

Кроме этих заседаний в институтах Отделения истории и философии был организован ряд встреч с иностранными учёными, приехавшими на юбилейную сессию.

В Институте истории состоялось заседание сектора славяноведения. В нём приняли участие иностранные учёные: профессор Камил Блок (Франция), президент Славянского института Парижского университета профессор Андре Мазон, историк Чехии и историк культуры, министр народного просвещения Чехословакии профессор Зденек Неедлы, профессор по истории славянских литератур, ректор Пражского университета Ю. Горак, профессор по истории Словакии и Венгрии, ректор Братиславского университета Д. Рапант, профессор филологии и истории, президент Югославской академии наук А. Белич, профессор истории литературы, президент Словенской академии наук (Любляны) Ф. Кидрич, профессор истории философии, президент Болгарской академии наук Д. Михалчев, профессор истории Польши, президент Польской академии наук С. Кутшеба, ректор Краковского университета профессор Лер-Сплавинский, ректор Варшавского университета профессор Т. Котарбинский.

Приветствуя иностранных гостей, академик Б. Д. Греков отметил, что полученная ныне возможность дружеского общения с коллегами, занимающимися вопросами славяноведения, несомненно, закрепится, чему будет способствовать специальный Институт славяноведения, который предполагается образовать в Академии наук СССР. Член-корреспондент АН СССР В. И. Пичета познакомил собравшихся с деятельностью руководимого им сектора славяноведения и советских исследователей.

В своих речах иностранные учёные выразили благодарность доблестной Красной Армии, которая помогла сбросить ярмо гитлеровских захватчиков, разрушавших культурные учреждения и преследовавших людей науки. Идея организации Института славяноведения вызвала общее одобрение и оживлённый обмен мнениями.

Отвечая на затронутые вопросы, вице-президент Академии наук СССР академик В. П. Волгин отметил целесообразность создания в славянских странах институтов, задачей которых должно быть комплексное изучение отдельных стран и народов, и желательность объединения этих институтов в дальнейшем в особую ассоциацию, содействующую обмену результатами исследований, опытом и научной литературой.

Ряд участников заседания подчеркнул важность немедленного издания славянской библиографии по каждой стране; были высказаны пожелания взаимного живого общения учёных путём поездок в изучаемую страну, обмена студентами и т. п.

Заседание группы по истории Англии происходило при участии английского историка Тоуни, проф. Инниса (Канада) и др. Член-корреспондент АН СССР Е. А. Косминский рассказал о работе руководимой им группы. Выступавшие профессора В. М. Лавровский, С. И. Архангельский и др. доложили о результатах своих исследований по истории Англии. Профессор Тоуни поделился выводами из своих последних работ по аграрной истории Англии XVI—XVII веков. Он, как и другие ораторы, отметил важность усиления делового контакта между исследователями английской истории в СССР и их английскими товарищами и передал приглашение посетить Англию.

В Институте истории состоялась также встреча с видным китайским историком Го Мо-жо.

Научные сотрудники, занимающиеся историей Франции, встретились с французскими историками в ВОКС.

В Институте истории материальной культуры имени Н. Я. Марра и Институте этнографии Академии наук СССР состоялся ряд заседаний и встреч с иностранными учёными — английским археологом Гордоном Чайлд, американским антропологом и археологом Генри Филд, известным американским археологом и историком искусства Средней Азии Артуром Поп, пражским профессором Юрием Гораком и др.

Организованная в Музее антропологии и этнографии в Ленинграде выставка произвела на всех участников юбилейных торжеств исключительное впечатление. Также большой интерес вызвала выставка по истории Академии наук, организованная в Ленинграде Архивом АН СССР.

220-летняя деятельность Академии наук, выраженная в печатном слове, была представлена на обширных выставках в Фундаментальной библиотеке по общественным наукам АН СССР в Москве и в библиотеке Академии наук в Ленинграде. Были выставлены также редкие издания — инкунабулы, экспонаты рукописных и летописных фондов, как Кенигсбергский список летописи XV в., Ипатьевский список и др.

В. А.

Работа Института истории Украины АН УССР за годы Отечественной войны

В начале войны институт, находясь в глубоком тылу, в столице Башкирской АССР — Уфе,— входил в состав вновь созданного Института общественных наук на правах отдела. Летом 1942 г. был организован Институт истории и археологии Украины. Только после реэвакуации в Киев 1 июля 1944 г. Институт истории и археологии разделился на два самостоятельных института — Институт археологии и Институт истории Украины, который стал самостоятельным научным учреждением, как и был до войны.

На последней сессии Академии наук УССР (февраль 1945 г.) академиком по истории Украины был избран выдающийся учёный и государственный деятель доктор исторических наук Д З. Мануильский и членом-корреспондентом АН УССР—доктор исторических наук профессор Н. Н. Петровский. В институте плодотворно работает член-корреспондент АН УССР С. В. Юшков. Во главе Института стоит член-корреспондент АН УССР Н Н. Петровский.

Коллектив научных сотрудников института во время Отечественной войны продолжал работу над составлением четырёхтомного учебника по истории Украины для вузов. Первый том этого учебника, охватывающий период с древних времён до 1654 г. (авторы члены-корреспонденты АН УССР С. В. Юшков, Л. М. Славин, Н. Н. Петровский и кандидат исторических наук К. Г. Гуслистый), вышел в Уфе в 1943 году. Сейчас авторы и редактор работают над подготовкой второго издания этого тома.

Второй том истории Украины, освещающий период с 1654 по 1861 г. (авторы: кандидаты исторических наук Ткаченко, Дядиченко, Стецюк, Гуслистый, Ястребов), полностью подготовлен и в скором времени будет сдан в печать.

Заканчивается работа над третьим томом истории Украины, охватывающим период с 1861 по 1917 год. Все разделы этого тома (за исключением одного) написаны и обсуждены на заседаниях отдела. Над этим томом работают кандидаты исторических наук Ястребов, Кравченко, Корчмар, Лось, Сенченко, старший научный сотрудник Шерстюк и доктор исторических наук Рубач.

Коллектив института работает над составлением четвёртого тома, в котором будет освещён весь советский период, включая и Отечественную войну.

Продолжается работа и над созданием серии очерков по истории Украины — «Нариси из Історії України». До войны вышли из печати I—IV выпуски, охватывающие период с древнейших времён до 1654 г., и VIII — «Україна в першій половині 19-го ст.». В 1944 г. вышел из печати XI выпуск — «Україна в роки Столипінської реакції» (Ф. Е. Лось). Кандидатом исторических наук Н. М. Ткаченко написан и готовится к печати V выпуск очерков — «Україна в другій половині XVII ст.». В 1945 г. заканчивает работу над составлением XII выпуска — «Україна в годы революционного подъёма и первой мировой войны (1912—1917)» — доктор исторических наук М. А. Рубач.

Институт много работает над созданием больших монографических исследований по отдельным проблемам или вопросам истории Украины. Так, проф. Петровский закончил большую работу «Воссоединение украинского народа в едином Украинском советском государстве». Эта работа в сокращенном виде напечатана и вышла в свет в 1944 г. (Госполитиздат. М.).

Ф. А. Ястребов закончил большое исследование «Очерки по истории общественно-политического движения на Украине в XIX ст.». Этот труд автор представляет к защите на соискание учёной степени доктора исторических наук.

М. А. Рубач закончил работу «Очерки по истории аграрной революции на Украине» и защитил её на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Великая отечественная война вызвала огромный интерес к героическому прошлому украинского народа. В 1942 г. коллективом научных сотрудников в Уфе был написан «Нарис історії України», который охватывает период с древнейших времён и до наших дней. Эта книга знакомит читателя с героическим прошлым украинского народа, с его социальной и национальной борьбой против угнетателей на протяжении всего исторического периода. Она вышла под редакцией Л. М. Славина, К. Г. Гуслистого и Ф. А. Ястребова. Составили эту книгу академик К Г. Воблый, профессор Н. Н. Петровский, кандидаты исторических наук В. А. Дядиченко, Н. И. Супруненко, Ф. Е Лось и старший научный сотрудник Ф. Ю. Шерстюк.

Институт выпустил сборник статей, в котором показана совместная героическая борьба украинского народа и великого русского народа на протяжении многих веков против немецкой агрессии. В этот сборник вошли статьи: К. Г. Гуслистого «Боротьба українського народу проти німецьких загарбників у XIII—XV ст.», Ф. Е. Лось «Участь українців у боротьбі Росы проти Пруси за Семирічної війни», Н. И. Супруненко «Крах німецької окупації на Україні в 1918 р.», «Україна напередоні і у Вітчизняній війні проти німецько-фашистських загарбників», кандидата экономических наук З. П. Шульги «Боротьба українського селянства проти німецько-фашистських окупантів».

Институт провёл большую работу по популяризации исторического прошлого украинского народа — он издал ряд брошюр по отдельным проблемам истории Украины, в частности о героических предках украинского народа.

В 1943 г. в Уфе вышла из печати брошюра «Жовтень на Україні», написанная Н. С. Супруненко. Напечатаны брошюры о героях украинского народа: Богдане Хмельницком, Иване Богуне и Максиме Кривоносе (автор — Н. Н. Петровский), Петре Сагайдач-

ном и Даниле Галицком (автор — К. Г. Гуслистый), Семёне Палий (автор — В. А. Дядиченко), о Кармелюке и Пархоменко (автор — Ф. Ю. Шерстюк).

Сданы в печать брошюры: В. А. Дядиченко — о Наливайко, Н. М. Ткаченко — о Сирко, Ф. Е. Лось — о Гонте и Матюшенко, Н. И. Супруненко — о Щорсе, К. И. Стецюк — о Котовском.

В дни Великой отечественной войны научный коллектив Института истории Украины уделял большое внимание разработке истории украинской культуры. Написан и сдан в печать первый том истории украинской культуры, в котором будет показано развитие украинской культуры, начиная с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. Составили этот том Л. М. Славин, К. Г. Гуслистый, Н. М. Ткаченко, В. А. Дядиченко, Ф. А. Ястребов и Ф. Е. Лось (под редакцией Гуслистого, Рыльского и Маслова).

В годы войны институт начал издавать «Наукови записки»; первый том вышел в 1943 году. В нём помещены документы Великой отечественной войны и ряд статей: Н. Супруненко «З досвіду піврічної боротьби радянських партизан проти німецьких окупантів», Е. Лагодовской «Проблеми усатовської культури», Л. Славина «Основні підсумки вивчення Ольвії за радянський період», Д. Блифельда «З археологічних досліджень у Києві в останні роки», Л. Дмитрова «До питання про загадкові сфероконічні сосуди як запалювальні бомби XIII ст. н. е.», Н. Ткаченко «Повстання в Києві в 1068—1069 рр.», К. Кудряшева «Половецька Сутень», К. Гуслистого «До історії Брацлавського повстання в 90-х рр. XVI ст.», Н. Петровского «З українсько-російського листування 1649 р.», К. Стецюк «Козацько-селянське повстання на Слобідській Україні 1 1670 р. в зв'язку з повстанням Степана Разіна». В. Дядиченко «З історії боротьби українського народу на Правобережжі проти шляхетської Польщі в кінці XVII ст.», Ф. Лось «Селянскі рухи на Україні в роки столипінської реакції» М. Рубач «Класове розшарування селянства України напередодні пролетарської соціалістичної революції».

В ближайшее время выйдет второй том «Наукових записок». В нём будут помещены документы Отечественной войны и ряд исследований: Н. Сибилева «Підсумки досліджень, палеолітичних і неолітичних стоянок басейну р. Донця», Е. Лагодовской «Розкопки Усатівського кургану I—II в. 1941 р.», Л. Дмитрова «Археологічне вивчення Нікопольщини 1935—36 гг.», академика Б. Грекова «Организація військових сил східних слав'ян Київської держави», чл.-корр. АН УССР профессора С. Юшкова «Про державний устрій Київської Русі», Н. Ткаченко «Київське повстання 1913 р.», профессора А. Савич «Андрусовське перемир'я 1667 р.», К. Стецюк «Козацько-селянське повстання на Слобідській Україні в зв'язку з повстанням Степана Разіна», В. Дядиченко «З історії боротьби правобережного козацтва проти шляхетської Польщі (1690—1699)», Ф. Лось «До питання про думську українську Громаду в I-й та II-й Державній Думі», М. Рубач «Класове розшарування селянства України по землі 1917 р.», Н. Супруненко «Національний гніт і нищення української національної культури за денікінщини».

Заканчивается подготовка к печати третьего тома «Наукових записок» института. В дни Отечественной войны в журналах «Большевик», «Исторический журнал», «Слав'яне», «Україна», «Українська література», «Дніпро» и др. было напечатано свыше 30 статей научных сотрудников института; в газетах — больше 60 статей на разные темы.

Институт принимал активное участие в научных сессиях. На научной сессии отделения истории и философии АН СССР профессор Петровский прочитал доклад «Западноукраинские земли в XIX и начале XX столетия». Содержательные доклады прочёл Ф. А. Ястребов: «Идеология кирилло-мефодиевцев» — на сессии отделения общественных наук АН УССР и «К вопросу о главных моментах украинской историографии» — на научной сессии Киевского государственного университета.

Институт уделяет большое внимание и изучению истории столицы Советской Украины — Киева. В 1945—1946 гг. кандидат исторических наук Стецюк закончит монографию «Київ у II-й половині XVII ст.».

В 1945 г. будет закончена работа К. Г. Гуслистого «Визвольна боротьба українського народу проти шляхетської Польщі в II-й половині XVI і в першій половині XVII ст.», освещающая проблему национально-освободительной борьбы украинского народа. Эта работа была начата К. Г. Гуслистым ещё в 1940 г., она будет представлена им к защите на соискание учёной степени доктора исторических наук.

В 1945 г. в институте начинаются работы над двумя новыми монографиями, докторскими диссертациями: В. А. Дядиченко — «Боротьба українського народу проти зрады Мазепи» и Ф. Е. Лось — «Україна в першій буржуазно-демократичній революції—1905—1907 років».

На протяжении 1945 г. будут закончены две кандидатские диссертации: и. о. старшего научного сотрудника Д. И. Мишко на тему «Чигиринские походы 1677—1678 рр.» и старшего научного сотрудника Ф. К. Стоян «Історія утворення Української РСР».

В 1945 г. институт развёртывает археографическую работу по изданию источников по истории Украины. В тематическом плане этого года намечается подготовить и сдать в печать совместно с Управлением государственными архивами НКВД УССР сборник архивных материалов «Україна на передодні визвольної війни (1648—1654 рр.)»; составить второй том истории Украины в документах и материалах, охватывающий период с XIV по вторую половину XVI столетия, а также вместе с Комиссией по истории Отечественной войны закончить работу над сборником материалов по истории Отечественной войны на Украине (том первый).

За годы Великой отечественной войны советского народа против фашистской Герма-

нии ещё более расширились и укрепились связи между Институтом истории Украины АН УССР и Институтом истории АН СССР в наших периодических изданиях, совместных обсуждениях проблем истории нашего народа.

Директор Института истории АН СССР акад. Б. Д. Греков принял участие в наших «Наукових записках». Во время своего пребывания на юбилейной сессии АН УССР в Киеве Б. Д. Греков на заседании Учёного совета института сделал доклад по истории крестьян Восточной Галиции в XIV—XV веках. Чл.-корр. АН СССР профессор В. И. Пичета дал ряд рецензий в «Историческом журнале» и других изданиях на работы украинских историков. Коллектив нашего института отмечает ценные выступления чл.-корр АН СССР профессора А. М. Панкратовой на заседании нашего института по вопросам периодизации истории Украины в связи с работой над учебником по истории Украины, а также ту помощь, которую она оказала ряду украинских историков в их работе.

Большую пользу принесли встречи работников Института истории Украины с чл.-корр. АН СССР профессором И. И. Минцем и профессором А. Л. Сидоровым. В работе института принимает активное участие профессор А. А. Савич.

Ф. Лось

О написании истории Якутской АССР с древнейших времён до наших дней

Совнарком ЯАССР и областной комитет ВКП(б) приняли постановление о написании истории Якутской АССР с древнейших времён до наших дней.

СНК ЯАССР и обком ВКП(б) определили, что «История Якутской АССР с древнейших времён до наших дней» должна состоять из трёх томов (четырёх книг) объёмом по 25—30 печатных листов. Первый том посвящается истории Якутии до присоединения к русскому государству, второй — истории Якутии от присоединения к русскому государству до Октябрьской социалистической революции (книга 1-я — народы Якутии в XVII—XVIII вв., книга 2-я — народы Якутии в XIX—XX вв.), третий — советскому периоду.

Трёхтомник должен быть снабжён соответствующим научным аппаратом — именными и предметными указателями, картами, иллюстративным материалом, библиографией — и написан доступным языком.

СНК ЯАССР и ОК ВКП(б) одобрили привлечение в качестве основных авторов — якутоведов центра и научных работников республики: по первому тому — ст. научного сотрудника Института археологии Академии наук СССР А. П. Окладникова; по второму тому — чл.-корр. АН СССР проф. С. В. Бахрушина, проф. С. А. Токарева, проф. А. И. Андреева, проф. Н. Н. Степанова, докторанта Института этнографии АН СССР О. В. Ионову, докторанта Института истории АН СССР Г. П. Башарина; по третьему тому — К. И. Кирсанову, доцента А. Е. Мординова и др. Широко будут привлечены к составлению истории местные писатели, фольклористы, советская интеллигенция, научные работники архивов, музеев и научные корреспонденты института.

Дирекции Научно-исследовательского института языка, литературы и истории ЯАССР рекомендовано, начиная с января 1945 г., регулярно проводить научные сессии, посвящённые проблемам изучения истории народов Якутии, и опубликовывать материалы этих сессий в специальных сборниках и трудах института.

Поручено Научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории ЯАССР, связавшись с институтами истории, археологии и этнографии Академии наук СССР и архивными органами, организовать систематическую научно-исследовательскую работу по выявлению и изучению археологических и исторических памятников Якутии, по собиранию этнографических и фольклорных материалов, а также документов XVII—XIX вв., освещающих прошлое народов республики, и через Якгиз обеспечить публикацию этих материалов.

СНК ЯАССР и ОК ВКП(б) обязали секретарей райкомов ВКП(б), Якутского горкома ВКП(б) и председателей райисполкомов оказывать всемерную помощь Научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории ЯАССР, а также его научным корреспондентам в выявлении и изучении на местах археологических памятников, в сборе этнографических, исторических и фольклорных материалов.

Вся работа по подготовке и составлению «Истории Якутской АССР с древнейших времён до наших дней» возложена на Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории ЯАССР, для которого эта работа является важнейшей задачей. Трёхтомник должен быть издан к 25-й годовщине Якутской АССР.

Для осуществления подготовительных мероприятий, организации редактирования и объединения работы научно-исследовательских организаций по созданию «Истории Якутской АССР» создана редколлегия в составе тт. А. И. Захарова, О. В. Ионовой, А. Е. Мординова, А. П. Окладникова, Т. А. Шуб.

Работа государственных архивных органов Казахской ССР в дни войны

В последние годы, несмотря на трудности военной обстановки, государственные архивные органы сумели развернуть в широком масштабе научно-исследовательскую работу.

Состоявшееся республиканское совещание историков-архивистов наметило пути для этой научной работы. Государственные архивы прежде всего поставили перед собой задачу — организовать использование документальных материалов для укрепления оборонной, экономической мощи нашей родины. Реальным шагом в этом направлении явилось составление справочника месторождений полезных ископаемых. Справочник получил положительную оценку авторитетных специалистов, и теперь он используется в проводимых в нашей республике в значительных масштабах геологических разведках.

При составлении справочника архивисты проделали большую исследовательскую работу, подняли и систематизировали значительный документальный материал. В связи с этим научные организации поставили в порядок дня вопрос о составлении истории горного дела в Казахстане на базе этого материала.

Большое место в научно-исследовательской работе архивных органов занимают сбор и опубликование документальных материалов, освещающих участие трудящихся нашей республики в Великой отечественной войне.

Государственным архивным органам удалось собрать тысячи писем на русском и казахском языках. Их авторами являются целые воинские соединения, сформированные в нашей республике, отдельные Герои Советского Союза, орденоносцы, офицеры, сержанты и рядовые бойцы. Есть письма, полученные коллективами. Имеется много индивидуальных писем фронтовиков своим близким и родным. На базе этой документации был подготовлен и издан первый выпуск сборника «Письма с фронта», в котором отражён ход войны, кончая разгромом немцев под Сталинградом Выпущенная книга получила одобрительный отзыв в нашей печати и была встречена с живым интересом на фронте. Она используется теперь как научными работниками, так и агитаторами и пропагандистами.

Появление сборника усилило интерес архивных органов и за пределами нашей республики к работе с письмами с фронта. Архивные органы братских республик обращаются к Управлению госархивами Казахской ССР с просьбой поделиться своим опытом на этом участке работы.

В настоящее время сдан в печать второй выпуск сборника, в котором представлено свыше 100 писем, отражающих ход войны после Сталинграда, борьбу Красной Армии за полное очищение советской земли от фашистской скверны.

Наряду с письмами государственные архивные органы собрали многочисленные документы (свыше 5 тысяч) характеризующие героическую работу народных масс в тылу, благодаря которой Советский Казахстан превратился в мощный боевой арсенал нашей родины. Заканчивается составление документального сборника на основе этих материалов — «Трудящиеся Казахстана в Великой отечественной войне». В сборник также включается и фронтовой материал, освещающий непосредственное участие казахстанцев в защите Москвы, Ленинграда, Сталинграда, в освобождении Украины, Белоруссии и Советской Прибалтики. Издание этого документального сборника в целом или отдельных его выпусков приурочивается к 25-летнему юбилею республики.

Государственные архивные органы установили живую связь с фронтом, которая уже принесла свои плоды В содружестве историка-архивиста и фронтовика родилась историческая работа о боевых делах и о людях прославленной гвардейской Сталинградской стрелковой дивизии, сформированной в Казахстане и являющейся гордостью трудящихся нашей республики.

Бойцы и командиры направляли в Центральный государственный архив наиболее интересные документы из истории дивизии, письма земляков, фронтовые листки, газеты и другие материалы. Но личный состав дивизии и её командование не ограничились сбором документов и заботами об их сохранности появилось стремление составить историю дивизии, увековечить её боевой путь.

В промежутке между битвой за Днепр и битвой за Днестр дважды Герой Советского Союза гвардии генерал-лейтенант Козак писал в Управление госархивами в Алма-Ата. «Наша дивизия прошла большой боевой путь — от берегов Волги, где она получила звание гвардейской Сталинградской, до берегов Днестра. В боях с немецкими захватчиками личный состав дивизии проявлял массовый героизм За мужество и отвагу проявленные в сражениях, тысячи рядовых, сержантов и офицеров награждены советским правительством орденами и медалями. 24 прославленным воинам нашей дивизии присвоено звание Героя Советского Союза. В нашей части выделена группа офицеров во главе с гвардии майором Карамышевым, которая сейчас собирает подлинный материал о героях и о боевом пути дивизии».

Через некоторое время руководитель группы гвардии майор Карамышев сообщил. «Намеченную работу мы закончили Готова рукопись «Боевой путь гвардейской Сталинградской» — на 250 страницах».

Вскоре была закончена и вторая рукопись о людях дивизии — «Увенчанные славой». Эти рукописи являются плодом подлинно коллективной работы. К их составлению были привлечены ветераны дивизии многие из её бойцов и офицеров. В каждом полку, в каждом подразделении собирали материалы, записывали рассказы участников боёв,

помогали оформлять воспоминания. Постепенно накопился богатый документальный материал из воспоминаний, дневников, записей, альбомов и фотографий.

О том, как составлялись рукописи, рассказывает в своём письме редактор дивизионной газеты тов. Алышев: «Была выделена комиссия. В часы, свободные от выполнения боевых заданий, члены комиссии собирались в один из домиков села Красная Горка, Тираспольского района, расположенного на Днестре. При свете лампочки, сделанной из гильзы снаряда, они писали отдельные главы. Часто работу приходилось прерывать в связи с тем, что немцы усиленно обстреливали село. Когда огонь противника стал более прицельным и несколько снарядов разорвалось поблизости, товарищи перекочевали в лог, находящийся в двух километрах от села, где устроили себе блиндаж, и там продолжали составление рукописей. Были технические затруднения: не на чем было печатать рукописи. Но бойцы раздобыли трофейную пишущую машинку. Нашёлся механик, который переделал алфавит».

Так офицеры и рядовые бойцы создали замечательную повесть о героизме советских людей, о боевом пути дивизии. На такой подлинно научный подвиг способен только советский воин, которого осеняет победоносное знамя Ленина—Сталина.

Делегация дивизии в конце прошлого года привезла рукописи в Алма-Ата и сдала на вечное хранение в Центральный госархив Октябрьской революции. Работники архива подготовляют их к печати.

Много сил за годы войны архивисты отдали и созданию научно-справочной литературы по ведущим республиканским архивам, нужда в которой давно ощущалась. Составлен справочник по Центральному государственному историческому архиву, издание которого запланировано Казахским филиалом Академии наук СССР на 1945 год. Особый интерес представляет приложенный к справочнику обзор хранящихся в архиве уникальных документов на монгольском, маньчжурском и китайском языках.

Ведётся также работа по составлению научного справочника по Центральному государственному архиву Октябрьской революции и социалистического строительства.

Установился тесный контакт между историками-архивистами и историками-исследователями, между государственными архивными органами и научными организациями. Выражением этого контакта явилось объединение всех сил архивных органов и научных организаций, работающих на историческом фронте, вокруг составления капитального многотомника документов и материалов по истории Казахстана с древнейших времён. Это издание рассчитано на 15 томов, для его осуществления потребуется ряд лет. Ведущее участие в этом издании принимает и Институт истории Академии наук СССР. В настоящее время заканчивается работа над XII томом — «Октябрьская революция, гражданская война в Казахстане и образование КазАССР». Работа над многотомником является школой для молодых кадров историков Казахской ССР.

Ш. Шафиро

Научная сессия, посвящённая 150-летию Одессы

В связи с исполнившимся в 1944 г. 150-летием со дня основания Одессы в Одесском университете состоялась научная сессия, посвящённая этому знаменательному событию.

Тематика сессии была строго ограничена — участие Одессы в Великой отечественной войне, история города, его роль в развитии науки и литературы в стране, а также проблемы восстановления экономики города и области.

На сессии было заслушано свыше 20 докладов. Сессию открыл заведующий кафедрой философии и основ марксизма-ленинизма И. А. Сосновский докладом «Оборона Одессы и её значение в истории Великой отечественной войны». Докладчик привёл много новых, ещё не опубликованных материалов, освещающих этот интереснейший период в истории города. Наряду с характеристикой военных действий докладчик рассказал много фактов, показывающих героизм населения, его участие в строительстве оборонительных сооружений, осветил работу одесских предприятий на оборону.

На первом же пленарном заседании был заслушан доклад на тему «Роль Одесского университета в развитии отечественной науки». Профессор доктор биологических наук Е. И. Синельников своё выступление посвятил связям Сеченова и Мечникова с научной Одессой.

Дальнейшая работа сессии протекала по секциям: историко-филологической, физико-химико-математической и биолого-географической.

На заседаниях историко-филологической секции было заслушано несколько докладов. Старший преподаватель В. М. Маслов посвятил своё сообщение теме «Революционные традиции Одессы»; старший преподаватель С. М. Степанов сделал доклад об оккупации немцами Одессы в 1918 году. В двух докладах была изложена история образования в Одессе: профессор доктор педагогических наук А. Г. Готалов-Готлиб рассказал о предшественниках Новороссийского университета — Ришельевском лицее и других учебных заведениях старой Одессы; старший преподаватель В. Е. Демьяненко осветил роль Пирогова в организации университета в Одессе. Четыре

доклада были посвящены роли Одессы в развитии русской и украинской литературы. Кандидат филологических наук А. В. Недзведский сделал доклад на тему «Одесса в украинской литературно-общественной жизни дореволюционных лет». С докладами «Пушкин в Одессе» и «Одесса в русской художественной литературе» выступила кандидат филологических наук З. А. Боринович-Бабайцева. Доклад на тему «Эдуард Багрицкий — сын Одессы» сделал старший преподаватель А. Д. Щербина.

Истории развития в Одессе точных наук были посвящены доклады на заседаниях физико-химико-математической секции. Проф. П. Н. Павлов сделал доклад о пребывании Менделеева в Одессе, доцент Е. И Овчинникова — о развитии химической науки в Одессе, и. о. директора астрономической обсерватории Б. В. Новопашенный — об истории астрономических наблюдений в Одессе.

В программу работы сессии был включён обзор работ научных работников университета доцентов-физиков Кондогури и Черню ка, погибших в последние дни оккупации Одессы. Они были замучены оккупантами за принадлежность к подпольной группе. Обзоры научных работ погибших товарищей были сделаны доцентами Г. Л. Михневичем и С. О. Голубом.

Работа биолого-географической секции была начата докладом доцента, кандидата географических наук Л. В Климентова «Природа Одесщины и её органическая связь со смежными частями Украины». Доклад был посвящён опровержению теорий оккупантов о так называемой «Транснистрии» (Транснистрией они назвали Одесскую область и часть Винницкой).

Исследованиям фауны в Одессе и Одесской области посвятил доклад проф. А. Р. Прендель; истории оползней в Одессе и борьбе с ними — доцент, кандидат геологических наук И. Я. Яцко. О коллекции метеоритов Одесского университета рассказала доцент В. Л. Рутковская.

На заседаниях этой секции ряд выступлений был посвящён вопросам залечивания ран, нанесённых городу и области во время хозяйничания оккупантов. Доклад о Куяльницком лимане и задаче восстановления его природных лечебных свойств после освобождения от немецкой оккупации сделал доцент, кандидат геологических наук В. В. Степанов. О засорённости полей Одесщины в результате оккупации сделала сообщение доцент М. А. Басарская Палеогеновым водоносным горизонтам Одесщины посвятил свой доклад проф. Е. А. Гапонов.

На заключительном пленарном заседании сессии был заслушан доклад кандидата филологических наук А. В. Недзведского «Песни и стихи защитников Одессы в 1941 году».

Работа сессии вызвала большой интерес. На всех секционных заседаниях докладам сопутствовал оживлённый обмен мнениями. Материалы работ сессии предполагается издать отдельным сборником.

А. Недзведский

Г. С. КАРА-МУРЗА

22 августа 1945 г. в расцвете сил и таланта, при исполнении служебных обязанностей, погиб Георгий Сергеевич Кара-Мурза, профессор Московского ордена Ленина Государственного университета и старший научный сотрудник Института истории Академии наук СССР.

Г. С. Кара-Мурза был одним из талантливейших историков-китаеведов. Сравнительно молодой, он уже оставил после себя большое количество научных работ по вопросам истории Китая (более 100).

Г. С. Кара-Мурза родился в Москве в 1906 г. Специальное востоковедное образование получил в Московском институте востоковедения. После окончания института Г. С. Кара-Мурза перешёл на работу в Китайский университет имени Сунь Ят-сена, и здесь началась его научная работа Вскоре он занялся преподавательской деятельностью, приступив к чтению курса лекций по истории Китая в Московском институте востоковедения и в Московском Государственном университете. В то же время Г. С. Кара-Мурза работал старшим научным сотрудником сначала в Институте мирового хозяйства и мировой политики, а затем в Институте истории Академии наук СССР

В 1941 г., после нападения на СССР гитлеровской Германии, Г. С. Кара-Мурза вступил добровольцем в ряды Красной Армии.

Г. С. Кара-Мурза являлся автором всех глав вузовского учебника по новой истории колониальных и зависимых стран, посвящённых истории Китая. Он написал большое количество работ, опубликованных в научных журналах, а также вышедших отдельными книгами. Отметим хотя бы такие работы, как работы о Сунь Ят-сене и суньятсенизме, исследование по национальному вопросу в Китае, работу на тему «Китайский вопрос в истории марксизма», книгу «О тайпинской революции в Китае» и много других. Кроме того он является составителем и редактором ряда научных сборников, автором научных предисловий к специальным изданиям по Китаю.

Новая оригинальная разработка важнейших проблем истории Китая, подлинное научное дерзание, глубина теоретического анализа и смелые обобщения — отличительные черты научных работ Г. С. Кара-Мурза.

Г. С. Кара-Мурза занимался также и переводами с китайского языка на русский. Ему принадлежит перевод на русский язык основного и капитального труда Сунь Ят-сена «Три народных принципа», к которому им же написано большое научное предисловие.

В последние годы своей жизни Г. С. Кара-Мурза, находясь на Дальнем Востоке, написал большую, четырёхтомную монографию Манчжоу-Го — «Новый порядок» в Маньчжурии».

Погиб талантливый молодой учёный и преданный партии коммунист!

Погиб горячий патриот своей Родины и подлинный друг Китая, передовой синолог-марксист!

В. Волгин, Е. Варга, Б. Греков, В. Аварин, М. Бородин, Г. Войтинский, И. Галкин, Н. Гольдберг, А. Губер, Е. Жуков, Б. Заходер, А. Миллер, И. Рейснер, С. Ростовский, Э. Теумин, Г. Эренбург, Н. Сомин, С. Сурач, Ф. Тодер, И. Плышевский, Н. Киселёв и др.

SOMMAIRE:

Les tâches de „Problèmes de l'Histoire". ARTICLES: Grékov B., akad.— La crise économique dans l'Etat de Moscovie aux annees 75-80 du XIXe siècle. Tikhomirov M., prof. — Les sociétés marchandes et artisanales dans l'ancienne Russie (XIe—XVe siècles). Epifanov P. — La réforme militaire de Pierre le Grand. Kosminski E. prof.—La question de la main d'œuvre dans le domaine féodal anglais du XIIIe siècle. Gratsianski N., prof.— L'activité de Cyrille et de Méthode dans le royaume de Moravie. COMMUNIQUES. PUBLICATIONS. NOTES: Needly Zd., prof. — Les échos de la révolution russe de 1905 en Bohême. Chaskolski I. — La mission d'Alexandre Nevski en Norvége. Altman V.— A la mémoire de F. Ouspenski. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. NOTES BIBLIOGRAPHIQUES CHRONIQUE.

CONTENTS:

The Tasks of "Problems of History". ARTICLES: Grekov B., acad.—Economic Crisis in the State of Muscovy in the 'Seventies and 'Eighties of the 16th Century. Tikhomirov M., prof. —On the Merchant and Handicraft Societies of Ancient Russia (11th and 15th centuries). Epifanov P.— On the Question of the Military Reforms of Peter the Great. Kosminsky E., prof.— The Question of Labour in the English Feudal Estate of the 13th Century Gratsiansky N., prof. — The Activities of Cyril and Methodius in the Kingdom of Great Moravia. INFORMATION, PUBLICATIONS, NOTES: Nejedly Zd. prof.—Reaction in Czechia to the Russian Revolution of 1905. Shaskolsky J.— Alexander Nevsky's Mission in Norway. Altman V.— In Memory of F. I. Uspensky. REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY. BIBLIOGRAPHICAL NOTES. CALENDAR OF EVENTS.

Редакционная коллегия: В. П. Волгин (отв. редактор), Е. Н. Городецкий, Б. Д. Греков, И. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. А. Кудрявцев, И. И. Минц, А. М. Панкратова, С. Н. Ростовский, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров.

Адрес редакции Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Д 3-31-04
А23614 Изд. № 645. Заказ № 1838. Тираж 31 500

Подписано к печати 21/IX 1945 г. 10 печ. л. 68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина Москва, ул. «Правды», 24.